

Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2019

№ 19

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «Текст. Книга. Книгоиздание»

Айзикова Ирина Александровна – главный редактор
д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета
E-mail: wand2004@mail.ru

Воробьева Татьяна Леонидовна – зам. главного редактора
канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Баль Вера Юрьевна – ответственный секретарь
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Гридина Татьяна Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета
Ершов Юрий Михайлович – д-р филол. наук, зав. кафедрой телерадиожурналистики Томского государственного университета

Есипова Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Жиликова Наталья Вениаминовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории и практики журналистики Томского государственного университета

Калиткина Галина Васильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета

Мароши Валерий Владимирович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета

Пугачев Валерий Вениаминович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета

Старикова Галина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета

Шарафадина Клара Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Щитова Ольга Григорьевна – д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Борисова Т.С.</i> К вопросу о цельности и вариативности средневекового текста: на материале переводной церковнославянской гимнографии триодного цикла	5
<i>Волошина С.В.</i> Коммуникативная стратегия умолчания в автобиографическом дискурсе	23
<i>Ларкович Д.В.</i> Диалогические интенции в лирической поэзии Г.Р. Державина	37

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Сапченко Л.А.</i> Иностранские рецензии на «Историю государства Российского» в восприятии Н.М. Карамзина	48
<i>Проданик Н.В.</i> Метафора «книга-пицца» в письмах, дневниках и воспоминаниях декабристов: семантические варианты и аксиологическая градация	62
<i>Новикова Е.Г.</i> Ф.М. Достоевский в японских комиксах	75

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Зылевич Д.П.</i> Общая характеристика брендинга в издательском деле	95
<i>Лизунова И.В.</i> Рынок электронных книг в России: специфика производства и дистрибуции	106
<i>Щербакова М.И.</i> «Откровенья, благотворные сердцам...». О книге Юрия Михайловича Прозорова «В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции». СПб.: Полиграф, 2017. 406 с.	126
Сведения об авторах	138
Правила оформления статей	139

CONTENTS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Borisova T.S.</i> On the Integrity and Variability of the Medieval Text: On the Material of the Translated Church Slavonic Hymnography of the Triodion Cycle	5
<i>Voloshina S.V.</i> The Communicative Strategy of Silence in Autobiographical Discourse	23
<i>Larkovich D.V.</i> Dialogical Intentions in Gavriil Derzhavin's Lyric Poetry	37

BOOK IN CULTURE

<i>Sapchenko L.A.</i> Foreign Reviews on the <i>History of the Russian State</i> in the Perception of Nikolay Karamzin	48
<i>Prodanik N.V.</i> The Metaphor “Book Is Food” in Letters, Diaries and Memories of the Decembrists: Semantic Variants and Axiological Gradation	62
<i>Novikova E.G.</i> Fyodor Dostoevsky in Japanese Comics	75

BOOK PUBLISHING

<i>Zylevich D.P.</i> General Characteristics of Branding in Publishing	95
<i>Lizunova I.V.</i> The Market of Electronic Books in Russia: The Specifics of Production and Distribution	106
<i>Shcherbakova M.I.</i> “Revelations Beneficial to Heart . . .” on the Book by Yuri Prozorov (2017) <i>V.A. Zhukovskiy v Istoriko-Literaturnom Osveshchenii.</i> <i>Estetika. Poetika. Traditsii</i> [V.A. Zhukovsky in a Historical and Literary Interpretation. Aesthetics. Poetics. Traditions]. St. Petersburg: Poligraf	126
Information about the authors	138
Rules for article submission	139

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 418.2

DOI: 10.17223/23062061/19/1

Т.С. Борисова

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЬНОСТИ И ВАРИАТИВНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕКСТА: НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДНОЙ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ГИМНОГРАФИИ ТРИОДНОГО ЦИКЛА

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос об обоснованности применения к средневековой церковнославянской гимнографии понятия текста в том виде, в котором оно было разработано в текстоведении на современном языковом и литературном материале. Последовательно рассматриваются три иерархические единицы гимнографического дискурса: богослужебный сборник, много-строфный гимн и тропарь-строфа, с точки зрения целостности их структуры и текстовой идентичности. Особое внимание уделяется факту вариативности тропарей, находящихся в непосредственной близости в границах одного рукописного списка, свидетельствующему об отсутствии понятия аутентичности в средневековом восприятии сакрального текста.

Ключевые слова: текст, церковнославянская книжность, гимнография, триодь постная, триодь цветная, вариативность.

Исследователям средневековой письменности часто приходится встречаться с ситуацией, когда не только терминологически определенные, но и интуитивно понимаемые на материале современной словесной культуры понятия оказываются неприменимы для анализа материала других эпох. В числе таких понятий находится и понятие текста как объекта изучения целого ряда гуманитарных дисциплин и как одной из наиболее активно не только используемых в современной филологии, но и теоретически осмысляемых категорий. В рамках теории текста (или текстоведения) [1. С. 19–20] было дано большое количество определений текста [1. С. 104;

2. С. 18; 3. С. 6–7] и указаны его основные признаки, в число которых неизменно входят целостность, понимаемая как интеграция всех элементов [1. С. 145–148; 2. С. 124–128; 3. С. 14], смысло-тематическая структура, а в случае авторского текста и его языковая идентичность, достигаемая точностью воспроизведения [3. С. 94].

Именно такое, сформированное на основе наших современных представлений понятие текста переносится и на церковнославянскую книжность с незначительными поправками относительно слабости выражения авторского начала [4. С. 299–300] и контаминации идентичности при воспроизведении, вызванной отсутствием механизмов точного копирования [4. С. 129–130]. Иными словами, текстолог средневековой книжности, вооруженный современным методологическим аппаратом, нередко воспринимает рукописную историю текста как процесс накопления сознательных и бессознательных искажений текста, а свою задачу в том, чтобы, удалив последующие наслоения, восстановить исходный «аутентичный» текст, который должен обладать всей совокупностью характеристик современного авторского текста и именно в таком виде воспроизводиться (издаваться) впоследствии. Насколько, однако, реален этот искомый объект и не является ли он просто механическим перенесением категорий сознания исследователя на исследуемый материал? Настоящая работа является попыткой поставить данные вопросы на материале, полученном нами при текстологическом исследовании переводной церковнославянской гимнографии триодного цикла по церковнославянским рукописям (триодам постным и цветным) XII–XIV вв.

Первый вопрос, который встает перед текстологом-палеославистом, исследующим гимнографические тексты, – это вопрос о границах текста как целостной единицы средневекового гимнографического дискурса. Церковнославянская переводная и оригинальная гимнография дошла до нас преимущественно в составе сборников (минеи, часословы, октоихи, требники, служебники, триоди постные и цветные и т.д.), в большинстве из которых песнопения, объединенные в макроэлементы – службы или последования, располагались в той последовательности, в которой они

исполнялись при богослужении. В состав таких сборников входили как гимнографические произведения сложной структуры, состоящие из последовательности строф: многострофные кондаки, каноны, циклы стихир или тропарей, – так и однострофные гимны: отдельные тропари, стихир, седальны, однострофные кондаки и икосы т.д. Последние в формальном плане тождественны строфам многострофных гимнов. Итак, текстологу в первую очередь предстоит определить, какую из данных иерархических единиц дискурса – богослужебный сборник, многострофный гимн или отдельную строфу данного гимна – он будет считать текстом, понимаемым как целостная коммуникативная и художественная единица. Рассмотрим последовательно данные единицы в целях установить, насколько оправдано применение к ним понятия текста в том виде, в котором оно сформулировано в современной теории текста.

Д.С. Лихачев, находясь перед дилеммой, считать ли макро- или микроединицы средневековой книжности объектами текстологического анализа, предложил в качестве основного критерия выделения отдельного произведения «самостоятельность изменений его текста относительно других соседних в рукописной традиции» [4. С. 130]. Таким образом, летописное повествование, если оно изменяется только вместе со всей летописью, «не может быть признано за отдельное произведение, каким бы законченным и “сюжетным” нам не казался его текст» [4. С. 131]. Применяв подход Д.С. Лихачева к анализу гимнографического материала, мы, несомненно, должны признать, что богослужебный сборник как целое не имеет статуса текста, несмотря на то что случаи текстовой фиксации отдельного гимнографического произведения вне сборника крайне редки и, как правило, вторичны. Помимо того что вышеуказанные сборники состояли из разножанровых произведений различного происхождения (переводная и оригинальная славянская гимнография, произведения разных эпох и авторов), они нередко меняли свой состав и структуру в зависимости от принятия в ту или иную эпоху на определенной территории конкретного богослужебного устава. Введение нового устава при этом не означало новый перевод соответствующих греческих богослужебных книг,

но лишь редактирование (компилирование и незначительную переработку) уже имевшихся. Поскольку песнопения, уже существовавшие ранее в славянской традиции, переносились с незначительными поправками или вообще без них в сборники новой структуры, их «текст “мозаичен”», он состоит из произведений, которые переведены не одновременно, не в одном месте. Некоторые переведены один раз и редактировались, другие переведены один раз и больше не редактировались, третьи же, по-видимому, переводились несколько раз» [5. С. 28]. Одно и то же гимнографическое произведение могло в зависимости от потребностей богослужения входить в разные сборники. Так, Акафист Богоматери на ранних этапах входил в состав миней и кондакариев, затем, после перенесения его службы с праздника Благовещения на субботу пятой недели Великого поста, вошел в состав триоди постной, позднее был включен и в ряд сборников переменного состава – в псалтири с воследованием, акафистники и т.д. [6. С. 19]. Таким образом, каждый богослужебный сборник распадается на значительное число частей, как созданных непосредственно для данного сборника, так и включенных в него впоследствии редакторами, каждая из которых обладает своей собственной рукописной историей, несводимой к истории самого сборника. Данный вывод был подтвержден нами на основе текстологического анализа ряда песнопений триоди постной [6. С. 166–168, 201–202]. Итак, перед нами не текст, но собрание текстов с достаточно свободными связями между элементами, и если летописные своды уподоблялись Д.С. Лихачевым циклам произведений малого жанра в литературе нового времени [4. С. 131], то в данном случае можно провести типологическую параллель богослужебных сборников с современными хрестоматиями и антологиями, части которых, несомненно, обладают значительно большей автономностью, нежели отрезки текста со своей «автосемантией» [2. С. 98], и не образуют единого структурно-семантического целого. Таким образом, богослужебный сборник, не обладающий целостностью и стабильностью структуры, а также общей рукописной историей, не может быть признан текстом и, следовательно, не может служить объектом

текстологического анализа. Изучение его истории и традиций возможно лишь в типологическом плане, о чем уже говорил первый русский исследователь триоди профессор И.А. Карабинов: «Трудно и даже невозможно говорить о редакциях Постной триоди, потому что каждая рукопись непременно имеет какие-либо особенности: правильнее будет вести речь о типах Постной триоди, т.е. о совокупности известных преобладающих черт, свойственных той или иной группе рукописей» [7. С. 208].

Практически все сказанное выше о богослужебных сборниках может быть в той или иной степени распространено и на следующую в иерархической последовательности единицу гимнографического дискурса – на многострофный гимн. Несмотря на то что в традиции за таким произведением может быть закреплено имя определенного автора, оно далеко не всегда свидетельствует об общности происхождения всего текста. Во многих канонах богородичные тропари дописывались к основному тексту позднее другими авторами, иногда уже третий автор впоследствии прибавлял к канону исходно отсутствовавшую вторую песнь [8. С. 126–128]. С другой стороны, редакторы могли значительно сократить объем того или иного гимна, исключить из него «излишние», на его взгляд, тропари. Так, в частности, поступил неизвестный русский редактор Вологодской триоди (или ее протографа) с Великим покаянным канонам Андрея Критского, в котором он «следуя, видимо, принципу художественной сдержанности, а также закону художественной экономии и логической организации» [9. С. 86], сократил объем текста примерно в четыре раза, оставив в каждой песни, помимо ирмоса, троична и богородична, только по восемь тропарей. Противоположным образом поступил составитель Афонской редакции славянской Триоди постной (либо, скорее всего, ее пока не обнаруженного греческого протографа) – он вставил в текст Великого канона без всяких указаний на факт заимствования из другого источника несколько тропарей из Канона в неделю о Страшном суде Феодора Студита. Речь идет о двух тропарях в конце первой песни (*гряди, прими души моя и оужасаеть мя и страшить*

огнь негасимъи), одном тропаре в конце шестой песни (возми твоє, да не оуслъшюу) и двух тропарях в конце восьмой песни (всѣако дъхание егда призовеши и всѣхъ соудѣи боже мои и господи) [10. С. 253–254]. Отметим, что Канон в неделю о Страшном Суде Феодора Студита создавался под влиянием Великого канона Андрея Критского, близок ему и тематически, и мелодически – он написан на те же ирмосы, что, несомненно, облегчило работу редактора-компилятора и позволило ему получить достаточно гармоничный результат.

Другим свидетельством восприятия многострофных гимнов как композиционных образований достаточно свободной структуры может быть распространенная на ранних этапах церковнославянской книжности практика компилирования в одном тексте разных славянских переводов. Наиболее показательные примеры подобного рода редакторской работы мы находим в западноболгарской Загребской триоди XIII в. [11]. Акафист Богоматери был «составлен» в данном сборнике из двух частей – первая, состоящая из шести строф часть восходит к раннему славянскому переводу гимна, в котором воспроизводится алфавитный акростих византийского оригинала, вторая часть из оставшихся строф взята из другого перевода, не сохранявшего акростиха [6. С. 50–55]. При этом редактора, по-видимому, не очень заботили ни разница художественных принципов совмещаемых им переводов, ни различная последовательность строф в них. О том, что речь идет не о вынужденных мерах, вызванных состоянием протографа, а о сознательном принципе редакторской деятельности, свидетельствует тот факт, что к сходным приемам редактор возвращается и при переработке других многострофных гимнов. В частности, в цикле Антифонов Великой Пятницы¹ он заимствует из раннего славянского перевода первый, второй и последний пятнадцатый антифон, серединные же

¹ Антифоны Великой Пятницы – это цикл из тропарей и богородичен, разделенных на 15 антифонов, исполняемых попеременно двумя хорами на утрне Великой Пятницы в промежутках между чтением первых шести из Двенадцати Евангелий Святых Страстей.

антифоны цикла привлекаются им из другого, более позднего, славянского перевода [12. С. 81]. Наконец, в подтверждение того, что перед нами не особенности индивидуальной техники конкретного редактора, а общепринятые принципы работы с многострофным гимном, можно привести другие сходные компиляции: соединение первой песни из относительно позднего славянского перевода с остальными восемью раннего в Великом каноне древнеболгарской Шафариковской триоди [6. С. 102–104; 13. Л. 73r–86r], а также объединение в одном цикле фрагментов двух славянских переводов: с акростихом и без него – Азбучных стихир Великого канона в сербской Триоди XIV в. [14. Л. 122r–123r], которое приводит, в частности, к повтору одних и тех же строф, идентичность которых не распознается редактором-компилятором [6. С. 145, 156–158].

Все вышесказанное заставляет нас усомниться в возможности применения и к многострофному гимну понятия авторского художественного текста в его современном понимании, поскольку он предстает перед исследователем-текстологом не как цельная и стабильная структура, но как подвижная комбинация относительно автономных частей, каждая из которых может иметь свою текстологическую историю. В типологическом плане данную структуру можно уподобить не отдельному произведению современной литературы, а скорее объединенному в сборник множеству отдельных текстов.

Не обнаружив в двух более высоких иерархических единиц – богослужебных сборников и многострофных гимнов – основных признаков текста в современном понимании данного термина, текстолог-медиевист оказывается в ситуации, когда он должен рассматривать исключительно мелкие однострофные гимны, а также слагающие многострофные гимны строфы в качестве объекта своего исследования. Отметим, прежде всего, что между первыми и вторыми не существовало значительных различий, более того, как показывает текстологическое исследование, одни и те же тропари могли использоваться в разных местах служб как независимо, так и в составе сложных многострофных структур. Несомненно, данные краткие произведения удовлетворяют параметру смысловой, структурной и художественной целостности, представляя

собой закрытую структуру и обладая единой текстологической историей. Именно данные строфы и являются основными далее неделимыми на уровне текста элементами, из которых складываются редакции и компиляции более высоких в иерархии единиц гимнографического дискурса. Однако при рассмотрении данного рода единиц исследователь, вооруженный понятийным аппаратом современной теории текста, сталкивается с другого рода проблемами, а именно с отсутствием у них текстовой идентичности. При этом значительные различия в тексте песнопений далеко не всегда можно свести к ошибкам писцов, неизбежно накапливаемым на протяжении бытования текста в рукописной традиции.

Для того чтобы глубже понять природу вариативности славянской гимнографии, нам показалось интересным сопоставить одни и те же песнопения не по различным спискам, как это обычно делают текстологи, но в границах одного и того же списка. Богатый материал для такого сопоставительного анализа дают нам службы Великого Четверга и Великой Пятницы. Надо сказать, что данные церковные последования претерпели существенные изменения на протяжении VIII–XII вв., прежде всего, значительно увеличившись в объеме, что привело к повторам одних и тех же тропарей в разных частях данных служб [15. Р. 191–241]. Повторяющиеся тропари могли либо выписываться полностью, либо приводился только их начальный фрагмент (зачало), и далее давалась ссылка на место рукописи, где можно было найти полный текст. В частности, в Шафариковской триоди¹ в последовании вечернего богослужения Великого Четверга находим следующие указания для чтецов или певчих: и поем стихиры гласъ искръ д̣, тако глѣтъ г̣дѣ къ июдемъ ици на страсть хвѣѣ антифонъ вѣ дроуѣ законьници израилеви ици въ томже антифонѣ дроуѣ имшимъ та беззаконникомъ ици антифонъ з̣ са славѣ и ннѣ гласъ искръ д̣ днес июда вставлѣть оучительъ ици антифонъ д̣ чинъ ношти великааго патка

¹ Искренне благодарим коллегу Э. Црвенковску за предоставление копий рукописи.

пожт ѣ фалом и потом аилиюгина глас искръ дѣ [13. Л. 124v]. Речь в данном случае идет о ряде тропарей из упомянутых выше Антифонов Великой Пятницы, а именно тропарях сице глеть господь июдеимь и законположьници израилевки из антифона 12, тропаре имшим та беззаконникомъ из антифона 7 и тропаре днесь июда оставляетъ оучителя из антифона 4. Не выписывая в целях экономии полностью текст данных тропарей, писец дает читателю исчерпывающие указания относительно места, где его можно найти.

Для нашего исследования, однако, больший интерес представляют случаи, когда повторяющиеся тропари в обеих службах выписывались полностью, что дает нам возможность сопоставить их тексты. Отметим, что данные повторы в рассматриваемых случаях происходят на относительно небольшом участке книжного пространства (с промежутком в два-четыре листа) и снабжены пометами, указывающими на факт повтора, что позволяет исключить возможность того, что писец просто не отождествил данные два гимна. Итак, один и тот же человек в одной и той же рукописи переписывает один и тот же текст, к тому же имеющий сакральный характер. Казалось бы, все говорит в пользу того, что тексты в обоих случаях должны быть полностью идентичны, как это и происходит в современных богослужебных сборниках. Однако в абсолютном большинстве случаев употребления повторяющихся тропарей в древних церковнославянских рукописях в них встречаются более или менее существенные разночтения. В качестве показательного примера приведем второй тропарь антифона 12, в греческом оригинале имеющий следующий вид: Σήμερον τοῦ Ναοῦ τὸ καταπέτασμα, εἰς ἔλεγχον ῥήγνυται τῶν παρανόμων, καὶ τὰς ἰδίας ἀκτίνας, ὁ ἥλιος κρύπτει, Δεσπότην ὄρων σταυρούμενον [16. С. 376] – и повторяющийся в ряде рукописей еще один раз либо в стихирах первого часа Часов Великой Пятницы, либо среди вечерних стихир (на «Господи воззвах»). В табл. 1 представлены для сопоставления тексты данного тропаря по трем церковнославянским рукописям, наиболее значительные разночтения между текстами

тропаря при первом и втором его употреблении в богослужебном последовании в пределах одной рукописи подчеркнуты.

Таблица 1

Разночтения между повторяющимся тропарем $\Sigma\eta\mu\epsilon\rho\omicron\nu\ \tau\omicron\upsilon\ \text{N}\alpha\omicron\upsilon\ \tau\omicron\ \kappa\alpha\tau\alpha\lambda\acute{\epsilon}\tau\alpha\sigma\mu\alpha$ по трем церковнославянским рукописям

Триодь цветная, собрание Воскресенского монастыря, 27 (XII в.) [17]	
Антифон 12	Стихира первого часа
дѣньсь църкъзвѣнаѣ зѣвѣса на обличение распадѣ са беззаконьникомъ и своѣа лѹча сѣланьце крѣзнетъ владѣикъ зрѣд распинаѣма	дѣньсь църкъзвѣнаѣ зѣвѣса на обличение распадѣ са беззаконьнѣимъ и своѣа лѹча сѣланьце крѣзнетъ владѣикѹ видѣа распинаѣма
Орбелъская триодь (XIII в.) [18]	
Антифон 12	Стихира вечерни на «Господи воззвах»
днес църковна зѣвѣса на обличение беззаконьнѣихъ своѣа лѹча сѣланьце скрѣзъ владѣкѹ зрѣд распинаѣма	днес църковна зѣвѣса на обличение беззаконьнѣимъ распадѣ са и своѣа лѹча сѣланьце крѣзнетъ гѣ видѣа распинаѣма
Загребская триодь (XIII в.) [11]	
Антифон 12	Стихира вечерни на «Господи воззвах»
днесъ църковнаѣ зѣвѣса на обличение распадѣ са беззаконьникомъ и своѣа лѹча сѣланьце крѣзнетъ владѣкѹ зрѣд распинаѣма	днесъ църковна ѡпона на обличение распадѣ са беззаконьнѣимъ и своѣа лѹча сѣланьце скрѣзнетъ гѣ видѣвѣши распинаѣмъ

Анализируя различия между текстами тропарей первого и второго столбцов, мы видим среди них не только изменение порядка слов и утрату союза, не только многочисленные графические, морфологические (владѣикъ – владѣикѹ, видѣа – видѣвѣши), лексикофонетические (своѣа – свое-), лексико-словообразовательные (беззаконьникомъ – беззаконьнѣимъ, крѣзнетъ – скрѣзнетъ), но и собственно лексические (зѣвѣса – ѡпона / зѣпона, видѣа – зр-), а также функциональные варианты (владѣикѹ – господа) [19. С. 127–162]. В последнем из рассмотренных случаев разночтения составляют более 30% от общего объема

тропаря и очевидно указывают на то, что текст был заимствован из разных переводов.

Для подтверждения приведенных выше данных сопоставим другие повторяющиеся тропари в списке Орбельской триоды [18] в указанных выше службах (табл. 2). Греческий оригинал тропарей [16. С. 373–377] приводится для сравнения.

Таблица 2

Сопоставление текстов повторяющихся тропарей Орбельской триоды

<p>Εἶπατε παράνομοι' Τί ἠκούσατε παρὰ τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν, οὐ νόμον ἐξέθετο, καὶ τῶν, Προφητῶν τὰ διδάγματα; πῶς οὖν ἐλογίσασθε Πιλάτῳ παραδοῦναι, τὸν ἐκ Θεοῦ Θεὸν Λόγον, καὶ Λυτρωτὴν τῶν ψυχῶν ἡμῶν</p>	<p>Антифон 8, тропарь 1</p> <p>рьцѣте беззаконны что слы- гасте на спаса нашего не закон ли взидать и пророческа оучени како же помыслисте пилатѹ прѣ- дати ѿ ба бѣ слово изба- витель дшамь нашимъ</p>	<p>Третий час, стихира 2</p> <p>рьцѣте беззаконници что слышасте ѿ спаса нашего не закон ли взидать пророчес- ка оученика како помислите пилатови прѣдати ѿ ба бѣ слово избавитель дшамь нашимъ</p>
<p>Σταυρωθήτω ἕκραςον, οἱ τῶν σῶν χαρισμάτων ἀεὶ ἐντροφῶντες, καὶ κακοῦργον ἀντ' εὐεργέτου, ἡτοῦντο λαβεῖν, οἱ τῶν δικαίων φονευταί, ἐσιώπας δὲ Χριστέ, φέρων αὐτῶν τὴν προπέτειαν, παθεῖν θέλων, καὶ σῶσαι ἡμᾶς ὡς φιλόανθρωπος</p>	<p>Антифон 8, тропарь 2</p> <p>да распнетъ са въпинахѣ иже твоихѣ дарованен наслаждающе са присно и злѣдѣна въ блгѣдѣтелѣ мѣсто правдоѣ прижити правдѣнаго оубиницѣ мль- чыше же хѣ трѣпа ихъ соуровзство пострадати хота и спѣти ни тако члвѣколюбьцѣ</p>	<p>Третий час, стихира 3</p> <p>да распнетъ са въпинахѣ иже твоихѣ дарованен присно наслаждающе са и злѣдѣна въ блгѣдѣтелѣ мѣсто про- шхѣ прижити правдѣнаго оубиницѣмь мльчаше же хѣ трѣпа ихъ соуровзство по- страдати хота и спѣти ни такѡ мѡсерѣдѣ</p>

	Αντιφών 7	Στιхиρα вечерни на «Господи воззвах»
<p>Τοῖς συλλαβοῦσί σε παράνομοις, ἀνεχόμενος, οὕτως ἐβόας Κύριε. Εἰ καὶ ἐπατάξατε τὸν ποιμένα, καὶ διεσκορπίσατε τὰ δώδεκα πρόβατα τοὺς Μαθητάς μου, ἠδυνάμην πλείους, ἢ δώδεκα λεγεῶνας παραστήσαι Ἀγγέλων, ἀλλὰ μακροθυμῶ, ἵνα πληρωθῆ, ἃ ἐδήλωσα ὑμῖν διὰ τῶν Προφητῶν μου, ἄδηλα καὶ κρύφια. Κύριε δόξα σοι</p>	<p>ИЕМШИМ ТА ВЕЗАКОННИКОМЪ ПРѢТРЪП'ВѢАЖЪ СИЦЕ ВЪПИ- ИШЕ ГОСПОДИ АЩЕ ПОРАЗЖИТЕ ПАСТ'ЫР'Ѣ И РАЗЛѢЧИТЕ ВЪСВѢНАДДЕСАТЕ ВЪЕЦЬ ОУЧЕНИКЪ МОИХЪ МОЖАХЪ ВЪ БОЛЕН ЪИ ЛЕГЕВНЪ ПРѢДСТА- ВИТИ АНГЕЛЪ НѢ ДЪЛЪ- ГОТ'РПА ДА СВѢДѢТЬСА ИЖЕ ІАВНІХЪ ВАМЪ ПРΟΡΟΚЪІ СВОИ- МИ НЕ ІАВЛЕНА ТАИНА ГОСПО- ДИ СЛАВА ТѢВЪ</p>	<p>ИЕМШИМ ТА ВЕЗАКОННИКОМЪ ПРѢТРЪП'ВѢАЖЪ СИЦЕ ВЪПИИШЕ ГОСПОДИ АЩЕ ПОРАЗЖИТЕ ПАС- Т'ЫР'Ѣ И РАЗЛѢЧИТЕ ВЪБѢНА- ДЕСАТЕ ВЪЕЦЬ ОУЧЕНИКЪ МОИХЪ МОЖАХЪ БОЛЕ И ЪИ ЛЕГЕВНЪ ПРѢДСТАВИТИ АНГЕЛЪ НѢ ДЪЛЪГОТ'РПА ДА СВѢДѢТЬСА ИЖЕ ІАВНІХЪ ВАМЪ ПРΟΡΟΚЪІ ΜΟΙΜΙ НЕ ІАВЛЕНА ТАИНА ГОСПОДИ СЛАВА ТѢВЪ</p>
<p>Σήμερον κρεμᾶται ἐπὶ ξύλου, ὁ ἐν ὕδασι τὴν γῆν κρεμάσας. Στέφανον ἐξ ἀκανθῶν περιτίθεται, ὁ τῶν Ἀγγέλων Βασιλεύς. Ψευδῆ πορφύραν περιβάλλεται, ὁ περιβάλλων τὸν οὐρανὸν ἐν νεφέλαις. Ράπισμα κατεδέξατο, ὁ ἐν Ἰορδάνῃ ἐλευθερώσας τὸν Ἀδάμ. Ἦλοις προσηλώθη, ὁ Νυμφίος τῆς Ἐκκλησίας. Λόγῃ ἐκεντήθη, ὁ Υἱὸς τῆς Παρθένου. Προσκυνοῦμέν σου τὰ Πάθη Χριστέ. Δεῖξον ἡμῖν, καὶ τὴν ἔνδοξόν σου Ἀνάστασιν</p>	<p>Αντιφών 15, τροπάρη 1 ДНЕС ВИСИТЬ НА ДР'ВѢВЪ ПОВѢШЕН И ЗЕМА НА ВОДАХЪ И ВЪНЕЦЬ ТРЬНОВЪ НОСИТЬ ИЖЕ ДГЕЛЬСКЪІ ЦРЬ ЛЪЖНОЖЪ ПОРФИРОЖЪ ВЪБЛАЧИТ СА ВЪ- ЛАЧАЖЪ НЪВО ВЪБЛАКЪІ ОУДАРЕНИЕ ПРИЕМЛЕТЬ СВО- БОДИВЪІ АДАМА ВЪ ЕРДАИВЪ ГВОЗДЪМИ ПРИГВОЗДИ СА ЖЕНИХЪ ЦРКВНЪІ КОПИНЕМЪ ПРОВОДЕ СА СЪІНЪ ЧЛОВѢЧЪ ПОКЛАНІЕМЪ СА СЪТРЕТЕМ ТИ ХѢ ПОКАЖИ НАМЪ СЛАВНОЕ ВЪСКРЪСЕНИЕ ТВОЕ</p>	<p>Первый час, стихиρα 3 ДНЕС ВИСИТЬ НА ДР'ВѢВЪ ПО- ВѢШЕН ЗЕМА НА ВОДАХЪ ВЪНЕЦЬ ТРЬНОВЪ НОСИТЬ ИЖЕ ДГЛОМЪ ЦРЬ ВЪ ЛЪЖИЖА ПОР- ФИРОЖЪ ВЪБЛАЧИТ СА ВЪБЛАЧАЖЪ НЪСА ВЪБЛАКЪІ ОУДАРЕНИЕ ПРИАТЬ СВОБОДИВЪІ АДАМА ВЪ ЕРДАИВЪ ГВОЗДЪМИ ПРИГВОЗДИ СА ЖЕНИХЪ ЦРКВНЪІ КОПИНЕМЪ ПРОВОДАЕТ СА СЪНЪ ЧЛОВѢЧЪ ПОКЛАНІЕМЪ СА СЪТРЕТЕМ ТИ ХѢ ПОКАЖИ НАМЪ СЛАВНОЕ ТВОЕ ВЪСКРЪСЕНИЕ</p>

	Первый час, стихира 1	Стихира вечерни на «Господи воззвах»
Δεῦτε χριστοφόροι λαοὶ κατίδωμεν, τί συνεβουλευσατο Ἰούδας ὁ προδότης, σὺν ἱερεῦσιν ἀνόμοις, κατὰ τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν, σήμερον ἔνοχον θανάτου, τὸν ἀθάνατον Λόγον πεποιήκαν, καὶ Πιλάτω προδώσαντες, ἐν τόπῳ Κρανίου ἐσταύρωσαν, καὶ ταῦτα πάσχων, ἐβόα ὁ Σωτὴρ ἡμῶν λέγων, Ἄφες αὐτοῖς Πάτερ τὴν ἁμαρτίαν ταύτην, ὅπως γινῶσι τὰ ἔθνη, τὴν ἐκ νεκρῶν μου Ἀνάστασιν	ПРИДѢТЕ ХРИСТОУСОУЩИ ЛЮ- ДНЕ ГРАДѢТЕ ВИДИМЪ ЧТО СВѢЩА ЮДА ПРѢДАТЕЛЬ СЪ АРХИЕРЕН БЕЗАКОННИМИ НА СПСА НАШЕГО ДНЕС БО ПОВИН- НО СЪМЪРТИ СЪТВОРИШѢ БЕСМЪРТНАГО СЛОВА И ПИЛАТЪ ПРѢДАШѢ НА КРЪСТЬ ПРИ- ГВОЗДИШѢ И ТЪ СТРАЖАѢ ВЪПИШАШЕ СПѢСЪ ГЛАГОЛА УСТА- ВИ НИМЪ УТЧЕ ГРѢХО СЪ ЕДА КАКО СВѢДАТЬ ИЗ МРЪТВЪЗИХЪ ВСКРЪСЕНИЕ МОЕ	ГРАДѢТЕ ХРИСТОУЛОВИВИ ЛЮ- ДНЕ ВИДИМЪ ЧТО СВѢЩА ЮДА ПРѢДАТЕЛЬ СЪ АРХИЕРЕН БЕЗА- КОННИМИ НА СПСА НАШЕГО ДНЕС БЕСМЪРТНАГО НА СМЪРЪТ ПРѢДАЖЪ И ПИЛАТЪ ПРѢ- ДАВШЕ НА МЪСТЬ КРАНИЕВЪ РАСПАШѢ И НИ ЕЩЕ СТРАЖАѢ СПѢСЪ МОИ ГЛАГОЛА НЕ ПСТАВИ НИМЪ УТЧЕ ГРѢХО СЕГО ТАКО ДА РАЗУМѢЖЪ АЗЪЦИ Ѡ МРЪТВЪЗИХЪ МОЕ ВСКРЪСЕНИЕ

Анализ таблицы показывает, что разночтения, присутствующие в повторяющихся тропарях Орбельской триоди, колеблются от несущественных графических, фонетических и морфологических вариантов, а также очевидных ошибок переписывания, до значительного количества не только собственно лексических и функциональных вариантов, но и содержательных различий в последнем примере, меняющих тропарь до неузнаваемости. Очевидно, что и в данном случае повторенный тропарь в составе вечерней службы был взят редактором из другого перевода, причем перевода более дословно точного в сопоставлении с тем же тропарем в составе последования Первого часа, который был сделан в технике ранних переводов-парафразов.

Как мы видим, различия в текстах повторяющихся тропарей-строф могли возникнуть на разных этапах истории данного песнопения в двух языковых системах: в греческой рукописной традиции, при переводе одного и того же греческого текста разными славянскими переводчиками, при дальнейшем редактировании или

просто переписывании церковнославянского текста. Выяснение конкретных причин появления каждого из разночтений не входит в задачи данного исследования, на данном этапе нам важно только констатировать факт их наличия не только в диахронии рукописной истории гимнов, но и в синхронии конкретного списка.

Наличие вышеописанных разночтений разной природы и в разном объеме, сознательно допускаемых писцами и редакторами, говорит о вариантивности данных единиц гимнографического дискурса и об отсутствии у них текстовой идентичности. Подчеркнем еще раз, что речь идет о богослужебных текстах, где, по крайней мере, в категориях современного религиозного сознания, тождественность формы понимается как необходимое условие сохранения сакральной составляющей. Однако данные текстологического анализа свидетельствуют о сознательном отступлении книжников от единства формы в пользу ее вариативности. Вопрос о том, правомерно ли считать данные единицы одним и тем же текстом или речь идет о разных текстах, и где именно лежит граница между вариантами одного и того же текста и разными текстами, видимо, актуален лишь для восприятия данного феномена современным исследователем, но никак не для языкового сознания средневекового книжника. Более того, средневековый книжник не оценивал данные варианты с точки зрения их правильности-неправильности, не пытался найти среди них аутентичный, но воспринимал их как равноправные и «равноправильные». Вариантность формы в рамках данного восприятия перестает быть результатом контаминированности аутентичного «правильного» текста и становится естественным способом его бытования в книжности.

Итак, последовательно проанализировав три иерархические единицы церковнославянского гимнографического дискурса: богослужебный сборник, многострофный гимн, тропарь-строфу многострофного гимна – мы не обнаружили среди них ни одной, соответствующей понятию авторского текста в современном понимании данного термина. Богослужебные сборники и многострофные гимны с их «мозаичной» структурой, являющейся результатом более или менее свободного комбинирования малых гимнографических

жанров, не удовлетворяют признакам цельности и общности текстологической истории, тогда как тропари-строфы не обладают текстовой идентичностью, причем воспроизводятся одними и теми же писцами в границах одного и того же списка со значительными разночтениями. Следовательно, использование разработанного на основе современной литературы понятийного аппарата для анализа средневековой книжности приводит к неизбежному искажению картины исследуемого явления, насильственно «подгоняемого» под категории сознания исследователя. Подобные искажения могут привести в том числе к неправильной постановке задач исследования, в частности к поиску и восстановлению несуществующего аутентичного текста.

Литература

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. 4-е изд. М. : Флинта; Наука, 2009. 520 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд. М. : КомКнига, 2007. 144 с.
3. Валгина Н.С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 173 с.
4. Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. 3-е изд. СПб. : Алетейя, 2001. 759 с.
5. Момина М.А. Вопросы классификации славянской Триоди // ТОДРЛ. Л. : Наука, 1983. Т. 37. С. 25–38.
6. Борисова Т.С. Текстология церковнославянских переводов византийских гимнографических текстов по спискам Триоди постной XII–XV веков. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2016. 280 с.
7. Карабинов И.А. Постная Триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910. 288 с.
8. Δετοράκης Θ. Κοσμάς ο Μελωδός. Βίος και έργο. Θεσσαλονίκη : Πατριαρχικών Τόβρια Πατερικών Μελετών, 1979. 259 р.
9. Кириллин В.М. «Великий покаянный канон» святителя Андрея, архиепископа Критского, в древнерусской переработке // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 79–94.
10. Борисова Т.С. Афонская редакция церковнославянского перевода Великого покаянного канона св. Андрея Критского в славянской литургической традиции // Афон и славянский мир. Сборник 3 : материалы Третьей международной конф., посвящ. 1000-летию присутствия русских на Святой Горе (Киев, 21–23 мая 2015 г.). Афон, 2016. С. 247–257.
11. Триодь постная и цветная, XIII в., Загребский Архив, Скопия, шифр IV d 107.

12. Borisova T. The Great and Holy Friday Antiphons in the Early Ecclesiastical Slavonic Tradition: Comparative Analysis of the Troparia Composition // *Fragmenta Hellenoslavica*. Thessaloniki, 2018. Vol. 5. P. 57–82.

13. Триодъ постная и цветная, конец XII – начало XIII в., РНБ, Санкт-Петербург, шифр Ф.п. I.74.

14. Триодъ постная и цветная, XIV в., Национальная библиотека Сербии, Белград, шифр 644.

15. Javier F. Πάθος και Ανάστασις: Ιστορική εξέλιξη της Βυζαντινής υμνογραφίας της Μεγάλης Βδομάδας και της Εβδομάδας της Διακαινησίμου. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 2007. 540 p.

16. Триодιον κατανακτικόν. Ἐν Βενετία, 1867. 455 с.

17. Триодъ цветная (ногированная), XII в., ГИМ, Москва, собрание Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, шифр 27.

18. Триодъ постная и цветная, XIII в., РНБ, Санкт-Петербург, шифр Ф.п. I.102.

19. Панин Л.Г. История церковнославянского языка и лингвистическая тектология. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995. 218 с.

On the Integrity and Variability of the Medieval Text: On the Material of the Translated Church Slavonic Hymnography of the Triodion Cycle

Text. Kniga. Knigoznanie – Text. Book. Publishing, 2019, 19, pp. 5–22

DOI: 10.17223/23062061/19/1

Tatiana S. Borisova, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece). E-mail: borisova@slavstud.uoa.gr, tatianaborissova@gmail.com

Keywords: text, Church Slavonic literature, hymnography, Lenten Triodion, Pentecostarion, variability.

The aim of the present study is to determine the limits to the applicability of the concept of text in the way it was formulated in the modern text linguistics for the analysis of phenomena of medieval literature. More specifically, the author studied how the units of the Church Slavonic hymnographic discourse correspond to the characteristics of the original author's text according to their integrity and identity of the form. The investigation was performed on the material of a number of hymns of the Triodion and Pentecostarion cycle from the South Slavonic and East Slavonic manuscripts of the Lenten Triodion and the Pentecostarion dating from the 12th to the 14th centuries. The following three hierarchical units of hymnographic discourse were consecutively discussed: a liturgical hymnbook, a multi-stanza hymn, and a stanza-troparion. Regarding the first two units, it was concluded that they lack integrity, which is a necessary characteristic of the text in the modern understanding of the term. These structures were created by a more or less free combination of small hymnographic forms, and their constituent elements could have different origins and different textual history. On the other hand, the stanza-troparion, which is characterized by textual integrity, did not have textual identity, while the variation of the form is observed not only between the manuscripts, but also in the case when the same stanza-troparion is repeated in the same

manuscript as part of different services. A comparative analysis of repetitive troparia in the services of Great and Holy Thursday and Great and Holy Friday showed significant differences between them, often going back to different translations of a certain hymn. Such differences indicate that the variability of the form did not prevent the identification of these troparia by the medieval scribes, and was not recognized as a result of the contamination of the authentic “correct” text, but used to be a natural way of its existence in the tradition. Thus, the concept of the author’s authentic text up to the 14th century is irrelevant for the Church Slavonic hymnography, which is based on the variability of combinations of variable stanza, not evaluated by scribes in the categories of “correct” and “incorrect”. Following on from the results of the study, the author comes to the conclusion of the incorrectness of application to the old Church Slavonic literature of concepts and categories theoretically developed on the basis of modern literature and language, without significantly rethinking them from the point of view of the world picture of a medieval man.

References

1. Bolotnova, N.S. (2009) *Filologicheskii analiz teksta* [Philological text analysis]. 4th ed. Moscow: Flinta, Nauka.
2. Galperin, I.R. (2007) *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic investigation]. 5th ed. Moscow: KomKniga.
3. Valgina, N.S. (2003) *Teoriya teksta* [Theory of Text]. Moscow: Logos.
4. Likhachev, D.S. (2001) *Tekstologiya. Na materiale russkoy literatury X–XVII vekov* [Textology. Russian literature of the 10th – 17th centuries]. 3rd ed. St. Petersburg: Aleteya.
5. Momina, M.A. (1983) *Voprosy klassifikatsii slavyanskoy Triodi* [Problems of classification of Slavonic Triodion]. *TODRL*. 37. pp. 25–38.
6. Borisova, T.S. (2016) *Tekstologiya tserkovnoslavyanskikh perevodov vizantiyskikh gimnograficheskikh tekstov po spiskam Triodi postnoy XII–XV vekov* [Textology of Church Slavonic Translations of Byzantine Hymnography from the Lenten Triodion of 12–15th Centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
7. Karabinov, I. (1910) *Postnaya Triod'. Istoricheskiy obzor ee plana, sostava, redaksiy i slavyanskikh perevodov* [Lenten Triodion. Historical Review of its Plan, Composition, Versions and Slavonic Translations]. St. Petersburg: [s.n.].
8. Detorakis, Th. (1979) *Kosmas o Melodos. Vios kai Ergo* [Cosmas the Melodist. Life and Work]. Thessaloniki: Patriarchal Foundation for Patristic Studies.
9. Kirillin, V.M. (2003) “Velikiy pokayannyi kanon” svyatitelya Andreya, arkhiepiskopa Kritskogo, v drevnerusskoy pererabotke [The Great Canon of Repentance by St. Andrew, Bishop of Crete in Old Russian reduction]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 3(13). pp. 79–94.
10. Borisova, T.S. (2016) [The Athos version of the church Slavonic translation of the Great Canon of Repentance by St. Andrew, Bishop of Crete in Slavic liturgical tradition]. *Afon i slavyanskiy mir* [Athos and Slavic World]. Proc. of the Third International Conference. Kyiv. May 21–23, 2015. Athos. pp. 247–257. (In Russian).

11. The Zagreb Archive (Skopje). (n.d.) *Triod' postnaya i tsvetnaya, XIII v.* [Lenten Triodion and Pentecostarion. 13th century]. Code IV d 107.
12. Borisova, T. (2018) The Great and Holy Friday Antiphons in the Early Ecclesiastical Slavonic Tradition: Comparative Analysis of the Troparia Composition. *Fragmenta Hellinoslavica*. 5. pp. 57–82.
13. The Russian National Library. (n.d.) *Triod' postnaya i tsvetnaya, konets XII – nachalo XIII v.* [Lenten Triodion and Pentecostarion. The end of the 12th – early 13th centuries]. Code F.п.I.74.
14. The National Library of Serbia(Belgrade). (n.d.) *Triod' postnaya i tsvetnaya, XIV v.* [Lenten Triodion and Pentecostarion. The 14th century]. Code 644.
15. Javier, F. (2007) Pathos kai Anastasis: Istoriki exelixa tis Vyzantinis Ymnografias tis Megalis Vdomadas kai tis Evdomadas tis Diakainisimou [Passion and Resurrection: Historical Development of the Byzantine Hymnography of the Great and Holy Week and the Easter Week]. PhD Thesis. Thessaloniki.
16. Anon. (1876) *Triodion Katanyktikon* [Lenten Triodion]. Venice: [s.n.].
17. The State Historical Museum (Moscow). (n.d.) *Triod' tsvetnaya (notirovannaya), XII v.* [Pentecostarion (with notes). The 12th century]. Collection of the Voskresensky New Jerusalem Monastery. Code 27.
18. The Russian National Library (St. Petersburg). (n.d.) *Triod' postnaya i tsvetnaya, XIII v.* [Lenten Triodion and Pentecostarion. The 13th century]. Code F.п.I.102.
19. Panin, L.G. (1995) *Istoriya tserkovnoslavjanskogo yazyka i lingvisticheskaya tekstologiya* [History of Church Slavonic Language and Linguistic Textology]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

С.В. Волошина

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ УМОЛЧАНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

***Аннотация.** В статье рассматривается реализация коммуникативной стратегии умолчания в письменных и устных автобиографических текстах. Представляется, что наряду с самопрезентацией это одна из главных коммуникативных стратегий, которые использует человек при рассказывании о себе. Определено, что умолчание информации связано с коммуникативной ситуацией, включающей собеседников, тему общения, с ограниченностью времени, с психологическими факторами: нежеланием информанта сообщать о чем-либо, смущением и т.п., социально-политическими причинами.*

Ключевые слова: автобиография, делопроизводственная автобиография, автобиографический текст, автобиографический рассказ, автобиографический дискурс.

Изучение автобиографических письменных текстов и устных рассказов вскрывает их яркую особенность – неполноту информации и умолчание её авторами.

Цель статьи – исследовать репрезентацию и факторы реализации коммуникативной стратегии умолчания в автобиографическом дискурсе.

Материалом исследования выступают 100 делопроизводственных автобиографий (томичей или людей, для которых Томск стал городом временного или постоянного проживания), написанных жителями г. Томска в конце 1920-х – 1990-е гг. на специальных бланках или на листах чистой бумаги, и 140 устных автобиографических рассказов сибирских старожил, записанных на территории Томской области с 1940 по 2018 г. Делопроизводственные

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70006 а (р) и при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043 «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

автобиографии хранятся в личных делах (поэтому и называются «делопроизводственные»), отложившихся в Государственном архиве Томской области (ГАТО), архивах университетов г. Томска [1. С. 2].

Коммуникативная стратегия умолчания, реализуемая в автобиографических текстах, еще не становилась предметом исследований, однако учитывалась и упоминалась авторами при анализе композиции и содержания делопроизводственной автобиографии [1], в исследовании таких текстов в структуре судебного-следственного дела [2]. При изучении художественных автобиографических произведений исследователи отмечают проблему соотношения правды и вымысла в текстах, выяснения истинности, достоверности приводимых сведений и вымысла, т.е. в каком-то смысле – умолчания информации [3, 4].

Феномен умолчания изучен больше на материале текстов других типов дискурса. Так, умолчание рассматривается исследователями на материале текстов СМИ как стратегия формирования имиджа [5], как стилистический приём [6] и как коммуникативная стратегия [7], в современном русском дипломатическом дискурсе – как речевая тактика [8], на материале прозаических произведений авторов XIX и XX в. – как компонент художественного текста, поэтический приём [9], как тактика учителя в системе профессиональных речевых тактик [10], на материале политических текстов – как средство реализации неискреннего дискурса [11] и др.

Идентификация умолчания как тактики, приема, стратегии, средства демонстрирует его разное понимание. Это подтверждает и Краткая литературная энциклопедия, в которой отмечается, что не существует общепризнанных толкований термина «умолчание», это условный термин поэтики, который имеет несколько значений:

- 1) недоговоренность фраз, слов;
- 2) часть фабулы, композиции (например, на умолчании строятся произведения детективного жанра);
- 3) как приём, связанный с явлением художественного подтекста, недосказанности, открытой композиции [12. С. 807].

В данной работе умолчание рассматривается как коммуникативная стратегия, направленная на предоставление неполной информации о себе и своей жизни, в том числе ее намеренное сокрытие.

Умолчание в автобиографических текстах может быть связано с разными факторами, главным из которых является их **жанровая специфика**: в исследуемых текстах всегда присутствуют определенные лакуны – авторы / информанты не могут рассказать о своей жизни всё, описать каждый день от момента рождения. В словаре-справочнике «Культура русской речи» автобиография определяется как жизнеописание какого-либо лица, составленное им самим, и отмечается, что в таком документе «можно написать и другие сведения, которые автор сочтёт необходимым осветить в автобиографии» [13. С. 17]. Этот момент отражает возможность авторам указывать не всю информацию о себе, а отбирать наиболее важные события из своей жизни для включения их в текст. Например, в одном из анализируемых личных дел содержатся три делопроизводственные автобиографии 1938, 1947 и 1980 гг. В начале первых двух текстов автор указывает сведения о матери: «Мать, дочь захудалого попа, вышла замуж за отца в 1910 году (гражданский брак) и с тех пор занимается исключительно домашним хозяйством, а до 1913 года крестьянским хозяйством вместе с отцом» (1938 г.); «Мать в прошлом мещанка, с начала замужества (1910 г.) – домашняя хозяйка» (1947 г.), в последнем же тексте в начале содержится информация только об отце, в конце текста указывается: «Отец и мать умерли» (1980 г.).

В другом личном деле содержатся три автобиографии, в первой из которых при поступлении в университет в 1946 г. автор пишет о воспитании после смерти отца и об увлечении чтением: «...после смерти отца (1939 г.), когда “воспитание” мое перешло к матери, мои школьные успехи пошли на убыль. Воспитание моё матерью заключалось в том, что она кормила и одевала меня. В остальном я был предоставлен самому себе. Формированием моих взглядов на жизнь, на человека я обязан книгам. Выучившись шести лет читать, я заразился страстной любовью к книгам. Быстро покончил с детской литературой, начал читать более серьезные книги. Осо-

бенно сильное впечатление на меня произвела книга “Маленький оборвыш”, которую я прочитал еще в 3-м классе...». В более поздних автобиографиях эти сведения уже не указываются. Так, в автобиографии 1951 г. автор пишет: «Родители: отец умер в 1939 г. в городе N. Мать и две сестры живут в том же городе»; в автобиографии 1979 г. указывается, что «отец NNN умер в 1939 г., мать NN проживает в N». Это может быть связано с темпоральным фактором – переосмыслением своей жизни автором с течением времени, изменениями, произошедшими в ней, когда на смену одним важным событиям, пришли другие.

На значимость фактора темпоральности обращают внимание исследователи, изучая константы и трансформации народной культуры в диалектном языке и тексте [14]. При устных автобиографических рассказах информанты сами определяют, что они считают нужным сообщить, какие события выбрать из своей жизни: «Ну не знаю, что там еще рассказать, Света, на пенсию я пошла, конечно, я общественной работой почти не занимаюсь, но я посадила ягодные культуры, я себе небольшой садик сделала»; «[говорит вернувшейся домой супруге] Они не хотят [чай], я предлагал, я даже сам перестал чай пить, ты не мешай, не путайся тут, я рассказываю, девочкам надо записать, потом ты расскажешь, за что отец расстрелянный. Старшее поколение все переболели этим».

Наличие лакун в автобиографических текстах обусловлено в том числе **коммуникативной ситуацией**, в которой оказывается автор / информант. С одной стороны, перед информантами / авторами устных и письменных текстов стоит одинаковая цель – рассказать о себе. С другой стороны, порождение автобиографических устных и письменных текстов – это разные ситуации: в одном случае информант рассказывает о себе исследователю, отвечает на его вопросы, что-то уточняет, объясняет ему и т.п.; во втором – автор будущего письменного текста составляет автобиографию, только подразумевая адресата и иногда имея перед собой бланк автобиографии с указанными требованиями (вопросами), что необходимо осветить в тексте. Авторы при создании автобиографии находятся в таких условиях, когда или разговор ограничен

временем общения с исследователями, или текст автобиографии должен уместиться на бланке.

На ответы респондентов, сокрытие информации, ее достоверность, по мнению исследователей, влияют составляющие коммуникативной ситуации: участники (прежде всего, личность интервьюера), метод сбора материала (по телефону, личное общение, по почте), место и время, тема общения, этические и психологические аспекты. Взаимодействие информантов и исследователей в процессе устного биографического интервью, умолчание информации и факторы, влияющие в этой ситуации на получение нужного, качественного материала, исследовались в социологии [15, 16], описывались в антропологических работах [17], исторической науке [18], психологии [19]. Большое внимание этой проблеме уделяется в пособиях и методических рекомендациях для начинающих работать в «поле» [20, 21], отмечается важность проведения качественного интервью и умения распознавать умолчание: «Уметь распознавать фигуры умолчания в речи информанта важно для интерпретации его рассказа в целом» [22. С. 241]. Психологи отмечают включение защитных механизмов, сопротивления при работе с клиентами [19]. Вместе тем исследователи указывают на то, что «биографант имеет право на умолчание и даже на искажение действительных событий, если это не затрагивает чести и достоинства других людей. Всякий “рассказ о жизни” есть автопортрет героя (он же – рассказчик), каким он был и, вместе с тем, каким является ныне, есть взгляд в прошлое “из сегодня”, сквозь призму всего жизненного и исторического опыта субъекта. Любая информация в биографическом нарративе есть жизненное свидетельство, а не свидетельское показание» [23. С. 19].

На умолчание информации может оказать влияние **состав участников коммуникации**. При наличии рядом супруга / супруги, детей, внуков информанты могут чувствовать себя более скованно, поэтому рассказывают не все подробности о своей жизни. Так, после записи речи супругов, когда мужчина вышел из дома, женщина смогла более подробно рассказать о знакомстве с будущим мужем, замужестве, семейной жизни. В ситуации записи

информантов-соседей, когда один из них ушёл, другой информант указал, что в основном своём повествовании не стал при соседе рассказывать о нём, что «у него в школе <...> кличка была Живчик, живой, а, оказалось, по жизни, ему уже сколько лет, он такой же подвижный и активный. А кличка в детстве зря не даётся». В некоторых случаях наличие соседей, друзей информантов не даёт возможности умолчать информацию. Например, жительница села Мельниково Шегарского района Томской области в рассказе о своей жизни, упоминала о том, что её мать вышла замуж за другого мужчину: «Уехала оттуда, а мама уже в то время сошлась с мужчиной». Присутствовавшая при разговоре другая жительница села включилась в разговор: «Немножко добавь, что папа с войны не пришёл. <...> Поэтому мама с другим сошлась». В этом случае информанту пришлось включать в свой рассказ пропущенный эпизод: «Здесь в отношении папы так. Щас я вам вставлю этот вот эпизод. . .».

Автобиографический рассказ является наиболее распространенным речевым жанром при общении сельских жителей с диалектологами, поскольку информанты при первой встрече с исследователями, как правило, сообщают о себе. Ситуация общения с неизвестным для информанта человеком становится одним из факторов умолчания информации. Важным в этом случае для информантов является знание о том, кем являются исследователи, как дальше будет использоваться собранный материал, записывалась ли речь еще кого-то из села / деревни. Эту информацию сельские жители узнают при помощи вопросительных конструкций: «Вы же не аголо'вники?»; «Это, наверно, будет запись куда-нибудь?»; «Ну, и что вы будете записывать, что я говорю и потом что?»; «А, собственно говоря, кто здесь еще должен быть, в ваших этих записях, или вы чуть не сплошь, все старье собираете?»; «Вы записывать? Старых нас куды-ы»; «Не буду больше ничё говорить, хватит. Чё попало напишете. А вы чё собираете-то, ездите? А потом где это печатать-то будете, скажите?».

Информанты могут умалчивать информацию в связи с **темой общения**. Так, в устных автобиографиях проявляется нежелание / невозможность рассказывать о том или ином периоде жизни

в какое-то время: «Чё о себе рассказать-то вам? Даже и не знаю. Жизнь у меня разнообразная была, хоть из села я и не выезжала. Жизнь была тяжёла, что вспоминать аж не хочется. Как вспоминать начну – слёзы сами градом со щёк лютя»; «[Мы бы хотели у вас узнать о вашем детстве.] У-у-у, вот о чём, ой-ой-ой. [Расскажете?] Не больно хорошее детство. <...> Его страшно вспоминать. Я как-то хотела рассказать в Совете ветеранов, так и не могла, расплакалась... Слёзы и... всё»; «[А вернулось с войны сколько?] Да об этом даже тяжело вспоминать. Вернулись, конечно, единицы, мало конечно. Нас всего несколько человек щас осталось. От количества нас призванных – нас осталось два в живых». Исследователи отмечают, что носители культуры «не говорят не только о ничего не значащем, но и об очень важном. <...> Молчание носителей культуры амбивалентно» [24. С. 17]. Иначе говоря, отсутствие при повествовании какой-либо темы может быть связано и с неразработанностью для данного типа культуры того или иного фрагмента действительности, и с его высокой значимостью для человека [24]. Так, записывая речь сибирской крестьянки В.П. Вершининой (1909–2004) более 25 лет и изучая ее, исследователи отмечали, что при общении с диалектоносителем обнаруживалось «нежелание обсуждать тему сверхъестественного, последовательный уход от вопросов о собственной вере, но, вместе с тем, обострённый интерес к религиозной позиции собирателей (людей “учёных” и потому авторитетных для Веры Прокофьевны)» [25. С. 37].

Тема повествования, как видно из предыдущих примеров, может вызывать разные чувства, переживания у информантов, т.е. умолчание может быть обусловлено и **психологическими причинами**: стыдом, смущением, травматическим опытом у информанта, составителя письменной делопроизводственной автобиографии: «А я щас если и без слёз-то говорить не могу, как я прожила. Ну, вы мне вопросы лучше задавайте. Я так чё попало буду говорить»; «Ну что, моёво [моего] мужа, и неохота говорить. Это, наверно, будет запись куда-нибудь? Приехали кода' пчеловодом, он стал пить у меня, пить, на руках осталось девять детей у меня.

Девять детей. Потом, что, залез на вышку, и удавился. Удавился, и у меня вот так лесенка осталась: один одного меньше».

Интересным представляется пример, когда автор трех делопроизводственных автобиографий 1946, 1951, 1979 гг. в последней сообщает о жене и сыне, при этом указывает, что сын – от второго брака. В тексте автобиографии автор не пишет о том, сколько раз он был женат. Можно только предполагать, что умолчание информации в данном случае связано с «тяжелыми» для автора воспоминаниями: возможно, о смерти жены, разводе и т.п.

Как показал анализ автобиографий, умолчание может быть обусловлено **социально-историческим, политическим контекстом** (страх быть арестованным, сосланным), репрессивной политикой государства, временем написания автобиографии. Так, например, сообщая о родителях в трёх автобиографиях, написанных в 1946, 1954, 1955 гг., автор указывает их профессии, то, что отец – инженер, член коммунистической партии, мать – врач, но при этом ни в одном из текстов не называет их имён. При обращении к другому документу из личного дела – анкете, в которой от заполняющего требовалось указать фамилию, имя и отчество родителей, автор указывает данные матери, при этом имя и фамилия звучат как еврейские. Поэтому их прямое упоминание в автобиографии в условиях государственной политики антисемитизма, особо распространившейся в конце 1940-х и в 1950-е гг., было, скорее, нежелательным [1].

Недоверие исследователям во время устного автобиографического рассказа, страх влияют на то, что информант может сообщать не всю информацию о себе, родственниках и т.д. Страх может быть вызван, как уже отмечалось, не только тем, что диалектологи – незнакомые люди, но и социально-историческим, политическим контекстом. Так, в воспоминаниях информанты рассказывают о 1940–1950-х гг.: «Говорить-то нельзя было. Е'слив что-то сказать, то его заберут. Вот если вызывают в НКВД – знали, что не вернётся. Все молчали и всё». Память о советской эпохе, страх преследования, ареста до сих пор сохраняется у многих. Это подтверждают и наблюдения Т.К. Щегловой, проводившей записи устной

истории от жителей алтайских сёл и деревень; «опыт устноисторических исследований показывает, что у поколения 1930–1950-х гг. до сих пор существует страх перед последствиями своей откровенности. Часто они спрашивают, не “привлекут” ли их за этот рассказ» [21. С. 113]. Этот страх выражается при помощи высказываний со смыслом говорения: «Я сейчас вам тут нарасказываю, а меня потом приедут и заберут»; «Ага, захотели, расскажи вам всё»; «Хватит вам писать-то уж про меня. Мало ли чё я наболтаю, знаете сколько». Следствием страха могут быть высказывания-просьбы информантов не рассказывать о том, что и как они говорили в процессе общения с исследователями: «А вы, девочки, плохого про меня не говорите. Не пишите, что я материны пела». Возможно, в таких случаях исследователи воспринимаются информантами как представители власти, выразители общественного мнения.

В автобиографиях люди преимущественно говорят только о своих положительных чертах, не указывая при этом отрицательные стороны, стараются создать о себе хорошее впечатление. В этом смысле ключевая коммуникативная стратегия самопрезентации как «акт самовыражения и поведения, направленный на то, чтобы создать у окружающих и у самого себя благоприятное впечатление» [26. С. 129], тесно связана с коммуникативной стратегией умолчания.

Таким образом, каждый автобиографический текст характеризуется неполнотой предоставляемой информации, выстраивается с её помощью, поэтому, на наш взгляд, умолчание является одной из главных коммуникативных стратегий в автобиографическом дискурсе наряду с самопрезентацией. Умолчание информации в автобиографических текстах обусловлено их жанровыми особенностями, темпоральным фактором, ситуацией (темой, условиями, участниками коммуникации, местом и временем) их порождения, психологическими факторами и социально-политическим контекстом, при этом многие факторы могут взаимодействовать.

Литература

1. Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в Новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1(10). С. 40–54.
2. Килин А.П. «Я изложил только основные черты биографического очерка...»: Автобиография в структуре судебно-следственного дела // Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики. М. : БИБЛИО-ГЛОБУС, 2017. С. 213–234.
3. Антюхова С.Ю. Поэтика комического русской провинциальной мемуарно-автобиографической прозы второй половины XVIII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2005. 22 с.
4. Мишина Л.А. Жанр автобиографии в истории американской литературы. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. 128 с.
5. Копылова Т.Р. Умолчание как стратегия в формировании имиджа России в испанских СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). С. 295–299.
6. Гладкова Я.О. Стилистический приём умолчания и его реализация в масс-медийном дискурсе // Научные исследования и разработки молодых ученых : сб. материалов XVII Междунар. молодеж. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2017. С. 33–37.
7. Куликова Э.Г. Коммуникативная стратегия манипулятивного умолчания в современном медиапространстве // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сб. статей II Междунар. научно-практической конф. : в 2 т. М. : РУДН, 2018. Т. 1. С. 466–469.
8. Кукатова О.А. Некоторые особенности речевой тактики умолчания в современном русском дипломатическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2018. № 1. С. 29–31.
9. Груздева Е.Ф. Фигура умолчания, её типы и функции в языке русской прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 22 с.
10. Ефимова О.Ю. Молчание и умолчание учителя в системе профессиональных речевых тактик : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2005. 24 с.
11. Андрухина Н.В. Умолчание как средство реализации неискреннего дискурса (на материале англоязычных политических текстов) // Инновационная наука. 2017. Т. 3, № 4. С. 152–155.
12. Гусев В.И. Умолчание // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М. : Советская энциклопедия, 1972. Т. 7. С. 807.
13. Киселёва Л.А. Автобиография // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М. : Флинта; Наука, 2003. С. 17–18.
14. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.

15. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 381 с.
16. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург : Изд-во Урал. унта, 1998. 208 с.
17. Олсон Л., Адоньева С.Б. Миры русской деревенской женщины: традиция, трансгрессия, компромисс. М. : НЛЮ, 2016. 440 с.
18. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул : БГПУ, 2008. 528 с.
19. Калина Н.Ф. Психотерапия : учеб. для вузов. М. : Академический проспект, 2017. 302 с.
20. Андреева Е.А. Устная история: опрос свидетелей прошлого и описание источников : метод. рекомендации. Томск : Том. обл. краевед. музей, 2010. 38 с.
21. Щеглова Т.К. Устная история : учеб. пособие. Барнаул : АлтГПА, 2011. 364 с.
22. Касаткина А.К. Городская этнография в формате Web: техника сбора данных, этика, перспективы // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2014. Вып. 14. С. 230–246.
23. Алексеев А. К дискуссии о соотношении «субъективного» и «объективного» в биографическом нарративе // Телескоп. 2012. № 3 (93). С. 18–19.
24. Калиткина Г.В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 296 с.
25. Гынгазова Л.Г. Религиозный аспект бытия в дискурсивной картине мира диалектоносителя // Язык и культура : сб. статей XXII Междунар. науч. конф. Томск, 2012. С. 36–41.
26. Майерс Д. Социальная психология. СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. 1314 с.

The Communicative Strategy of Silence in Autobiographical Discourse

Text. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 19, pp. 23–36

DOI: 10.17223/23062061/19/2

Svetlana V. Voloshina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Keywords: autobiography, clerical autobiography, autobiographical text, autobiographical story, autobiographical discourse.

The aim of the article is to study factors of representation and implementation of the communicative strategy of silence in autobiographical discourse.

The material of the research is 100 clerical autobiographies written by residents of Tomsk in the 1920s–1990s on special forms or on sheets of paper, and 140 oral autobiographical stories of Siberian old-timers which were recorded in Tomsk region from 1940 to 2018.

Silence is considered as a communicative strategy aimed at providing incomplete information about authors of autobiographies, including its deliberate concealment. It seems that it is one of the main communicative strategies along with self-presentation that people use during telling about themselves.

Silence in autobiographical texts can be connected with different factors, the main of which is its genre specificity: authors/informants cannot tell everything about their lives, describe their every day from the moment of birth, they select the most important events from their lives to include them in the text.

It is revealed that silence is also connected with the communicative situation, including interlocutors, the subject of communication, time constraints. On the one hand, informants/authors of oral and written texts have the same goal: to tell about themselves. On the other hand, the generation of autobiographical oral and written texts is different: in one case, the informant tells the researcher about oneself, answers questions, clarifies something, explains, etc.; and in the other case the author of the future written text of an autobiography can only imagine the recipient, and sometimes uses a form of autobiography with specified requirements (questions) that need to be answered in the text.

Silence is also connected with psychological factors: the informant's unwillingness to report something, embarrassment, etc. The topic of the narrative can cause different feelings, experiences of informants. So silence can be connected with psychological reasons: shame, embarrassment, traumatic experience of the informant or author of the written text.

Silence is also connected with social and political reasons, the historical, political context (fear of being arrested, exiled), the repressive policy of the state, the time of writing of an autobiography. The memory of the Soviet era, the fear of persecution and arrest is still preserved, so informants can ask where the autobiographical stories recorded by researchers will be used.

In autobiographies, people mostly talk only about their positive features, without pointing out the negative sides, try to create a positive impression about themselves. In this sense, the communicative strategy of silence is related to the communicative strategy of self-presentation.

References

1. Voloshina, S.V. & Litvinov, A.V. (2016) Anatomy of a clerical autobiography in the contemporary history of Russia: composition and content of texts. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1(10). pp. 40–54. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/10/3
2. Kilin, A.P. (2017) “Ya izlozhlil tol'ko osnovnye cherty biograficheskogo ocherka...”: Avtobiografiya v strukture sudebno-sledstvennogo dela [“I described only the main features of the biographical sketch ...”: Autobiography in the structure of the judicial-investigative case]. In: Zaretsky, Yu.P., Karpenko, E.K. & Shushpanova, Z.V. (eds) *Avtobiograficheskie sochineniya v mezhdistsiplinarnom issledovatel'skom prostranstve: Lyudi, teksty, praktiki* [Autobiographical Works in the Space of Interdisciplinary Research]. Moscow: Biblio-Globus. pp. 213–234.
3. Antyukhova, S.Yu. (2005) *Poetika komicheskogo russkoy provintsial'noy memuarno-avtobiograficheskoy prozy vtoroy poloviny XVIII v.* [Poetics of the comic

Russian provincial memoir-autobiographical prose of the second half of the 18th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.

4. Mishina, L.A. (1992) *Zhanr avtobiografii v istorii amerikanskoy literatury* [The genre of autobiography in the history of American literature]. Cheboksary: Chuvash State University.

5. Kopylova, T.R. (2013) Umolchanie kak strategiya v formirovaniimimidzha Rossii v ispanskikh SMI [Silence as a strategy in shaping the image of Russia in the Spanish media]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 21(312). pp. 295–299.

6. Gladkova, Ya.O. (2017) Stilisticheskiy priem umolchaniya i ego realizatsiya v mass-medial'nom diskurse [Stylistic reception of silence and its implementation in the mass media discourse]. In: Chernov, S.S. (ed.) *Nauchnye issledovaniya i razrabotki molodykh uchenykh* [Scientific Research and Developments of Young Scientists]. Novosibirsk: TsRNS. pp. 33–37.

7. Kulikova, E.G. (2018) Kommunikativnaya strategiya manipulyativnogo umolchaniya v sovremennom mediaprostranstve [Communicative strategy of manipulative silence in modern media space]. In: Dolzhikova, A.V. & Barabash, V.V. (eds) *Yazyk i rech' v Internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura* [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture]. Vol. 1. Moscow: RUDN University. pp. 466–469.

8. Kukatova, O.A. (2018) Some features of speech default tactics in modern Russian diplomatic discourse. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Philology. Journalism*. 1. pp. 29–31. (In Russian).

9. Gruzdeva, E.F. (1993) *Figura umolchaniya, ee tipy i funktsii v yazyke russkoy prozy* [The pattern of silence, its types and functions in the language of Russian prose]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

10. Efimova, O.Yu. (2005) *Molchanie i umolchanie uchitelya v sisteme professional'nykh rechevykh taktik* [The silence and aposiopesis of the teacher in the system of professional speech tactics]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Yaroslavl.

11. Andryukhina, N.V. (2017) Umolchanie kak sredstvo realizatsii neiskrennego diskursa (na materiale angloyazychnykh politicheskikh tekstov) [Aposiopesis as a means of realizing insincere discourse (based on English political texts)]. *Innovatsionnaya nauka – Innovation Science*. 3(4). pp. 152–155.

12. Gusev, V.I. (1972) Umolchanie [Aposiopesis]. In: Surkov, A. (ed.) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Literary Encyclopedia]. Vol. 7. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 807.

13. Kiseleva, L.A. (2003) Avtobiografiya [Autobiography]. In: Ivanov, L.Yu. Skovorodnikov, A.P., Shiryaev, E.N. et al. (eds) *Kul'tura russkoy rechi* [Russian Speech Culture]. Moscow: Flinta; Nauka. pp. 17–18.

14. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 36–54. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/3

15. Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2012) *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [Biographical Method in Sociology]. Moscow: HSE.
16. Devyatko, I.F. (1998) *Metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methods of Sociological Research]. Ekaterinburg: Ural State University.
17. Olson, L. & Adonieva, S.B. (2016) *Miry russkoy derevenskoy zhenshchiny: traditsiya, transgressiya, kompromiss* [The Worlds of the Russian Village Woman: Tradition, Transgression, Compromise]. Moscow: NLO.
18. Shcheglova, T.K. (2008) *Derevnya i krest'yanstvo Altayskogo kraya v XX veke. Ustnaya istoriya* [The village and the Peasantry of the Altai Territory in the 20th century. Oral History]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
19. Kalina, N.F. (2017) *Psikhoterapiya* [Psychotherapy]. Moscow: Akademicheskii prospect.
20. Andreeva, E.A. (2010) *Ustnaya istoriya: opros svideteley proshlogo i opisanie istochnikov* [Oral history: interviewing witnesses of the past and describing sources]. Tomsk: Tomsk Regional Museum of Local Lore.
21. Shcheglova, T.K. (2011) *Ustnaya istoriya* [Oral History]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
22. Kasatkina, A.K. (2014) Gorodskaya etnografiya v formate Web: tekhnika sbora dannykh, etika, perspektivy [Urban ethnography in the Web format: Data collection technique, ethics, perspectives]. *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN*. 14. pp. 230–246.
23. Alekseev, A. (2012) K diskussii o sootnoshenii “sub”ektivnogo” i “ob”ektivnogo” v biograficheskom narrative [On the discussion of the relationship between the “subjective” and “objective” in the biographical narrative]. *Teleskop*. 3(93). pp. 18–19.
24. Kalitkina, G.V. (2010) *Ob”ektivnaya traditsionnoy temporal'nosti v dialektnom yazyke* [Objectification of traditional temporality in dialect language]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Gyngazova, L.G. (2012) Religioznyy aspekt bytiya v diskursivnoy kartine mira dialektonositel'ya [The religious aspect of being in the discursive picture of the world of the dialect speaker]. In: Gural, S.K. (ed.) *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 36–41.
26. Myers, D. (2002) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Translated from English. St. Petersburg: Praym-Evroznak.

Д.В. Ларкович

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ В ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Аннотация. Диалогичность является важным свойством авторского сознания Г.Р. Державина. Она предстаёт в его творчестве как особая художественная идеология и как конструктивный фактор его поэтики. Пытаясь постигнуть многоликую и противоречивую сущность человека, поэт стремится запечатлеть его в ракурсе становления и самоопределения, которое невозможно без установления подлинно диалогических контактов с различными элементами бытия. Такой подход к человеку как к носителю полноценного, автономного сознания предвосхитил художественные открытия русской литературы XIX в.

Ключевые слова: русская лирическая поэзия, Г.Р. Державин, авторское сознание, диалогизм, персонализм.

Как известно, возникновение диалогизма как аксиологической категории художественного мышления в истории русской литературы принято связывать с творчеством поэтов начала XIX в. и в особенности – с поэтической практикой А.С. Пушкина [1. С. 105–133; 2. С. 110–123; 3 и др.], а его полновесное выражение (благодаря теоретическим обоснованиям В.И. Иванова, Л.П. Гроссмана и М.М. Бахтина) ассоциировать с творчеством Ф.М. Достоевского. На этом фоне несколько неожиданным оказывается наблюдение С.Г. Бочарова, который, размышляя о жанровой природе романов Достоевского, отметил: «Итак – *“ты еси”*». Ключевое слово, про которое мало сказать, что это слово философское, – это слово прямо религиозное, слово молитвы Господней, завещанной нам самим Христом (*“Отче наш, Иже еси...”* – *Мф. 6, 9*). Почему-то комментаторы, как Иванова, так и Бахтина, не вспоминают, как это слово звучало в русской поэзии – у Державина, в оде *“Бог”*, построенной как поэтически-богословское доказательство от человека, как бы обратное заключение от следствия к причине: *Я есмь – конечно есь и Ты*. *“Ты еси”* державинское до Достоевского и Вячеслава Иванова...

Бахтин своими словами так пересказывал “Ты еси” Вячеслава Иванова: “превратить другого человека из тени в истинную реальность” – это формула не Иванова, а Бахтина, и в точности по Державину» [4. С. 465–466]. В этом попутно высказанном тезисе содержится исключительно важная мысль, открывающая новые горизонты наших представлений о месте и роли Державина в русском литературном процессе Нового времени.

Современные исследователи уже обратили внимание на значимую функцию диалогических построений в державинском лирическом дискурсе. Так, характеризуя поэтический диалог с Богом как особую жанровую модификацию, Т.В. Бердникова указывает на его конструктивные особенности, прочно усвоенные Державиным: «В стихотворениях, содержащих диалогические структуры, смена речевых планов обеспечивает мену субъектов и мену коммуникативных ролей. В диалогах, где одним из субъектов (чаще – адресат) является Бог, мена коммуникативных ролей имеет свои особенности: происходит нетипичное для диалога “взаимословие”: вниманию читателя представлена реплика лирического героя при отсутствующей реплике собеседника. Однако собеседник (Бог) присутствует в репликах персонажей, в их настроениях» [5. С. 47].

Наиболее ярко эта тенденция проявилась в псалмодической и вообще духовной лирике поэта. Было замечено, что державинские поэтические переложения псалмов на фоне предшествующей и современной им литературной традиции отличаются высокой степенью личностной ангажированности. На это, в частности, указывал Ю.В. Стенник: «Метод Сумарокова дополняется у Державина введением в практику переложения псалмов принципа самовыражения. Осмысление нравственной истины, зафиксированной в тексте Библии, коррелируется у него не с абстрактной нормой внеличной морали, как это было у Сумарокова, а с личностью самого Державина, конкретной личностью со своими пристрастиями и вкусом, со своим взглядом на жизнь» [6. С. 172]. Лирический субъект Державина не просто выступает в амплу псалмопевца Давида, а обращается к Создателю со словами молитвенного

благоговения или познающего вопрошания, обусловленными обстоятельствами личного жизненного опыта:

Ты, Творец, Господь всеильный,
Без Которого и влас
Не погибнет мой единый,
Ты меня от смерти спас!

Ты мне жизнь мою пробавил,
Весь мой дух тебе открыт;
В сонм вельмож меня поставил:
Будь среди них мой вождь и щит [7. Т. I. С. 563]¹.

При этом важно иметь в виду, что «для лирического героя Державина... *Ты*, воплощающее Бога, является не только Создателем, но и собеседником; через разговор с Богом лирический персонаж постигает самого себя и свое место в мироздании» [5. С. 47]. Более того, сама ситуация коммуникативного контакта с Верховным Собеседником здесь не условно-поэтическая фигура, а вполне конкретное событие. Приметы Божественного присутствия лирический герой обнаруживает в целесообразности и взаимосвязанности всего сущего вокруг, в собственных мыслях, ощущениях и эмоциональных импульсах, в единстве зримого и умозрительного:

Ты есь! – Природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет:
Ты есь – и я уж не ничто! [7. Т. I. С. 203].

Субъектность лирического *Я* оказывается здесь проекцией активной, созидающей субъектности Божественного *Ты*, а полноценное ощущение собственного бытия оказывается результатом осознанной включённости в поле Его бытия, творчески динамичного и бесконечно многообразного.

Размышляя о характере предстояния человека Всевышнему, М. Бубер отмечает: «Мы не слышим Ты и все же чувствуем, что

¹ По справке Я.К. Грота, «эта пьеса написана в воспоминание двух обстоятельств: бури, претерпенной Державиным на Белом море в 1785 году, и первого присутствия его в сенате, в 1793 году. В первоначальной черновой рукописи оба эти обстоятельства обозначены в самом заглавии стихов» [7. Т. I. С. 561].

нас окликнули, мы отвечаем создавая, думая, действуя; всем своим существом мы говорим основное слово, не умея молвить Ты устами» [8. С. 18]. Державинский лирический субъект не только напрямую, без посредников обращается к Божественному собеседнику, но и пытается словесно выразить его невыразимую сущность, придать образную форму тому, что находится за пределами любых человеческих представлений. В этом стремлении постичь сущность Абсолютного Ты видится потребность дать ответ на вопрос о сущности собственного Я, при этом ограниченный потенциал вербальных возможностей порождает внутреннюю полемику в державинском лирическом дискурсе: «Ничто! – Но Ты во мне сияешь...», «Ничто! – Но жизнь я ощущаю...» [7. Т. I. С. 200], «Но будучи я столь чудесен, / Отколе произошел? – безвестен, / А сам собой я быть не мог» [Там же. С. 201–202]. В результате молитвенный дискурс, предполагающий исключительно доминантную позицию Божественного Адресата, нередко приобретает у Державина характер равноправного, полновесного диалога, где утверждается значимость обеих субъектных инстанций.

Стремление к установлению прямых диалогических контактов с Творцом порождает потребность в установлении диалогических отношений и с Его творением. Именно поэтому в структуре державинской лирической субъектности форма 2-го лица, предполагающая обязательное наличие собеседника (пусть даже условного), имеет исключительно высокую степень частотности. Определяя природу диалогизма как критерия ценностной позиции речевого субъекта в литературном тексте, М.М. Бахтин упоминает о его «вечной оглядке на другого человека» [9. С. 41]. Примечательно то, что у Державина эта «оглядка на другого», апелляция к «другому», прямое обращение к «другому», имеет метажанровую природу. И этот феномен не ограничивается потенциально диалогичным жанром послания, но органично входит в структуру оды, песни, элегии, сатиры и др.

В «Рассуждении о лирической поэзии, или Об оде» поэт отмечает: «Высокость, или выпренность лирическая, есть не что иное, как полет пылкого, высокого воображения, которое возносит поэта

выше понятия обыкновенных людей и заставляет их сильными выражениями своими *то живо чувствовать, чего они не знали* (курсив мой. – Д.Л.) и что им прежде на мысль не приходило» [7. Т. VII. С. 537]. Этот тезис находит последовательное воплощение в державинской поэтической практике. Явственно осознавая свою профетическую харизму, лирический субъект Державина многократно указывает на свои визионерские способности, позволяющие видеть не поверхностную, внешнюю, а ментальную суть вещей: «Я зрю, нельзя что смертну зреть!» [Там же. Т. III. С. 261], «Во слух мой доходили звуки...» [Там же. С. 70], «Отверзты вижу небеса...» [Там же. С. 178] и др. Следует оговориться, что прием метафизического видения, благодаря которому дух восторженного пиита как бы покидает земные пределы, обретает способность свободно перемещаться во времени и пространстве и с горней высоты созерцать явления сверхчувственной реальности, прочно вошел в одический арсенал задолго до Державина. Однако на фоне предшествующей жанровой традиции державинский лирический субъект, как правило, адресует результаты своих запредельных наблюдений не универсальному читателю, а вполне конкретной персоне, и часто не одной.

Так, стихотворение «На взятие Варшавы» (1794), формально представляющее собой поздний образец эпиникической оды и прославляющее силу русского оружия, буквально насыщено диалогическими интонациями. Мотивируя победу Высшей волей и постоянно апеллируя к инстанции, её осуществившей («О Росс! О подвиг исполина» [Там же. Т. I. С. 638]), автор не просто персонифицирует образ воина-победителя в лице его вождей, но акцентирует субъектный статус каждого из них посредством прямых обращений и эмоционально ангажированных вопрошаний, например:

Ты ль – Геркулес наш новый, полночный,

Буре подобный, быстрый и мочный?

Твой ли, Суворов, се образ побед?

Трупы врагов и лавры – твой след! [Там же. С. 642].

Кроме того, в тексте стихотворения есть адресные обращения и к соратникам Екатерины («А ты, кому и музы внемлют...»

[7. Т. I. С. 647]), и к противникам («Подите, отнимите, львы...») [Там же. С. 645]), и к мнимым союзникам («О стыд! о срам невероятный...») [Там же. С. 646]), а завершается ода гимновым рефреном («Славься сим, Екатерина, / О великая жена!») [Там же. С. 648–650]), в котором все адресаты державинских обращений сходятся в едином фокусе авторской диалогической инициативы. Столь широкий круг адресатов лирического высказывания, который Ю.И. Левин квалифицирует как авторское тяготение к «коммуникативности во что бы то ни стало» [10. С. 471], сам по себе свидетельствует о потребности Державина сообщить потенциально монологуичному одическому миру персонажную вариативность, а статусная неоднородность этих адресатов («свой», «чужой», «венценосный») вносит в текст эффект стиливого разнообразия и повышает его коммуникативную суггестивность.

Ну и, разумеется, своего апогея диалогический потенциал державинской поэзии достигает в жанре дружеского послания. Действительно, образцам этого жанра, как правило, присущи элементы персоналистичности в том, бахтинском, смысле, который предполагает способность проникновения автора высказывания в субъектную сферу *другого* я¹. Говоря о персонажных адресатах державинской лирики, следует иметь в виду степень их участия в организации лирического сюжета, специфика которого существенно обусловлена субъектной структурой текста. Характеризуя основные принципы сюжетообразования, Б.О. Корман указывал на то, что в лирике «каждая единица сюжета выражает ценностные представления субъекта. Сюжет строится как последовательность однородных прямо-оценочных суждений субъекта» [12. С. 185]. В том случае, когда в лирическом произведении наряду с основным субъектом речи появляется и другая субъектно-объектная инстанция (адресат), возникает ситуация ценностной множественности, в диалектическом единстве которой и определяется ценностная

¹ В заметке «К методологии гуманитарных наук» М.М. Бахтин отмечает: «Персонализация ни в коем случае не есть субъективизация. Предел здесь не я, но я во взаимоотношении с другими личностями, то есть я и другой, я и ты» [11. С. 370].

позиция автора. И именно такой тип субъектной структуры можно наблюдать в целом ряде стихотворных посланий Державина.

Так, например, речевая структура стихотворения «К Н.А. Львову» (1792) представляет собой довольно сложную последовательность смены точек зрения на основной предмет лирического переживания – смысл человеческой жизни. Стихотворение открывает прямая декларация этических приоритетов лирического субъекта, сторонника личной свободы, естественности и гораццианской умеренности:

Стократ благословен тот смертный,
Кого не тяготит печаль,
Ни зависть потаенным вздохом,
Ни гордость громогласным смехом
Не жмут, не гонят, от двора [7. Т. I. С. 511–512].

Далее следует обращение к адресату послания («О милый Львов»), где важную роль приобретает оппозиция природа – цивилизация, символизирующая две контрастные системы жизненных ценностей. Одну из них транслирует «сокрытый в деревне» и «лесу дремучем» Львов, другую – его идеологические оппоненты, кто «взмостясь, из терема глядит» [Там же. С. 514]. Важно то, что лирический субъект не просто указывает здесь на факт аксиологической несовместимости естественного и цивилизованного бытия, но и вербализует суть обеих альтернативных концепций, демонстрируя способность встать на позиции двух различных точек зрения. Глазами носителей социально-иерархического сознания он видит:

Как на златые колесницы
Зевает чернь, как ратный строй
В глаза ей мечет блеск от ружей,
И как она, волнам подобно
От бурь, от всадников бежит;

Как витязи в веках позднейших
В меди иль в мраморе себя
Со удивленьем созерцают
И плещут уж заране в длани,
Что их народ боготворит [7. Т. I. С. 515].

Будучи единомышленником адресата, лирический субъект излагает его жизненную программу, в основе которой присущая го-рацианской оде проповедь умеренности и естественных жизненных радостей, осознаваемых как залог подлинного человеческого счастья:

... тот любимец лишь небес,
Который под шумком потока
Иль сладко спит, иль воспевает
О Боге, дружбе и любви.

Восток и запад расстилают
Ему свой пурпур по путям;
Ему благоухают травы,
Древесны помавают ветви
И свищет громко соловей.

За ним раскаянье не ходит
Ни между нив, ни по садам,
Ни по холмам, покрытым стадом,
Ни меж озер и кущ приятных, –
Но всюду радость и восторг [7. Т. I. С. 515–516].

Однако вслед за этим появляется ещё одна автономная точка зрения, которая маркирована в тексте формой прямой речи. Эта точка зрения принадлежит «милой супруге» Львова, и она вводит в стихотворение новую тему – тему преобразующей силы искусства:

О! если бы, – она вещает, –
Могло искусство, как природа,
Вливать в сердца свою приятность, –
Сии картины наши сельски
К нам наших созвали б друзей [Там же. С. 517].

Характерно то, что точка зрения этого женского персонажного образа соположима с точкой зрения её мужа, но не тождественна ей, что представлено диалогической формой общения супругов в финале стихотворения, где этические и эстетические акценты приходят в состояние диалектического единства. Иными словами, стихотворное послание «К Н.А. Львову» наглядно демонстрирует саму возможность сосуществования в пределах одного лирического

текста различных ценностных инстанций, опосредованных вариативными речевыми формами, что способствует драматизации лирического сюжета и создаёт предпосылки для субъектного многоголосия. Как известно, диалогический потенциал этого стихотворения оказался настолько очевидным и действенным, что его реальный адресат не смог проигнорировать этот выразительный поэтический призыв и откликнулся ответным посланием «Гавриле Романовичу ответ» («Домашний зодчий ваш...»).

Таким образом, следует констатировать, что диалогичность является важнейшим имманентным свойством авторского сознания Г.Р. Державина. Она предстаёт в его творчестве как особая художественная идеология и как конструктивный фактор его поэтики. Пытаясь постигнуть многоликую и противоречивую сущность человека, поэт отказывается от мысли о его статической природе и стремится запечатлеть человека в ракурсе его становления и самоопределения в общей структуре бытия, которое невозможно без установления подлинно диалогических контактов с различными элементами этого бытия. Такой подход к человеку как к носителю полноценного, автономного сознания предвосхитил последующие художественные открытия русской литературы XIX в.

Литература

1. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (Субъектно-образная структура). М. : РГГУ, 1997. 307 с.
2. Дмитриев Е.В. Фактор адресации в русской поэзии: От классицизма до футуризма. М. : Изд-во МНЭПУ, 2003. 286 с.
3. Федосеева Е.Н. Диалогическая основа русской лирики первой трети XIX века. Мичуринск : Изд-во МГПИ, 2009. 318 с.
4. Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М. : Языки славянских культур, 2007. 656 с.
5. Бердникова Т.В. Диалог с Богом как особая разновидность поэтического диалога (на материале произведений Г.Р. Державина и К.Н. Батюшкова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27), ч. 2. С. 46–48.
6. Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб. : Наука, 1995. 350 с.
7. Державин Г.Р. Сочинения. С объяснительными прим. Я. Грота. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1864–1883. Т. I–IX.

8. Бубер М. Два образа веры / пер. с нем. ; под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. М. : Республика, 1995. 464 с.
9. Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 2: Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. М. : Русские словари, 2000. 800 с.
10. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. 824 с.
11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
12. Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. 236 с.

Dialogical Intentions in Gavriil Derzhavin's Lyric Poetry

Text. Kniga. Knigozhdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 19, pp. 37–47

DOI: 10.17223/23062061/19/3

Dmitry V. Larkovich, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: 2004liv@ngs.ru

Keywords: Russian lyric poetry, G.R. Derzhavin, author's consciousness, dialogism, personalism.

The article is a detailed substantiation of S.G. Bocharov's thesis of about the dialogical basis of the author's consciousness of Gavriil Derzhavin. It is noted that in the structure of Derzhavin's lyric subjectivity, the form of the second person, assuming the obligatory presence of the interlocutor, has an extremely high degree of frequency. On the material of the collection of lyric poems ("God", "Storm", "On the capture of Warsaw", "To N. A. Lvov", etc.), it is shown that Derzhavin's communicative situation, which involves the actualization of someone else's consciousness or the direct addressing of a lyric statement, has a meta-genre nature. The wide range of recipients of Derzhavin's literary discourse demonstrates the author's desire to give variability to the potentially monological world of the lyric character, and the heterogeneity of the status of these recipients gives the effect of stylistic diversity in the text and enhances its communicative suggestiveness. A number of Derzhavin's poetic works clearly demonstrate the possibility of coexistence of different values mediated by different speech forms within one lyric text, which contributes to the dramatization of the lyric plot and creates preconditions for subjective polyphony. The dialogical potential of Derzhavin's poetry reaches its climax in the genre of a friendly message. Examples of this genre, as a rule, are inherent in the elements of personalism in M. Bakhtin's sense, which implies the ability of the author of the statement to penetrate into the subjective sphere of another Self. When a lyric work, along with the main subject of speech, has another subject-object instance (addressee), value multiplicity occurs and its dialectical unity determines the value position of the author. And it is this type of the subjective structure that can be seen in a number of Derzhavin's poetic messages. As a result, it is concluded that dialogism is an important feature of the author's consciousness of Derzhavin. It appears as a special literary ideology in his works, and as a constructive factor in his

poetics. Trying to comprehend the multifaceted and contradictory nature of man, the poet seeks to capture it in the perspective of formation and self-determination, which is impossible without the establishment of truly dialogical contacts with various elements of life. This approach to man as a possessor of a full autonomous consciousness anticipated the artistic discoveries of the Russian literature of the 19th century.

References

1. Broytman, S.N. (1997) *Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoy poetiki (Sub"ektno-obraznaya struktura)* [Russian lyrics of the 19th – early 20th centuries through the lens of historical poetics (the subject-shaped structure)]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
2. Dmitriev, E.V. (2003) *Faktor adresatsii v russkoy poezii: Ot klassitsizma do futurizma* [Addressing in Russian poetry: From classicism to futurism]. Moscow: MNEPU.
3. Fedoseeva, E.N. (2009) *Dialogicheskaya osnova russkoy liriki pervoy treti XIX veka* [Dialogueness of the Russian poetry of the first third of the 19th century]. Michurinsk: MSPU.
4. Bocharov, S.G. (2007) *Filologicheskie syuzhety* [Philological Plots]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
5. Berdnikova, T.V. (2013) Dialogue with God as special kind of poetic dialogue (a case study of G.R. Derzhavin and K.N. Batyushkov). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice.* 9-2(27). pp. 46–48. (In Russian).
6. Stennik, Yu.V. (1995) *Pushkin i russkaya literatura XVIII veka* [Pushkin and Russian literature of the 18th century]. St. Petersburg: Nauka.
7. Derzhavin, G.R. (1864–1883) *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
8. Buber, M. (1995) *Dva obraza very* [Two Images of Faith]. Translated from German. Moscow: Respublika.
9. Bakhtin, M.M. (2000) *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Russkie slovari.
10. Levin, Yu.I. (1998) *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected Works. Poetics. Semiotics]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
12. Korman, B.O. (1992) *Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury* [Selected Works on the Theory and History of Literature]. Izhevsk: Udmurt State University.

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 82(091)

DOI: 10.17223/23062061/19/4

Л.А. Сапченко

ИНОСТРАННЫЕ РЕЦЕНЗИИ НА «ИСТОРИЮ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» В ВОСПРИЯТИИ Н.М. КАРАМЗИНА¹

Аннотация. В статье рассматриваются французские и немецкие рецензии, появившиеся в 1819–1827 гг., упомянутые и отрефлексированные в письмах Карамзина и его ближайшего окружения. Показано, что эти отзывы содержали, помимо обсуждения ряда конкретных вопросов, несколько наиболее принципиальных моментов, которые были одинаково важны и для самих рецензентов, и для рецензируемого автора. Это, во-первых, бесспорное признание того, что изменившееся в начале XIX столетия положение страны на мировой арене обязывает внимательно присмотреться к российской истории; во-вторых, дискуссия о том, что более необходимо для историка, пишущего о своем государстве, – беспристрастие или патриотизм; в-третьих, способность читателя «Истории...» охватить огромное творение взглядом из будущего, предугадать его значение для потомства, понять душу российского историографа, почувствовать его любовь к отчеству и человечеству.

Ключевые слова: Карамзин, «История государства Российского», французские и немецкие рецензии, беспристрастие, патриотизм историка.

Восприятие «Истории государства Российского» литературной и научной общественностью России и Европы продолжает оставаться актуальной проблемой современного карамзиноведения.

Количество откликов на труд Карамзина вряд ли поддается точному исчислению. В настоящей статье рассматривается ряд

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Ульяновской области в рамках научного проекта № 17-14-73002 «Хроника Петербургского периода жизни и творчества Н.М. Карамзина. Часть 2. 1821–1826». Автор выражает глубокую признательность Т.Ф. Селезневой и немецкому исследователю Михаэлю Шиппану, указавшим ряд материалов к этой статье.

французских и немецких рецензий, появившихся в 1819–1827 гг. и попавших в поле зрения Карамзина и его ближайшего окружения. Представленные материалы анализируются с точки зрения тех проблем, которые оказались наиболее значимыми не только для иностранных рецензентов, но и для самого автора российской истории.

13 сентября 1819 г. «Сын отечества» сообщил своим читателям о напечатанном в Париже переводе на французский язык «Истории государства Российского» (переводчики А. Жоффре и А. де Сен-Тома) и поместил одобрительный отзыв об этом из журнала «Le Constitutionnel» № 121. В отзыве говорилось, что вышедший из печати первый том «подает самое выгодное понятие» о творении российского историографа». В томе «изложены весьма любопытные сведения об ужасных переселениях народов азийских, которые, вытесняя друг друга, опустошили часть Запада; в нем находим первые договоры, заключенные россиянами с византийскими императорами в десятом веке». Эти достоверные материалы доказывают, считает рецензент, что «Россия в то время находилась на одной степени просвещения с остальною Европою и что дальнейшую остановку в последующие веки надлежит приписать единственно пагубному нашествию татар» [1. С. 185–186].

Как достоинство исторического труда отмечалась способность автора живо изображать тогдашних государей, «заставляя их говорить и действовать в “Истории”, как они говорили и действовали на самом деле: сею беспристрастною методою можно изобразить их гораздо удачнее, нежели словами историка». Особенного внимания удостоены характер мужественного Святослава, «в минуты опасности взывающего к дружине своей: “Умрем за русскую землю!”» и бросающегося впереди ее на неприятелей», а также мудрость Владимира, избравшего из всех религий христианство. «Переводчики умели с благородством выразить речи государей; они сохранили силу подлинника и доказали, что знают красоты языков русского и французского» [Там же].

18 ноября 1819 г. А.И. Тургенев в письме к П.А. Вяземскому спрашивает, читал ли он в «*Constitier*» статьи Louyson’a об «Истории» Карамзина [2. С. 356]. Тургенев имел в виду Шарля Луазона,

французского публициста, поэта, одного из редакторов журнала «Le Courrier», опубликовавшего в № 107 за 1819 г. свой отзыв о карамзинской «Истории». Фрагмент из отзыва «Курьера» приводит И.И. Дмитриев в примечаниях к своим автобиографическим запискам: «...неточности в объяснении некоторых обычаев или частных фактов не мешают тому, что сочинение г. Карамзина в целом в высшей степени достойно уважения за философские идеи, которые в нем рассеяны, и в этом отношении заслуживает почетного места в ряду исторических сочинений нашего времени. Знайки особенно восхищаются в нем искусством, с которым писатель сумел воспользоваться своей огромной эрудицией; способностью представить множество деталей, крайне любопытных, не нанося при этом ущерба ясности, порядку и стремительности повествования» [3. С. 157–158. Оригинал по-французски].

В письме Карамзина к Дмитриеву от 29 декабря 1819 г. находим авторские оценки появившихся переводов: «Перевод французский недурен и по большей части верен; но довольно ошибок от небрежения. Один парижский журналист говорит: la traduction est facile et agreeable¹, а другой: la traduction n'est pas assez française². В сочинении же находят ясность, хорошее разделение, искусство, быстроту, философские мысли; но один журналист, якобинец Comte, упрекает меня робостью, другой (Le Courier) недостаточным проницанием в разборе того, что свойственно всем народам, и что одному русскому. Употребляют выражения такие: Les bons juges admireront³ – то и другое; хотят сообщать выписки etc. Одним словом, довольно пустословия, а мало дельного. На франц.<узком> уже вышло 4 тома, т.е. вся *сушь*; а на немецк.<ом> еще 1 том, в котором я счел 100 ошибок, отчасти грубых и непонятных; напр. 17 век вместо *шестого*, до *Рожд.<ества> Христова* вместо до введения *Христ.<ианской> веры* etc.» [4. С. 279].

¹ Перевод легкий и приятный (фр.).

² Перевод недостаточно французский (фр.).

³ Хорошие судьи будут восхищаться (фр.)

11 ноября 1820 г. Карамзин сообщает Дмитриеву, что, прочитав равнодушно «десять или двадцать благоприятных отзывов французских, немецких, италийанских» об «Истории государства Российского», «был тронут статьею Монитёра»: «Этот академик, – пишет Карамзин, – посмотрел ко мне в душу: я услышал какой-то глухой голос потомства» [4. С. 299]. Эта часто цитируемая фраза действительно имеет принципиальное значение. Автор рецензии отметил именно то, что было наиболее существенно для самого историографа, – изменившееся положение России в европейском сообществе, причины этого, заветные мысли автора о будущем, и выразил надежду на справедливую оценку прославленного труда потомством.

Рецензент «Монитёра» писал: «В эпоху, когда России удалось оказать на дела Европы влияние, соответствующее ее размеру и могуществу, нам любопытны все подробности, все положительные понятия, которые могут объяснить причины всё возрастающего величия этой империи. Несколько исторических трудов поспешно представили их, но, торопясь перейти к нынешним временам, не обратили внимания на множество ценных сведений о народе, едва знакомом нам в начале XVIII века и вознесенного сейчас на высоту европейской цивилизации. Эти причины объясняют заслуженный успех труда Карамзина» [Там же. С. 0138. Оригинал по-французски¹].

Публикатор статьи подчеркнул основанную на самых точных исследованиях летописей и архивных документов осведомленность автора, а также его здравую философию и беспристрастие, его важный слог, возвышенный и исполненный неким простодушием, народностью, – всё то, что показывает «в историке честного человека прежде ученого». «История государства Российского», как пишет «Монитёр», «должна быть помещена в ряд классических произведений, делающих честь современной литературе» [Там же. С. 0138–0139].

¹ Приношу благодарность Л.Ф. Семеновой, подготовившей перевод статьи из «Монитёра».

«Либеральный Constitutionel, – продолжает историограф, – в № 13 окт.<ября> осыпал меня похвалами, сказав: Mr. K. s'est place an premier rang des Historiens les plus célèbres: son Histoire plait à l'Europe: elle plaira à la posterité etc. etc.¹ Хвалит даже мою *либеральность*, вопреки нашим либералистам! Странно, что они (французы) в *тени* находят более, нежели иные мои братья и русские в *вещи*! (тенью называю перевод). Я мысленно и словами часто бранил франц.<узских> переводчиков, а *первые* парижские журналисты хвалят их, даже ревностно!..» [4. С. 299].

Признание европейскими рецензентами либерализма российского историографа (в чем ему отказывали, упрекая в монархизме, радикально настроенные отечественные читатели) особенно тронуло Карамзина, ибо внутреннюю свободу он считал одной из главных черт в своем характере, в своем творчестве, называя себя «республиканцем в душе» [5. С. 60].

В журнале «Вестник Европы» [6. С. 35–44] были помещены перевод статьи писателя и критика Франсуа-Бенуа Гофмана, напечатанной в Journal de Debats [7] «О беспристрастии историка и о том, в чем именно состоит занимательность русской истории для иноземных читателей». Мнение французского рецензента, что Карамзиным движет в первую очередь чувство патриотизма, в ущерб научной объективности, вызвало несогласие как и самого автора «Истории государства Российского», так и его единомышленников, выступивших против публикатора статьи Гофмана – М.Т. Каченовского.

С уважением и вниманием отнеслись к переведенным томам российской истории немецкие ученые, среди них – А.-Г.-Л. Геерен, известный археолог, профессор философии и истории Геттингенского университета. Статья Геерена понравилась Карамзину. 9 октября 1822 г. историограф писал П.А. Вяземскому: «В Геттингенских Ученых Ведомостях (Gelehrte Anzeigen) № 133, 2 августа 1822» [8. С. 1321–1329] «напечатана рецензия на мою историю,

¹ Г-н Карамзин занял место в первом ряду наиболее известных историков: его «История» нравится Европе: она понравится потомству и т.д., и т.д. (фр.).

писанная, как вероятно, знаменитым историком Гереном (Heeren): мне читала ее Императрица Мария Феодоровна, а я слушал с удовольствием, развесив уши» [5. С. 134].

В отмеченных Карамзиным отзывах его привлекла прежде всего способность рецензента возвыситься над злобой дня и взглянуть на созданный труд с точки зрения будущего, предвосхитить суд потомства, предугадать оценку, которую дадут ей новые поколения читателей.

30 октября 1822 г. Карамзин пишет Дмитриеву: «Хорошо, если бы удалось еще с некоторою живостью дойти до конца, мною предполагаемого, чтобы высокоблагородное потомство, дочитав, могло сказать: *жаль!* Нарочно для тебя я велел перевести статью славного немецкого историка Герена (Так! – *Л.С.*) о моей истории и пришло ее тебе» [4. С. 339–340].

Перевод, сделанный Н.И. Тургеневым, был напечатан в «Северном архиве» [9. С. 486–450].

В начале своей статьи Геерен говорит о том, что судить о карамзинской истории может лишь или критик равный или – лучше – превосходящий российского историографа в научных познаниях. Но если в России еще есть Лерберг, Шторх, Круг, Эверс, то «где найти такого судию в других землях?» Тем более что автор имел под рукой средства, для иностранца несуществующие. Рецензент убежден, что окончательный приговор над таким творением принадлежит не современникам, но потомкам и что «г. Карамзин может ожидать сего приговора спокойно» [Там же. С. 486–487]. История великого государства может быть достойным образом написана только в величественной манере (*in einer großen Manier*), считает Геерен. «Но сие требует более, нежели одного прилежания и учености, и зависит от души историка; он должен быть исполнен своего предмета; необходима муза, его одушевляющая; но сего вдохновения он должен искать токмо в любви к своему отечеству, в любви, отличной от слепого пристрастия. Хотя он может не иметь всеобщей учености, но необходимо должен иметь всеобъемлющий взор всемирного Историка: без сего возможно ли было бы писать историю государства, занимающего IX часть общей

земли?» Геерен относит Карамзина именно к таким сочинителям, которые много размышляли не только о своем предмете, но и о сущности истории вообще: «о ее достоинстве, о ее цели, о способе изображения». Автор российской истории, по словам Геерена, «исполнен величия и достоинства своего предмета и сам сознает в себе это ощущение» [9. С. 489].

Историю России, считает Геерен, равно трудно исследовать и изображать. Он с глубоким уважением говорит о кропотливой и добросовестной работе Карамзина с многочисленными современными и древними источниками, «не очищенными критикою», подчеркивает его «истинно немецкое прилежание» [Там же. С. 491].

Повествование подробно и доказательно, но нигде не растянуто, отмечает рецензент, в основном свободно от спорных положений (которых сочинитель старался избегать, излагая необходимое в приложениях).

Геерен понял главное: Карамзин имел цель более высокую, нежели изъяснение «генеалогии и подробностей» [Там же. С. 500], – «обозреть все целое народа, успехи и неудачи его». Немецкий историк отдает полную справедливость не только «обширному прилежанию и неистощимому усердию» автора, но и его беспристрастию. Его любовь к отечеству, которую он не скрывает, и сделала возможным подобное творение.

В то же время рецензент сомневается в достоверности описания побудительных причин, заставлявших соотечественников историографа совершать те или иные деяния и поступки. Чувство чести, считает Геерен «оставалось чуждым для России» [9. С. 501]. Переводчик, опровергая рецензента, приводит в качестве контраргумента строки из «Слова о полку Игореве», где дружинники сражаются «ища себе чести, а князю славы» и др. Между тем Геерен полагает, что Карамзин легко мог допустить такую неточность, поскольку цель его была не просто историческая, «но вместе нравственно-политическая». Автор желал приблизить русских «к тем высоким и благородным чувствам, коими исполнена собственная душа его» [Там же. С. 502]. Он нигде не скрывает своей «ненависти к тиранству и угнетению, к войне несправедливой и к страсти завоеваний»,

но вместе с тем «открыто признает и ясно показывает, что Россия обязана самодержавию своим величием» [9. С. 502–503].

Геерен относит Карамзина к тем историкам, чьи творения, «представляя верное повествование, служат вместе с тем зеркалом собственных их мнений, и сие-то самое придает особенное достоинство, особенную занимательность его произведению» [9. С. 503]. Карамзин пишет не для того только, чтобы увлечь читателей своим рассказом: его описания общественного состояния, нравов и частной жизни столь же поучительны, сколь и занимательны.

Внимание Карамзина привлек также отзыв, опубликованный в 1822 г. в «*Jahrbücher der Litteratur*» [10. С. 214–258]. 4 октября 1823 г. историограф писал А.И. Тургеневу: «Я читал рецензии Добровского в *Jahrbücher der Litteratur*» [11. С. 38].

Известный чешский славист Йозеф Добровский высоко оценил труд Карамзина, дал подробный аналитический обзор использованных автором источников и охарактеризовал содержание первых восьми томов, излагая также свое мнение по ряду проблем. Карамзин всегда прислушивался к замечаниям и уточнениям авторитетного ученого. Пятью годами ранее в журнале «Вестник Европы» была напечатана статья «О древних славянских названиях двенадцати месяцев», где оспаривалась этимология, предложенная Карамзиным. Статья представляла собой отрывок из книги Добровского «*Slovanka. Zur Kenntniss der alten und neuen Slawischen Litteratur, der Sprachkunde nach Mundarten, der Geschichte und Alterthümer*», Prag., 1814 (Славянка. К изучению старой и новой славянской литературы, разных наречий, истории и древностей, Й. Добровского. Прага, 1814), в переводе и с примечаниями М. Каченовского. Автор косвенно упрекал историографа в том, что, «основываясь... при толковании... на одной только вероятности», он не соотносит древнерусские названия месяцев с названиями их у других славянских племен, свод которых и представлен в книге знатока древнерусских памятников (см: [12. С. 283–295]). В следующем издании «Истории» Карамзин, учитывая работы Добровского и дополнительные источники, исправил или отстоял свои первоначальные трактовки.

Отдав должное добросовестности историка, Добровский заметил всё же, что беспристрастные суждения Карамзина «иногда колеблются» в тех случаях, когда российская национальная слава могла бы что-то потерять [10. С. 215].

После кончины российского историографа материалы, посвященные его труду, продолжали публиковаться в зарубежной печати. Рецензенты сравнивали грандиозное создание Карамзина с работами древних и современных авторов и укоряли последних, если они не соответствовали тому уровню научности и нравственной высоты, который был задан Карамзиным. Так, автор статьи в «*Leipziger Literatur-Zeitung*» [13. С. 54–56] критически отзываясь о современных ему французских исторических исследованиях, считая, что они не способствуют научному познанию, и определяет их как поспешные «исторические зарисовки», поверхностные схемы, «скелеты» событий (*geschichtliche Skizzen*), лишенные многих важных фактов и основ. Вышедшее в свет «Обозрение Российской истории» Альфонса Рабба [14] содержало ошибки, которые, несомненно, должны быть отнесены к источникам, из которых черпал автор. Рецензент скептически замечает, что для Рабба история России Левека («*Histoire de Russie*», 1782–83) была, по-видимому, единственным советчиком в отсутствии лучшего и что классическая работа Карамзина, которая могла послужить для него руководством до XVII в., осталась в пренебрежении. Отмеченные недостатки ведут к неверным, противоречащим Карамзину представлениям о характере русского народа, о степени его христианизации и т.д.

Более того, открытые признания современных историков в приверженности своим партийным интересам вызывали заслуженное недоверие к их суждениям и давали законный повод противопоставить этому беспристрастие российского историографа. История требует для своего органа космополитического философа, пишущего без любого предубеждения, без корысти, без ненависти, без страсти, кроме ненависти к преступлению, страсти к добродетели, писала «*Leipziger Literatur-Zeitung*».

Зарубежные публикации не прошли мимо близких друзей Карамзина. В 1827 г. в «*Leipziger Literatur-Zeitung*» [15] появилась

рецензия на немецкий перевод восьми томов «Истории государства Российского», что вызвало отклик А.И. Тургенева, написавшего заметку «Заслуги Карамзина, исторического исследователя и исторического писателя». Заметка была опубликована в газете «Blätter für literarische Unterhaltung» [16]. В русском переводе оба текста были напечатаны в «Московском телеграфе» под заглавием «Спор в немецких журналах об “Истории государства Российского”» [17. С. 207–220].

Рецензент отмечал, что русские раньше всех новых народов Европы имели на своем языке летописи и что «Нестор есть праотец всех летописателей на новых языках». Монголо-татарское иго остановило культурное развитие русской народности, и «путь русского историописания был продолжен немцами: Миллером и Шлецером». Затем автор рецензии обращается прямо к «кроткому царствованию Александра», когда «созрел народный дух, и Россия представляет общей исторической литературе благородный плод собственного произрастения (Так! – Л.С.)» [Там же. С. 208–209].

Указав переводчиков восьми томов (Ф.М. Гауеншильда и В.А. Эртеля), рецензент отмечает, что сочинение Карамзина отличается «изыскательностью и изложением. Автор совершенно знаком с классическою литературою древности и новою литературою Европы; он показывает зрелое, опытное суждение в приговорах и присовокупляет множество приложений; откровенность его достойна уважения, у него везде светит характер чистой нравственности и благородной филантропии. История политических изменений Российского государства привлекательно обогащена картиною нравов и достоверными исследованиями о состоянии ремесл, торговли, умственного образования и проч.» [Там же. С. 209].

В 1827 г. «Leipziger Literatur-Zeitung» поместила также отзыв о карамзинской «Истории» профессора Д.-А.-В. Таппе [18]. Еще в 1818 г. А.И. Тургенев сообщал П.А. Вяземскому, что «Таппе выдал уже хрестоматию с переводом слов и фраз на немецкий и французский» [2. С. 179]. «...Он извлек из осьми томов ее сто сорок пять статей, заключающих в себе описание характеров или случаев, которые казались ему важнее и занимательнее других,

и расположил оные так, что они идут в непрерывной связи и составляют *Краткую Российскую Историю*. Все слова в сей книге означены ударениями (важнейшее затруднение для иностранцев) и за каждую статью помещено истолкование труднейших слов и оборотов на немецком и французском языках и ссылки на правила грамматические. Сия книга принесет учащимся пользу во многих отношениях: познакомит их с самым чистым, правильным, благородным русским языком (в котором никто из писателей наших не может служить руководителем лучше г. Карамзина) и в то же время представит им в сокращении изображение событий и лиц русской истории. – Заключаем сие краткое известие повторением господину Таппе благодарности всех истинных сынов отечества за усердное и успешное распространение в чужих землях языка русского...», – сообщалось в «Сыне отечества» [19. С. 79–81].

В публикации 1827 г. Таппе охарактеризовал содержание томов карамзинской «Истории» как солидное и вместе с тем увлекательное, что обеспечит, по его мнению, благодарность автору от читателей. Рецензент высоко отозвался о качестве и количестве использованных источников, дополненных собственными изысканиями автора и помещенных в многочисленных примечаниях и объяснениях. Заметка заканчивается выражением уверенности, что труд Карамзина будет полезен и интересен всем изучающим историю, религию, а также юристам, философам, поэтам, художникам, юношам, женщинам и т.д.

Отзывы, попавшие в поле зрения самого Карамзина и его ближайшего окружения, содержали, помимо обсуждения ряда конкретных вопросов, несколько наиболее принципиальных моментов, которые были одинаково важны и для самих рецензентов, и для рецензируемого автора. Это, во-первых, бесспорное признание того, что изменившееся в начале XIX столетия положение страны на мировой арене обязывает внимательно присмотреться к российской истории и литературе; во-вторых, вопрос о том, что более необходимо для историка, пишущего о своем государстве, – беспристрастие или патриотизм (см.: [20]); в-третьих – способность читателя «Истории» охватить огромное творение взглядом

из будущего, предугадать его значение для потомства и наконец – понять душу российского историографа, его любовь к отчеству и человечеству.

Литература

1. Сын отечества. 1819. Ч. 56. № XXXVII. С. 185–186.
2. Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича. Изд-е графа С.Д. Шереметева, 1899–1913. Т. I. IV, 728, [1] с.
3. Дмитриев И.И. Соч. СПб. : Я. Соколов, 1893. Т. 2. 338 с.
4. Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву. СПб. : Императорская академия наук, 1866. 727 с.
5. Карамзин Н.М. Письма к князю П.А. Вяземскому (1810–1826) // Старина и новизна : ист. сб. СПб. : Типография М. Стасюлевича, 1897. Кн. 1. С. 1–200.
6. Вестник Европы. 1821. № 1. С. 35–44.
7. Journal de Debats. 1820. № 5, 10, 12.
8. Göttingische gelehrte Anzeigen. 1822. Т. II, № 133, 134. С. 1321–1329.
9. Взгляд на Историю Российского государства г. Карамзина. Из Геттингенских русских ведомостей, 22 августа 1822 // Северный Архив. 1822. Ч. IV, № 24. С. 486–504.
10. Jahrbücher der Litteratur. 20 Band. Oktober. November. Dezember. Wien, 1822. С. 214–258.
11. Карамзин Н.М. Письмо А.И. Тургеневу от 4 октября 1823 года // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. II–III. М. : ТРИТЭ, Редакция альманаха «Российский архив», 1992. 560 с.
12. Вестник Европы. 1818. Ч. 97, № 4. Февраль. С. 283–295.
13. Leipziger Literatur-Zeitung 1827. № 7. С. 54–56.
14. Résumé de l’histoire de Russie, depuis l’établissement de Rourik et des Scandinaves jusqu’ à nos jours, par Alphonse Rabbe. Paris, 1825, bey Lecointe und Dureg. I r. Bd. In 18. Von VIII n. 681 S.
15. Leipziger Literatur-Zeitung. 1827. № 22. С. 173–176.
16. Blätter für literarische Unterhaltung. 1827. № 156. С. 621–624.
17. Московский телеграф. 1827. Ч. XVIII. № 23. Отд. II. С. 207–220.
18. Leipziger Literatur-Zeitung. Am 6. des May. 1827. № 135. С. 1073–1074.
19. Сын отечества. 1819. Ч. 51. № II. С. 79–81.
20. Сапченко Л.А. «О беспристрастии историка» (Эпизод из хроники петербургского периода жизни и творчества Н.М. Карамзина) // Карамзинский сборник. Наследие Карамзина в истории и культуре России. Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2017. С. 265–272.

Foreign Reviews on the *History of the Russian State* in the Perception of Nikolay Karamzin

Text. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 19, pp. 48–61

DOI: 10.17223/23062061/19/4

Liubov A. Sapchenko, Ulyanovsk State Pedagogical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: ssj-sla@mail.ru

Keywords: Karamzin, *History of the Russian State*, French and German reviews, impartiality or patriotism of historian, author and readers.

The perception of Karamzin's *History of the Russian State* by the European literary and scientific community continues to be a problem of current interest in modern Karamzin studies. The article gives an overview of the French and German reviews mentioned and reflected upon in the letters of Karamzin and his closest associates. Not responding to criticism, Karamzin nevertheless quite closely watched the appearing reviews on his *History of the Russian State*.

Recognition by European reviewers of Karamzin's liberalism (which Russian radical readers refused to do, blaming him for monarchism) particularly moved him, for he considered internal freedom to be one of the main features in his character, in his work, and called himself "a Republican in his heart".

The reviews Karamzin noted primarily attracted him by the reviewer's ability to rise above the evil of the day and to look at the historical work from the perspective of the future, to anticipate the verdict of the descendants and to foresee the assessment that new generations of its readers will provide.

The reviewers compared Karamzin's grandiose work to works of ancient and modern authors and blamed the latter if they did not correspond to the level of the scientific and moral height set in Karamzin's *History*. Moreover, open confessions of historians in their party sympathies raised a deserved distrust of their biased judgments and gave a legitimate reason to counterpose them with the impartiality of the Russian historiographer who wrote without prejudice, without self-interest, without hatred, without passion, except for hatred of crime and passion for virtue.

The article makes a conclusion that the reviews of foreign historians and journalists contained, in addition to discussions of a number of specific issues, several of the most important points that were equally important for both the reviewers and the reviewed author. This, firstly, is an indisputable recognition that the situation of the country on the world arena which had changed at the beginning of the nineteenth century required to look closely at Russian history. Secondly, it is the question of what is more necessary for a historian's writing about his state: impartiality or patriotism. Thirdly, it is the ability of the reader of the *History* to embrace the great work with a glance from the future, to foresee its significance for the descendants, to understand the soul of the Russian historiographer and to feel his love for his motherland and humanity.

The analysis of the foreign reviews in terms of their perception by the Russian historiographer and his closest associates not only reflects the public resonance caused by the *History of the Russian State*, but also helps to identify the principles of Karamzin's

work, his author position and his understanding of the goals and tasks of a historical work.

References

1. *Syn otechestva*. (1819) 56(37). pp. 185–186.
2. Saitov, V.I. (ed.) (1899–1913) *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh: V 5 t.* [The Ostafyev Archive of the Vyazemsky princes: In 5 vols]. Vol. 1, 4. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
3. Dmitriev, I.I. (1893) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. St. Petersburg: Ya. Sokolov.
4. Karamzin, N.M. (1866) *Pis'ma k I.I. Dmitrievu* [Letters to I.I. Dmitriev]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
5. Karamzin, N.M. (1897) *Pis'ma k knyazyu P.A. Vyazemskomu (1810-1826)* [Letters to Prince P.A. Vyazemsky (1810–1826)]. In: *Starina i novizna. Istoricheskiy sbornik* [Old and New. Historical Collection]. Book 1. St. Petersburg: M. Stasyulevich. pp. 1–200.
6. *Vestnik Evropy*. (1821) 1. pp. 35–44.
7. *Journal de Debats*. (1820) 5, 10, 12.
8. *Göttingische gelehrte Anzeigen*. (1822) 2(133, 134). pp. 1321–1329.
9. Anon. (1822) *Vzglyad na Istoriyu Rossiyskogo gosudarstva g. Karamzina. Iz Gettingenskikh russkikh vedomostey, 22 avgusta 1822* [Karamzin's look at the history of Russia. From the Gottingen Russian Gazette, August 22, 1822]. *Severnnyy Arkhiv*. 24. pp. 486–504.
10. *Jahrbücher der Litteratur*. (1822) October. November. December. pp. 214–258.
11. Karamzin, N.M. (1992) *Pis'mo A. I. Turgenevu ot 4 oktyabrya 1823 goda* [Letter to A.I. Turgenev dated October 4, 1823]. In: Nalepin, A.L. et al. (eds) *Rossiyskiy arkhiv. Istoriya otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII-XX vv.* [The Russian Archive. The history of the Fatherland in certificates and documents of the 18th – 20th centuries]. Moscow: TRITE, Rossiyskiy arkhiv.
12. *Vestnik Evropy*. (1818). 97(4). pp. 283–295.
13. *Leipziger Literatur-Zeitung*. (1827) 7. pp. 54–56.
14. Rabbe, A. (1825) *Résumé de l'histoire de Russie, depuis l'établissement de Rourik et des Skandinaves jusqu' à nos jours* [Summary of the history of Russia, from the establishment of Rourik and the Scandinavians to the present day]. Paris: [s.n.].
15. *Leipziger Literatur-Zeitung*. (1827) 22. pp. 173–176.
16. *Blätter für literarische Unterhaltung*. (1827) 156. pp. 621–624.
17. *Moskovskiy telegraf*. (1827). 18(23). pp. 207–220.
18. *Leipziger Literatur-Zeitung*. (1827) 6th May. pp. 1073–1074.
19. *Syn otechestva*. (1819) 51(2). pp. 79–81.
20. Sapchenko, L.A. (2017) “O bespristrastii istorika” (Epizod iz khroniki peterburgskogo perioda zhizni i tvorchestva N.M. Karamzina) [“On the Impartiality of the Historian” (Episode from the chronicle of the Petersburg period in the life and work of N.M. Karamzin)]. In: Shvarygin, S.M. (ed.) *Karamzinskiy sbornik. Nasledie Karamzina v istorii i kul'ture Rossii* [The Karamzin collection. Karamzin's legacy in Russian history and culture]. Ulyanovsk: Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya. pp. 265–272.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/23062061/19/5

Н.В. Проданик

МЕТАФОРА «КНИГА-ПИЩА» В ПИСЬМАХ, ДНЕВНИКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ ДЕКАБРИСТОВ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ И АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАДАЦИЯ

Аннотация. Изучается язык библиометафоры в дневниковых записях, эпистолярно-мемуарном наследии декабристов 1826–1840-х гг.; основной областью исследования становятся высказывания В.К. Кюхельбекера и братьев Бестужевых о книгах и чтении. Анализируется одна из ведущих метафор, выявляющих ценность книги на каторге и в ссылке, – «книга-пища» и ее семантические вариации: «книга-духовная пища / пища для ума / легкая пища / лакомство», а также определяются генезис, смысловое наполнение этих метафорических выражений, их ценностная градация, демонстрирующая интеллектуальные и эстетические предпочтения авторов.

Ключевые слова: М.А. Бестужев, В.К. Кюхельбекер, библиометафорика, дневник, мемуарно-эпистолярное наследие декабристов, метафора «книга-пища».

В истории культуры книга не раз оказывалась в центре внимания и выступала причиной происходящих перемен: так, переход от рукописного текста к печатному придал импульс просвещению и распространению наук. Уменьшение книжного формата привело к формированию личных библиотек и утверждению идей сентиментализма: карманная книга оказалась верным спутником прогулок «чувствительного человека», а ее содержание послужило эстетическим образцом для возникновения и выражения человеческих чувств [1. С. 123].

Появление библиологии, науки о книге, стало своеобразным итогом возрастающего интереса к печатному феномену. И хотя в качестве отдельной области знания библиология складывалась еще в XVIII в., до сих пор уточняются и оспариваются ее статус в качестве самостоятельной гуманитарной науки, ее исследовательские аспекты и методы. Интенции времени требовали от ученых то

видеть в книге продукт социума и способ распространения знаний (такова была стратегия советского литературо- и библиоведения), то обязывали осознавать текст как континуум мыслей, психологического склада народа и культурной эпохи (так к изучению книжного феномена подходили литературные критики во второй половине XIX в., а затем и литературоведы, культурологи в конце XX – начале XXI в.) [2. С. 85–91].

Сегодня, по мнению зарубежных и российских ученых, гораздо продуктивнее выглядят многоаспектные аналитические стратегии, в которых изучение идейно-смыслового содержания книги дополняется определением семиотической природы произведения, рассматриваемой через призму культурной эпохи, и не упускается из виду филологическая составляющая – поэтика текста. Одно из таких суждений принадлежит Е.П. Шеметовой, которая настаивает: книга – «...это текстовый символический (знаковый) элемент системы intersубъективной социокультурной коммуникации» [Там же. С. 92]. В начале XXI в. ярким примером такого полиаспектного подхода стал международный симпозиум «История книги и литературных культур» в Лондоне; открывая его, один из организаторов, И. Уиллисон, призывал сделать изучение Книги центральной проблемой для литературной, культурной и социальной истории мира [3. С. 39].

В нашей статье областью изучения стал конкретный период истории русской литературы и книжной культуры: мы обратились к переписке, воспоминаниям и дневниковым заметкам декабристов, к их эпистолярно-мемуарному наследию преимущественно 1826–1840-х гг. Сохраняя актуальную многоаспектность зрения, мы ставили задачей показать, что значимость чтения и книги подтверждается не только статистически (сколько прочитано произведений) или культурно-исторически (какие тексты мировой культуры выбирали декабристы, какие авторы были для них предпочтительны). Полагаем, что ценность книги аргументирована поэтикой декабристских высказываний, точнее сказать, библиометафорой, она и стала объектом нашего поиска.

Для начала приведем несколько значимых фактов: исследователи, восстанавливая круг чтения декабристов в Сибири, дают

длинный список научных трудов по философии, математике, географии, геологии, праву, астрономии, этнографии и другим отраслям знания, а также не менее пространный перечень художественных текстов. В нем есть имена Гомера, Шекспира, Карамзина, Пушкина, Монтеня, Байрона, Вальтера Скотта, Сильвио Пеллико, всех не перечислить, мы здесь указали лишь те, что вызвали эмоциональный отклик у большинства декабристов, и тому есть подтверждения в дошедших до нас библиотеках, в переписке, мемуарах и дневниках [4, 5].

Особенно много сохранилось воспоминаний о чтении декабристов в пору работы «каторжной академии», которая была устроена в Петровском Заводе, когда ослабели запреты, в том числе запреты на чтение. Создавая карандашные и акварельные портреты своих товарищей в камерах Петровского острога, Н.А. Бестужев часто изображал их читающими: над книжным страницами склонились М. Бестужев, Ф. Вольф, читает за столом неизвестный декабрист [6. С. 319–232]. Один из участников «каторжной академии» А.П. Беляев приводит тематическую панораму чтения (обратим внимание, что декабристами читались не только чужие, но и свои тексты, написанные уже в Сибири): «В этом замке в середине устроено было особое большое здание... В этой зале происходили... публичные чтения из разных отраслей знания. Здесь читал математику по Франкеру Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин... Спиридов читал свои записки на историю Средних веков, Оболенский читал философию, Одоевский курс, им составленный, русской словесности с самого начала русской письменности и русскую грамматику его сочинения. Другие читали свои переводы, в том числе и мы с братом, кажется, из Красного морского разбойника. Тут также были прочтены некоторые песни из поэмы “Василько” Одоевского и другие его стихотворения, из коих некоторые и напечатаны...» [7]. Заметим, книга в Сибири не только читалась, но и создавалась.

Чтобы почувствовать, насколько нужны и важны были печатные издания участникам декабрьского восстания в петербургском тюремном заточении, а позже и на каторге, в ссылке, необходимо

обратиться не только к истории, приводя статистические данные, но и к поэтике – метафорическому языку дневников, писем и мемуаров. О насущной потребности чтения в эпистолярно-мемуарном наследии декабристов говорит библиометафора «книга-пища»: она обладает широким семантическим спектром: от «книги-духовной пищи» до «книги-лакомства» и «легкой пищи»; ее отличает частота употребления (метафоры «книга-пища» и «книга-друг / собеседник» самые частотные в записях В.К. Кюхельбекера, М.А. Бестужева). Декабристы представляли литературное произведение другом и необходимой питательной субстанцией, иначе говоря, импульсом мыслительного процесса, а в раздумьях над текстами даже на каторге чувствовали себя свободными людьми. Так, находясь в Якутске, Александр Бестужев признавался с долей иронии: «Я здоров благодаря богу и благодаря великодушию монарха, дышу свободно, живу уединенно и беседую более всего с неизменными друзьями – книгами, и нередко Анакреон-Муром летаю в Индию и Америку. Воображение есть лучший ковер-самолет...» [8. С. 493]. Подлинным чтением Александру Бестужеву виделось только то, которое подчинялось правилам: «читать много», «не всему верить», «все обсудить», поскольку «...своей ум лучше чужого остроумия...» [Там же. С. 494].

Эти слова о чтении были адресованы младшему брату Павлу Бестужеву. В воспоминаниях другого брата, Михаила Бестужева, мы находим одно из первых упоминаний о «книге-пище». Уже 18 декабря 1825 г. он был заключён в Петропавловскую крепость и позднее так вспоминал о чтении девятого тома «Истории государства Российского»: «Я предался чтению с каким-то лихорадочным чувством любопытства. Было ли это удовольствие *вкусить духовную пищу* после томительной *голодовки* (здесь и далее курсив мой. – Н.П.) или смутное желание взглянуть поближе в глаза смерти... я не знаю... Но я читал... перечитывал... и читал снова каждую страницу» [9. С. 114]. Мучительные переживания заключенного и его мысли о смерти были обусловлены собственным положением и содержанием тома – рассказом о жестокостях правления Иоанна Грозного. Однако в цитате очевиден и другой,

жизнеутверждающий полюс: текст можно «вкусить» как спасительную «духовную пищу». С нашей точки зрения, в этих словах слышна отсылка к древнерусской метафоре «книга-пища», выступающей генезисом для метафорических фраз М. Бестужева.

Именно в древнерусской культуре чтение представало приобщением к религиозной истине, буквально ее вкушением. Так, Иоанн Богослов в тексте Апокалипсиса утверждал, что смысл происходящего он постиг, «поедая» книгу – горько-сладкое Божие слово: «И голос, который я слышал с неба, опять стал говорить со мною и сказал: пойди, возьми раскрытую книжку из рук Ангела... И пошел я к Ангелу и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка как мед. И взял я книжку из руки Ангела и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем» [10. С. 282; Иоан. гл. 10, 8–10]. Семантика вкушения здесь свидетельствует о глубине понимания изреченного Богом: за поверхностной сладостью слов оказываются скрыты горькие истины.

Вдохновение, которое нисходило с небес на автора, тоже представало «питательным», оно наполняло писательские уста: в Житии Авраамия Смоленского святость Авраамия была подчеркнута и тем, что «он кормился словом Божиим, как трудолюбивая пчела, облетающая все цветы и приносящая и готовящая себе сладкую пищу...» [11. С. 33]. Поясняя питательную природу древнерусской книги на примере еще одного текста – «Слова на собор святых отцов», Д.С. Лихачев называет церковного писателя глашатаем божественных истин, получающим свой дар слова от Бога [12]. Эти смыслы различимы в строках «Слова»: «...прошу от Бога дара слову на прославление святяя Троица, глаголетъ бо: Отвързи уста своя и напълню я» (цит. по: [12]). Как видно из цитат, метафорический комплекс, описывающий природу писательского вдохновения (готовил «сладкую пищу») и чтения – кропотливого труда («кормился словом Божиим», «как трудолюбивая пчела» облетал «все цветы»), восходил к библейскому сюжету духовного окормления Богом-отцом чад своих («Отвързи уста своя и напълню я»).

Михаил Бестужев, говоря о вдумчивом многократном чтении «Истории государства Российского» (точно фраза звучит: «читал и перечитывал»), ведет себя так же, как религиозно настроенный древнерусский читатель: узник тщательно обдумывает – «переживает» смысл текста, чтобы проникнуть в суть. Он нуждается в книге, как в хлебе насущном, а без нее испытывает духовный голод. Конечно, аллюзии, уводящие нас в древнерусскую культуру, религиозную по своему духу, не связаны с содержанием тома: все-таки перед нами издание Карамзина, а не сакральный текст. Однако древнерусские ассоциации в употребленной М. Бестужевым метафоре «книга-духовная пища» вполне возможны; они подкрепляются следующим фактом: в качестве «величайшей милости» узникам выдавалось Евангелие. Как пишут исследователи, именно на полях разрешенного Евангелия М. Бестужев записывал «иероглифами» свои мысли и планы будущих творений [4. С. 8]. Так соплагались, удивительным образом пересекались в пространстве Евангелия священная история и авторский, творчески свободный импульс. Пересечение разных семантических пластов различимо и в воспоминаниях декабриста о встрече с произведением Н.М. Карамзина: здесь звучит горькое осознание губительной природы власти и слышится надежда на духовно спасительное чтение.

Созвучны высказываниям М. Бестужева о книге как о духовной пище оказались дневниковые заметки В.К. Кюхельбекера. Уже находясь в Свеаборге, поэт сокрушался: «Когда у меня вышли книги, я боялся скуки: но... мы же молимся: “Хлеб наш насущный дождь нам днесь”. Хлеб для души от того же бога, от которого хлеб, поддерживающий наше тело; буду уповать на него и твердо я уверен, что он, милосердый, не оставит меня без *пищи духовной*...» [5. С. 94]. В.К. Кюхельбекер объяснял природу такого чтения довольно сложно: по его мнению, за напечатанными словами скрывается высшая область, «где владевает дух», а путь к ней подсказывает «одухотворяющее воображение» [Там же. С. 144]. Опорой, или, как говорит сам поэт, спасительной «книгой жизни», для него была Библия. Он припоминает случай, когда в Священном Писании искал поучительную притчу для своего обидчика:

«...в книге жизни я искал смертельного яда; но вместо яду отец мой небесный подал мне *горькое, но спасительное лекарство...*» [5. С. 216]. Этот фрагмент дневника насыщен религиозной библиометафикой, вновь отсылающей к древнерусской культуре: здесь Библия – это книга жизни, дар Божий; здесь ассоциативно дает о себе знать библейский сюжет духовного окормления Богом чад своих; здесь представлено духовное взросление читателя – осознание им важности прощения, а не суда.

Записывая события дня в своем «Дневнике», поэт всегда делал акцент на прочитанном произведении, давал ему оценку, отмечал, над какими переводами и своими сочинениями продолжал работу, сетовал на то, что томился в отсутствии книг. В.К. Кюхельбекер даже процесс собственного творчества осмыслял в гастрономической метафорике – скрытую метафору «аппетит творчества» находим в следующей записи: «Без книг, конечно, скучно, но при книгах я, может быть, не принялся бы опять за греческий язык и, вероятно, бросил бы “Ивана, купеческого сына”, которым, признаться, и по сию пору занимаюсь почти нехотя: *mais l'appetit viendra en mangeant...* но *appetium* приходит во время еды...» [5. С. 97]. «Аппетит заниматься» в данном случае говорит о возрастающем в процессе творчества желании писать и создавать. Постоянная и напряженная духовно-мыслительная работа поэта над своими и чужими книгами была прервана лишь наступившей слепотой. Лишенный возможности читать, он горько восклицал: «Так бы и нырнул я в чтение, / Им бы душу освежил...» (В.К. Кюхельбекер. Слепота) [13. С. 274].

Однако при всей интенсивности мысли, которую демонстрирует дневник поэта, согласимся с исследователями: Кюхельбекер очень тяжело переносил «лишение культурной среды и культурной пищи» – свое вынужденное отдаление от современной интеллектуальной жизни России и Европы. Потому-то неподдельная радость слышится в другой его скрытой библиометафоре – «книглакомство»: «Не читал я, а, скорее сказать, *лакомился* стихотворениями Скотта: пробежал только начало первой его поэмы “The Lay of the Last Minstrel”: каждый стих – капля нектара для человека,

который так давно не читал ничего *нового* хорошего...» [5. С. 161]. Чтение с наслаждением, чтение, утоляющее жажду по новому и отвечающее требовательному вкусу, – вот семантические акценты, которые делает Кюхельбекер в этой записи. Гастрономическая библиометафорика в его дневнике вполне закономерна, он сам объяснял ее истоки: «...вечером читал кое-что в “Picture of Italy”; с особенным удовольствием пробегал я те страницы, в которых описывается народный стол неаполитанцев; люблю итальянский стол да вообще считаю не последним наслаждением жизни лакомиться, если нельзя на самом деле, то по крайней мере – воображением» [Там же. С. 95]. Любитель вкусно поесть, Кюхельбекер в дневнике нередко говорил о том, что накануне «лакомился» (пусть и вполне простыми блюдами) [Там же. С. 243], потому и в метафоре использовал сходный семантический обертон – «книга-лакомство», тем самым акцентно продемонстрировав удовольствие от чтения.

В иной смысловой инструментовке метафора «книга – приятная и легкая пища» намекает на легковесное – любовно-романное содержание текста: «...романы – *пища* довольно *приятная*, но вместе и *слишком легкая для ума и воображения*. Я крепко изленился» [Там же. С. 314]. Запись сделана 5 июня 1834 г., а несколькими днями ранее В.К. Кюхельбекер упоминал, что читал творения В. Скотта и Ф. Купера и сетовал на однообразие лиц и романнных ситуаций: «Есть места прекрасные... но целое, признаюсь, кажется мне довольно обыкновенным, чтоб не сказать пошлым; сцена, правда, довольно нова, да самая-то сказка столь же поношена, как и главный характер. С великодушными разбойниками, кажется, познакомили нас довольно давно Шиллер и мистрис Радклиф...» [Там же. С. 313]. Как видим, несколько негативная оценка книги обусловлена ее копиистским содержанием, шаблонностью стиля; по мысли Кюхельбекера, такое чтение не дает настоящей пищи ни уму, ни сердцу и лишь кратковременно занимает читательское воображение.

В унисон с предыдущими фразами звучит еще одна дневниковая запись. Скрытую метафору «книга-пища» находим в рассказе Кюхельбекера о встрече с давним знакомцем, который настойчиво

советовал прочесть лубочные сочинения: «Приехал сюда новый вахтёр и привез мне поклон от Шапошникова. *Потчевал* он своими книгами, а именно “Милордом Георгом”, “Францылом Венецианом”... однако я их возьму и если и не прочту, то хоть пересмотрю...» [5. С. 387]. В ироничном и даже отстраненно холодном тоне поэта не чувствуется привычной заинтересованности, это тем более странно, что Кюхельбекер всегда был страстным читателем. Однако настойчивое предложение авантюрно-приключенческого романа, каким является «Милорд Георг», видимо, совсем не отвечало вкусам поэта. Напомним, он был очень взыскателен к романам и всегда скрупулезно подходил к оценке их «питательности».

Декабристы действительно были разборчивыми читателями, недаром и до трагических событий 1825 г. и спустя десятилетия они не оставляли литературно-критическую деятельность. Приведем примеры положительной оценки книги, она различима в метафоре, часто встречающейся в их записях: текст / книга – это «пища для ума». Михаил Бестужев так вспоминал о годах, проведенных в Сибири: «В Петровском Заводе мы зажили совсем другою жизнью. Сношение наше с родными уже упрочилось; постоянная переписка чрез дам дала нам возможность не только получать постоянные пособия в деньгах для материального существования, но доставляла *обильную пищу для ума*. Мы с общего согласия выписывали чрез наших родных и самые замечательные современные литературные и политические произведения, и самые лучшие периодические журналы и газеты, как иностранные, так и русские» [9. С. 175]. В.К. Кюхельбекеру тоже известна эта метафора: за пять лет до декабрьского восстания он опубликовал литературно-критическую статью «Взгляд на текущую словесность», в ней будущий декабрист упоминал о журнале «Сибирский вестник», выходившем тогда в Санкт-Петербурге: «Мы уверены, что “Сибирский вестник” – *для ума и здоровья сочная пища*, а для памяти – богатый источник положительных сведений, без коих, по нашему мнению, не можно иметь никакого права на название человека образованного и просвещенного...» [5. С. 442]. Аргументируя высокую степень «питательности» журнала, Кюхельбекер

приводит список вопросов и проблем, на которые откликается издание, и тем самым обогащает знание современника о Сибири: дает ему представление о географических особенностях края, живописно и поэтически «сочное» представляет сибирский пейзаж. В доказательство поэт пространно цитирует журнал: «Какая кисть представит то тусклое, то яркое блистание северных сияний, которые в неподражаемых видах живописуют северный небосклон... и освещают мрачное царство долговременной зимней ночи?» [5. С. 442]. Увы, спустя пятнадцать лет Кюхельбекер ближе познакомится с Сибирью, воочию увидит ее мощную северную красоту.

Подводя итог нашим наблюдениям, мы откажемся от простого перечисления библиометафор, демонстрирующих значимость книжной культуры для декабристов. С нашей точки зрения, важно другое: если более пристально посмотреть на библиометафорику в эпистолярно-мемуарном наследии декабристов, то можно заметить, что метафоры располагаются на своеобразной ценностной «шкале». Ранжирование по ней происходит в зависимости от глобальности проблем, изображенных в произведении, от стиля, оригинальности текста и гениальности автора. Самое высокое положение на этой ценностной шкале занимает «книга-духовная пища». За ней следуют положительные в своей оценке метафоры – «книга-полезная / сочная пища / пища для ума» и эмоциональные метафорические высказывания об изысканной «книге-лакомстве». Менее важным занятием оказывается чтение романов (в частности произведений Ф. Купера), его романы названы «приятной и легкой пищей», и увлечение ими свидетельствует о лениности читателя.

Метафорическая «шкала» демонстрирует, насколько широк был спектр чтения декабристов, она говорит о насущной потребности книжной культуры, стремлении не отстать от веяний времени, показывает интеллектуальные и эстетические предпочтения людей декабристского круга. Вот как обнадеживающе говорил о Николае Кривцове его брат: «...Все завоевания века ему знакомы и близки, и, вернувшись в общество, он будет на одном уровне со всеми, а по существу и выше общего уровня, благодаря размышлениям, которые питали в нем разнообразные перипетии его жизни»

(цит. по: [4. С. 49]). Не будем судить, насколько это удалось декабристам. Важно, что связью с миром, «пищей» для узников была книга, что постоянное вдумчивое чтение было их насущной потребностью, именно в этом признавался М.С. Лунин в письмах из Сибири: «...я перелистываю старые книги. Что делать? Ум требует мысли, как тело пищи...» [14. С. 7].

Литература

1. Кочеткова Н.Д. Герой русского сентиментализма. Чтение в жизни «чувствительного героя» // XVIII в. Сб. 14. Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л. : Наука, 1983. С. 121–142.
2. Шеметова Е.П. Методологические подходы к определению природы и сущностных свойств книги // Книга: Исследования и материалы. Сб. 88 : в 2 ч. М. : Наука, 2002. Ч. 1. С. 84–98.
3. Уиллисон И. Вступительное слово на симпозиуме «История книги и литературных культур» // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 39–40.
4. Дунаева Е.Н. Декабристы и книга. М. : Книга, 1967. 64 с.
5. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л. : Наука, 1979. 789 с.
6. Декабристы-литераторы. М. : АН СССР, 1956. Т. 60, кн. 2. 462 с.
7. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. 1805–1850 гг. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1882. URL: http://az.lib.ru/b/beljaew_a_p/text_1882_vosp_dekabrista_oldorfo.shtml (дата обращения: 25.11.2018).
8. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения : в 2 т. М. : Художественная литература, 1981. Т. 2. 592 с.
9. Воспоминания Бестужевых. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 891 с.
10. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: канонические. М. : Полиграфкнига, 1990. 292 с.
11. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. : Наука, 1997. Т. 5: XIII век. С. 30–66.
12. Лихачев Д.С. Переводная литература в развитии литературы домонгольской Руси // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. : Наука, 1999. Т. 2: XI–XII века. 555 с. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2157> (дата обращения: 25.11.2018).
13. Кюхельбекер В.К. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1952. 427 с.
14. Лунин М.С. Письма из Сибири. М. : Наука, 1988. 495 с.

The Metaphor “Book Is Food” in Letters, Diaries and Memories of the Decembrists: Semantic Variants and Axiological Gradation

Text. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 19, pp. 62–74

DOI: 10.17223/23062061/19/5

Nadezhda V. Prodanic, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: omsk.nadezhda@mail.ru.

Keywords: M.A. Bestuzhev, W.K. Kuchelbecker, book metaphor, diary, memoir and epistolary legacy of the Decembrists, metaphor “book is food”.

Modern bibliological research is characterized by an integrative approach to the phenomenon of the book: factual and statistical data are supplemented with philological observations, socio-cultural, historical and semiotic information. In this context, the appeal to book metaphors seems very productive: metaphor is a fundamental category of literary thinking, it conceptualizes the value of the book for the person and the cultural era, the semantic options of book metaphors reflect the dynamics of the person’s attitude to print media.

The subject of this study was the metaphor “book is food” and its semantic variations (“text is food for the mind / juicy food / dainty / light and pleasant food”). The material for the study was the diary entries and the epistolary and memoir legacy of the Decembrists of the 1820s–1840s, first of all, the memories of the Bestuzhev brothers and the diary of W.K. Kuchelbecker.

Numerous works of historical literary and historical cultural nature provide statistical data on the reading of the Decembrists. These facts testify to the diverse topics and issues of print media, the wide range of the Decembrists’ reading interests, including ancient texts and literary novelties. However, in the author’s opinion, the “book is food” metaphor speaks artistically vividly and axiologically specifically on the need for a book culture for readers in prison. On the pages of memories and diaries, this book metaphor is endowed with several semantic overtones: “book is spiritual food”, “book is juicy food for the mind / treat / pleasant and light food”.

These metaphors and metaphoric expressions are located on a peculiar value “scale”. The highest position on it belongs to the “book is spiritual food”, its genesis goes back to the old Russian book metaphor “book is food”, religious in the spirit, and the speech of prisoners preserves religious allusions.

M.A. Bestuzhev and W.K. Kuchelbecker positively evaluate the “book is healthy food / juicy food / food for the mind”; these semantic versions of the book metaphor are most often found in the Decembrists’ texts. In addition, W.K. Kuchelbecker’s diary has emotional metaphorical statements about a refined “dainty book” – a poetic text; there are judgments about “pleasant and light food” less valuable for a thoughtful reader. The negative evaluation of the book, in this case of the novels, is due to the stereotyped style and author’s intention.

The metaphorical “scale” demonstrated the intellectual and aesthetic preferences of people in the Decembrist circle, for whom reading was a need – food, but the quality of this food was necessarily evaluated by a free reader, subjected to judgments of mind and taste. The book metaphor became an expression of the value of the book in the Decembrist circle and demonstrated the axiological gradation of the print media.

References

1. Kochetkova, N.D. (1983) Geroy russkogo sentimentalizma. Chtenie v zhizni “chuvstvitel'nogo geroya” [Hero of Russian sentimentalism. Reading in the life of a

“sensitive hero”]. In: Panchenko, A.M. (ed.) *Russkaya literatura XVIII – nachala XIX veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste* [Russian literature of the 18th – early 19th centuries in the socio-cultural context]. Leningrad: Nauka. pp. 121–142.

2. Shemetova, E.P. (2002) Metodologicheskie podkhody k opredeleniyu prirody i sushchnostnykh svoystv knigi [Methodological approaches to determining the nature and essential properties of the book]. In: Sikorsky, N.M. (ed.) *Kniga: Issledovaniya i materialy* [Book: Research and Materials]. Vol. 88. Moscow: Nauka. pp. 84–98.

3. Willison, I. (2005) Vstupitel'noe slovo na simpoziume “Istoriya knigi i literaturnykh kul'tur” [Opening remarks at the symposium “History of the Book and Literary Cultures”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 73. pp. 39–40.

4. Dunaeva, E.N. (1967) *Dekabristy i kniga* [Decembrists and the Book]. Moscow: Kniga.

5. Küchelbecker, W.K. (1979) *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* [Journey. Diary. Articles]. Leningrad: Nauka.

6. Vinogradov, V.V. (ed.) (1956) *Dekabristy-literatory* [Decembrists-Writers]. Vol. 60(2). Moscow: USSR AS.

7. Belyaev, A.P. (1882) *Vospominaniya dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom. 1805–1850 gg.* [Memories of the Decembrist about what was experienced and felt. 1805–1850]. St. Petersburg: A.S. Suvorin. [Online] Available from: http://az.lib.ru/b/beljaew_a_p/text_1882_vosp_dekabrista_olderfo.shtml. (Accessed: 25th November 2018).

8. Bestuzhev-Marlinskiy, A. A. (1951) *Sochineniya: V 2 t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

9. Azadovsky, M.K. (ed.) (1951) *Vospominaniya Bestuzhevykh* [Memories of the Bestuzhev]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

10. The Russian Bible Society. (1990) *Bibliya: Knigi svyashchennogo pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta: kanonicheskie* [The Bible: The books of the scriptures of the Old and New Testaments: canonical]. Moscow: Poligrafkniga.

11. Anon. (1997) *Zhitie Avraamiya Smolenskogo* [Life of Abraham of Smolensk]. In: Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A., Alekseev, A.A. & Ponyrko, N.V. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Russian Literature]. Vol. 5. St. Petersburg: Nauka. pp. 30–66.

12. Likhachev, D.S. (1999) *Perevodnaya literatura v razvitiy literatury domongol'skoy Rusi* [Translation literature in the development of literature of pre-Mongol Rus]. In: Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A., Alekseev, A.A. & Ponyrko, N.V. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Russian Literature]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2157>. (Accessed: 25th November 2018).

13. Küchelbecker, W.K. (1952) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

14. Lunin, M.S. (1988) *Pis'ma iz Sibiri* [Letters from Siberia]. Moscow: Nauka.

Е.Г. Новикова

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ В ЯПОНСКИХ КОМИКСАХ¹

Аннотация. В статье впервые предпринято специальное литературоведческое исследование японских комиксов (манга), созданных по мотивам романов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Методологической основой исследования стала концепция межсемиотического перевода, восходящая к трудам Р.О. Якобсона. В работе показано, что, в отличие от доминирующей в американском комиксе стратегии доместикации, японская культура стремится к эквивалентной передаче в манге основного содержания и ключевых смыслов романов Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», комикс, графический роман, манга.

Активное изучение комикса как важнейшего фактора мировой культуры XX–XXI вв. обусловило появление многочисленных посвященных ему исследований [1–7 и др.]; в настоящее время уже с полным правом можно говорить о том, что в современной научной мысли оформилось и функционирует специальное междисциплинарное направление, посвященное его осмыслению. Особое внимание в указанном научном направлении сосредоточено на манге (дословно: «веселые / забавные картинки»), японском варианте комикса, сегодня очень популярном и распространенном, в том числе в России [8–14 и др.].

При этом на фоне широко развернутого анализа наиболее популярного типа комикса о супергерое [1, 2, 7, 15–16 и др.] пока в несравненно меньшей степени исследуется такое явление, как комикс, созданный на основе классических произведений мировой литературы. Представляется, что необходимость его специального изучения обусловлена специфическими культурологическими механизмами его порождения и функционирования: базовая художественная

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020\18.

природа комикса как сочетания литературы и изобразительного искусства в данном случае уточняется и усложняется механизмами межсемиотического перевода [17] уже существующего в мировой культуре художественного произведения в современный «рассказ в картинках». Пожалуй, наиболее заметные исследования в этой области посвящены американской серии комиксов «Classics Illustrated» (дословно: «Иллюстрированная классика»; 1941–1971), многолетнему проекту Альберта Льюиса Кантера (Kanter, Albert Lewis; 1897–1973) [18, 19 и др.]. Однако в данных работах фактически только поставлен вопрос о специфике «перевода» классического литературного произведения в комикс (вероятно, в данном случае более уместно использование термина «графический роман»). В свою очередь, ориентация на мировую классику, говоря шире, на некий уже существующий в культуре текст – это одна из основополагающих особенностей японской манги [8–11 и др.], поэтому ее изучение должно быть актуализировано в общем научно-исследовательском подходе межсемиотического перевода.

В частности, японская манга внесла существенный вклад в современную интерпретацию / переинтерпретацию наследия Ф.М. Достоевского. Внимание к творчеству великого русского писателя вообще весьма характерно для современной Японии. Известный японский исследователь Достоевского Тоёфуса Киносита подчеркивает его особое значение для современной японской культуры и литературы [20], ему посвящаются разнообразные культурные проекты [21 и др.]. Т. Киносита пишет о том, что в современной Японии «в трактовке и осмыслении творчества Достоевского главенствующее положение занимают вопросы художественной формы и концепции человека» [20. С. 197]. Представляется, что эти общие подходы к творчеству великого русского писателя могли сыграть определенную роль в актуализации его наследия в совершенно иной «художественной форме» – манге; при этом задача постижения «концепции человека» Достоевского сохраняется.

В этом смысле японская манга существенно отличается от тех тенденций, которые связаны с именем Достоевского в мире комикса в целом. Его наследие здесь сейчас активно используется. Самое

«рисуемое» произведение писателя – роман «Преступление и наказание», в США и Великобритании создано несколько его версий, некоторые из них переведены на русский язык [22, 23 и др.]. Безусловно, англоязычная культура комиксов по-разному интерпретирует роман Достоевского; тем не менее, доминирующей стратегией здесь является доместикация (domesticating), «одомашнивающая» стратегия межсемиотического перевода. Доместикация осуществляется прежде всего в направлении активной адаптации произведения Достоевского к самой культуре, наследию и формам англоязычного комикса. Наиболее ярким примером этого стал один из американских комиксов «Crime and Punishment!», в котором Раскольников, написав свою известную статью, превращается в Бэтмена и дальше действует под его маской; раскаяние героя состоит в том, что он снимает маску Бэтмена (рис. 1).

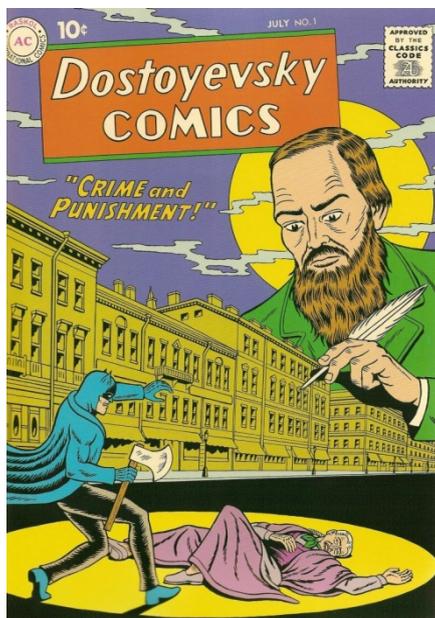

Рис. 1

В основе японских обращений к наследию Достоевского в манге – также «Преступление и наказание». Манга по этому роману Достоевского была создана в 1953 г. классиком японского аниме и манги Осаму Тэдзука (1928–1989) [24, 25]; в 2000 г. она была переведена на русский язык и опубликована в России [26]. Более того, именно с этой мангой оказалась связанной культурологическая ситуация осознанных попыток внедрения комикса / манги в современную российскую действительность. В 2007 г. в рамках «Бумфеста», Международного фестиваля рисованных историй в Санкт-Петербурге, состоялась презентация манги Осаму Тэдзука «Преступление и наказание» в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского; специально для этого мероприятия ее перевели на русский язык, издав немного позже [Там же]. Именно манга «Преступление и наказание», по мысли организаторов фестиваля, могла бы помочь преодолеть сложившийся в России стереотип отношения к комиксу как к «низкому» жанру.

На первый взгляд, выбор «Преступления и наказания» Осаму Тэдзука для реализации названной цели может показаться достаточно неожиданным, даже спорным. Существенное влияние на Осаму Тэдзука оказал классический американский комикс, что ярко проявилось, в частности, в манге по роману Достоевского. Нарисованные персонажи, начиная с Раскольникова, стилистически очень напоминают героев Уолта Диснея (рис. 2, 3). Однако в основе обращения «мангаки» Осаму Тэдзуки к «Преступлению и наказанию» лежало его глубокое знание русской литературы, творчества Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, он вырос и сформировался на традициях великой русской литературы XIX в. Поэтому, создавая мангу «Преступление и наказание», он ставил перед собой совершенно иную, по сравнению с американской позицией доместикации, задачу популяризации наследия Достоевского в Японии, прежде всего среди современной японской молодежи; установка на молодежь и обусловила использование диснеевской стилистики [8–13, 24, 25]. Особой популярностью манга «Преступление и наказание» не пользовалась; тем не менее, именно так были заложены те основы взаимодействия манги с мировой клас-

Ярким явлением стала манга «Братья Карамазовы», созданная Касуке Маруо и японской арт-группой «Variety Art Works» (рис. 4), которая была опубликована в Японии в 2008 г., а в 2014 г. переведена на русский язык [27].

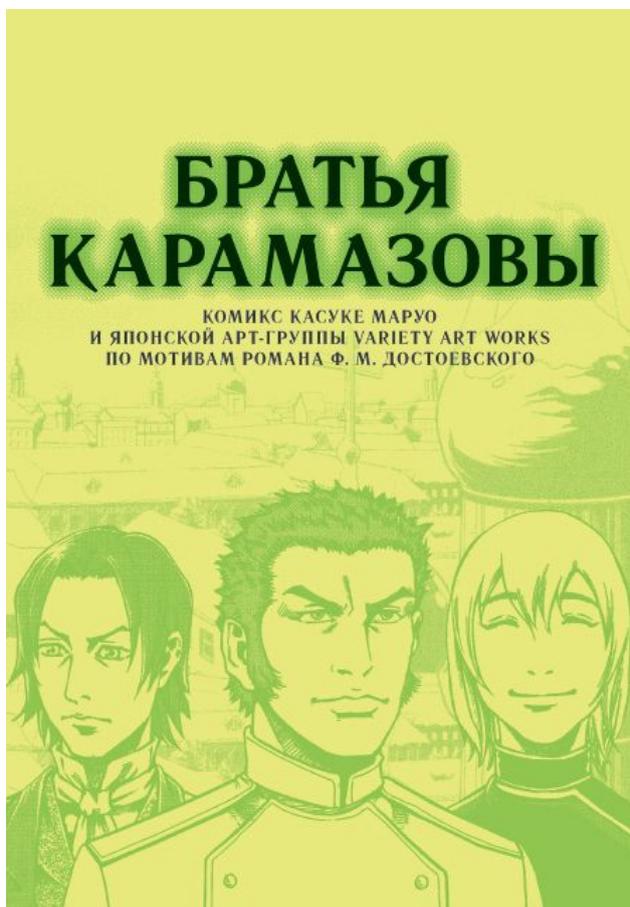

Рис. 4

Эта манга обращает на себя внимание бережным отношением к первоисточнику, она же свидетельствует о том, что сама ситуа-

ция подобного межсемиотического перевода определяет как потенциальную возможность его эквивалентности, так и изначально неадекватность получаемого нового переводного культурного явления.

В манге «Братья Карамазовы» сохранены общая структура романа Достоевского и все его основные сюжетные линии; однако формат манги закономерно влияет на изменение – определенное упрощение и сворачивание – полноты, тематического и художественного многообразия исходного романного текста. Как известно, роман «Братья Карамазовы» состоит из 12 книг и завершается «Эпилогом». Манга «Братья Карамазовы» включает в себя также 12 частей (рис. 5).

СОДЕРЖАНИЕ	
ПРОЛОГ.....	7
ТРИ БРАТА.....	12
ЦАРСТВО ВЕЧНОЙ ГАРМОНИИ.....	62
НАЧАЛО ТРАГЕДИИ.....	130
ПОСЛЕДНИЙ ПИР.....	170
ПОД АРЕСТОМ.....	194
МАЛЬЧИКИ.....	200
ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ.....	251
ПОД ЗВЕЗДНЫМ НЕБОМ.....	268
УСТРЕМЛЕНИЯ.....	283
СУД.....	302
ЭПИЛОГ.....	371

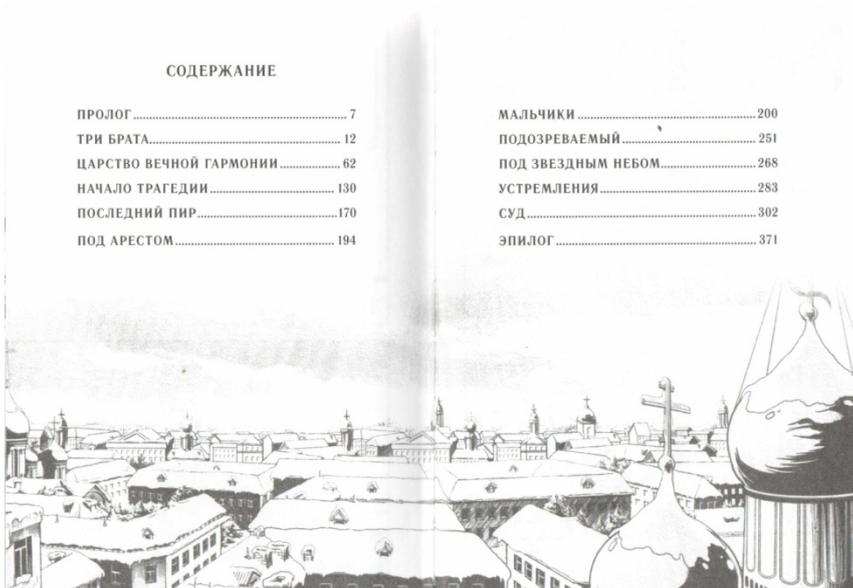

Рис. 5

Первая книга романа «История одной семейки» получила здесь название «Пролог», что представляется вполне оправданным, поскольку она действительно выполняет в романе функцию пролога,

романный «Эпилог» же при этом сохранен, в результате чего манга обрела прозрачную для читателя структуру с прологом и эпилогом. Так же как книги произведения Достоевского, части манги имеют свои названия; однако названы они иначе. Единственным исключением стал заголовок «Мальчики», общий для десятой книги романа и седьмой части манги. Этот пример показывает также, что при сохранении общей структуры и проблематики произведения Достоевского, внутреннее распределение романного материала по отдельным частям манги не всегда соответствует книгам исходного текста. Так, одиннадцатая и двенадцатая книги романа объединены здесь в часть под названием «Суд»; изменению подверглось и собственно начало романного сюжета: конклавная сцена в монастыре (книга вторая «Неуместное собрание») стала третьей частью манги под названием «Царство вечной гармонии», а вслед за «Прологом» здесь следует часть «Три брата», соответствующая романной книге третьей «Сладострастники». Очевидно, что эти изменения также продиктованы стремлением упростить романский сюжет и сделать его более понятным: сначала описываются встреча братьев с Федором Павловичем и их взаимное знакомство, и только потом – их общая встреча со старцем Зосимой. Думается, подобные изменения способствуют в том числе осознанию того, насколько яркими и необычными были художественные решения самого Достоевского.

Важнейшую роль в становлении и функционировании основных смыслов романа «Братья Карамазовы» играет предпосланный ему эпиграф и предисловие «От автора». Эпиграф: «"Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода"». (Евангелие от Иоанна, гл. XII, ст. 24)» [31. С. 5]. «От автора»: «Начиная жизнеописание героя моего, Алексея Федоровича Карамазова <...>» [28. С. 5]. При этом история зарубежной рецепции романа Достоевского свидетельствует о том, что далеко не сразу эти так называемые внетекстовые элементы романа стали учитываться при его переводе. Наиболее показательный пример – первый англоязычный перевод «Братьев Карамазовых» 1912 г., выполнен-

ный английской писательницей и переводчицей Констанс Гарнетт, пользующийся популярностью до сих пор как некий изначальный высокий «образец». Как пишет Т.В. Васильченко, изучившая и описавшая историю англоязычной рецепции романа, «несмотря на существование семи (всех современных. – Е.Н.) переводов <...> перевод К. Гарнетт является самым распространенным... его по-прежнему продолжают публиковать» [29. С. 74], и в настоящее время существует целый ряд его переизданий [30]. При этом, по словам Т.В. Васильченко, «К. Гарнетт не переводит эпиграф и предисловие “От автора”» [29. С. 31], более того, современные книгоиздательства переиздают «Братьев Карамазовых» «в переводе К. Гарнетт вновь без эпиграфа и предисловия» [Там же. С. 74].

На подобном рецептивном фоне создателей манги «Братья Карамазовы» отличает стремление передать авторскую позицию. Текст манги начинается следующим образом: «Это рассказ о юности Алеши, третьего сына в семье Карамазовых» [27. С. 7]; безусловно, это такой очевидный эквивалент предисловию «От автора», заданный форматом комикса / манги.

Однако эпиграф опущен и здесь. И если его отсутствие в переводе Констанс Гарнетт можно объяснить в том числе ее «атеистическим взглядом на мир» [29. С. 29], то вопрос о возможностях актуализации евангельского текста в японской манге требует специального изучения и анализа.

Несмотря на установку на воспроизведение основного содержания романа Достоевского, авторы манги особо сосредоточены на изображении двух персонажей, Ивана и Алеши Карамазовых, именно их судьбы – в центре произведения. Об этом свидетельствует само изображение «главных героев»; следует напомнить, что манга читается / просматривается сверху вниз и справа налево, так что Алеша и Иван изначально представлены здесь как главные герои (рис. 6), потому что именно они, по мысли авторов, ищут ответ на ключевой вопрос романа Достоевского – «что такое свобода и настоящее счастье?» (рис. 7). Два брата – и два пути, два ответа на этот вопрос.

Рис. 6

Рис. 7

Путь Ивана в манге – это путь русской революции (см. рис. 7). Вопросание о «свободе и настоящем счастье» ведет к призывам «Свергнуть императора!», «Начнется революция!», к мечте о всеобщем равенстве; показательно, что его образ сопровождается изображением серпа и молота. Подобное восприятие Ивана Карамазова достаточно характерно для современной японской культуры; так, Кэнноскэ Никамура пишет о том, что позиция героя определяется «идеями так называемого “утопического социализма”, который был популярен в России середины XIX века» [31. С. 5]. Более того, такая сугубо «революционная» интерпретация образа Ивана – это еще одна традиция восприятия «Братьев Карамазовых» в зарубежном мире. В упомянутом выше переводе Констанс Гарнетт презрительная и небрежная реплика Ивана о Смердякове как о «передовом мясе» [28. С. 122] представлена следующим образом: «He's pleased to have a high opinion of me; he's a lackey and a mean soul. Raw material for revolution, however, when the time comes. – For revolution?» [30. P. 70]. Дословно: «Изволил меня уважать; он лакей и хитрец. Сырой материал для революции, однако, когда время придёт. – Для революции?» [29. С. 53]. В конечном счете, образ Ивана в манге определяется главой «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» и его выступлением на суде, на котором он ссылается на черта как единственного свидетеля: «Кто ваш свидетель? – С хвостом, ваше превосходительство, не по форме будет! Le diable n'existe point! <...> дрянной, мелкий черт, – прибавил он» [32. С.117]. Образ черта и ключевое высказывание Ивана на суде о том, что «один гад съедает другую гадину» [Там же. С. 117], определили его заключительное изображение в манге (рис. 8).

В свою очередь, с образами Алеши и старца Зосимы в мангу входит тема Бога. Начавшись в части «Царство вечной гармонии» (аналог книги «Неуместное собрание»; рис. 9), кульминации она достигает в части «Под звездным небом».

Это название принципиально. С одной стороны, в манге говорится о Боге, что свидетельствует о том, что, по мысли ее создателей, комикс по роману Достоевского должен сохранить религиозную проблематику (ср., например, с упомянутым выше комиксом

«Crime and Punishment!», в котором все общечеловеческие вопросы заменены маской Бэтмена, надетой на Раскольникова).

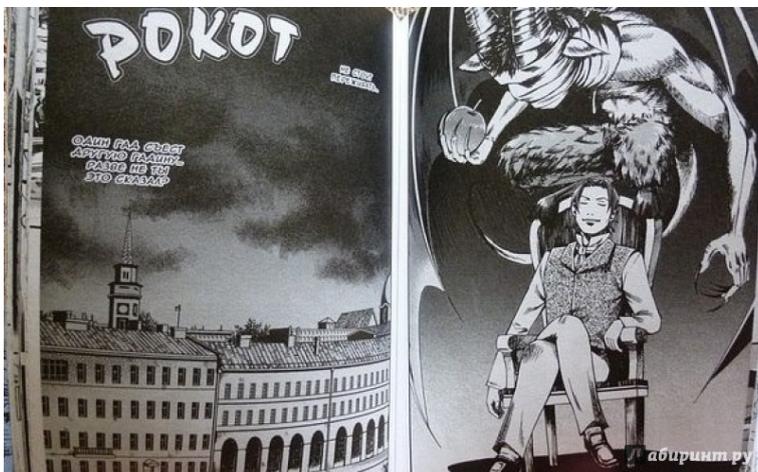

Рис. 8

Рис. 9

С другой стороны, собственно христианская проблематика, сущностная для русского писателя, в манге отсутствует, что представляется достаточно закономерным для произведения японской культуры. Но в целом эквивалентность перевода христианской проблематики «Братьев Карамазовых» на язык японской манги достигнута благодаря введению и активному использованию такого специального образа, как «звездное небо». «Звездное небо» – это то, что в манге объединяет всех людей на земле, все «создания Божии» [28. С. 289], и ныне живущих, и уже покинувших земной мир [33. С. 153–161]. «Под звездным небом» нарисована встреча Ивана и Алеши накануне суда и Илюшечка Снегирев на пороге смерти (рис. 10); уже ушедшие из жизни старец Зосима, Илюшечка и Жучка являются Алеше и Коле Красоткину на небе (рис. 11); наконец, финальные слова манги «Под одним небом!» (рис. 12).

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Этот ставший предельно значимым для манги образ звездного неба восходит к кульминационной главе романа «Кана Галилейская». После сна, в котором он оказался на пиру в Кане Галилейской, встретил там воскресшего Зосиму и увидел Христа, Алеша внезапно покидает келью: «Он не остановился и на крылечке, но быстро сошел вниз. Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... <...> Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, “соприкасаясь миром иным” <...> “Кто-то посетил мою душу в тот час”, – говорил он потом с твердою верой в слова свои...» [28. С. 328]. Так японская манга с ее установкой на популяризацию наследия Достоевского в Японии, восходящей еще к Осаму Тэдзука, актуализировала живописный потенциал романа «Братья Карамазовы», и образ звездного неба стал эквивалентным воплощением ключевой религиозной проблематики романа Достоевского.

Литература

1. Rhoades Shirrel. A Complete History of American Comic Books. Peter Lang, 2008. 353 p.
2. Goulart Ron. Great American Comic Books. Publications International, Ltd., 2001. 344 p.
3. McCloud Scott. Understanding Comics: The Invisible Art. Kitchen Sink Press, 1993. 222 p.
4. Barker Martin. Comics: Ideology, Power, and the Critics. Manchester University Press, 1989. 320 p.
5. Groensteen Thierry. The System of Comics. University Press of Mississippi, 2007. 188 p.
6. Sabi Roger. Comics, Comix and Graphic Novels: A History of Comic Art. Phaidon, 1996. 240 p.
7. Дмитриева Д. Г. Феномен американского супергероя в контексте визуальной культуры XX в. : дис. ... канд. культурол. М., 2014. 219 с.

8. Gravett Paul. *Manga: 60 Years of Japanese Comics*. Laurence King Publishing, 2004. 176 p.
9. Petersen R.S. *Comics, Manga, and Graphic Novels: A History of Graphic Narratives*. ABC-CLIO, 2011. 274 p.
10. Brenner R.E. *Understanding Manga and Anime*. Greenwood Publishing Group, 2007. 356 p.
11. MacWilliams M.W. *Japanese Visual Culture: Explorations in the World of Manga and Anime*. M.E. Sharpe, 2008. 352 p.
12. Манга в Японии и России: Субкультура отаку, история и анатомия японского комикса / ред.-сост. Ю.А. Магера. Москва ; Екатеринбург : Фабрика комиксов, 2015. 352 с.
13. Шамарина О. Толковый словарь жанров манги // Изотекст: статьи и комиксы. М., 2010. С. 160–201.
14. Тулякова Е.И., Редькина И.А. Особенности редактирования российских комиксов в стиле манга // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 2 (11). С. 131–143.
15. Reynolds Richard. *Super Heroes: A Modern Mythology*. University Press of Mississippi, 1994. 134 p.
16. Chute Hillary L. *Graphic Women: Life Narrative and Contemporary Comics*. Columbia University Press, 2010. 297 p.
17. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / пер. Л. Черняховской. М., 1978. С. 16–24.
18. Malan Dan. *The Complete Guide to Classics Illustrated*. Classics Central. Com, 2006. 116 p.
19. Jones, William B., Jr., *Classics Illustrated: A Cultural History, with Illustrations*. (Jefferson, N.C.: McFarland & Company, Inc., 2002). Second edition, 2011. 287 p.
20. Киносита Т. Восприятие и изучение творчества Достоевского в Японии за последние 40 лет в свете истории восприятия творчества писателя с конца XIX в. // Достоевский. Материалы и исследования. СПб. : Нестор-История, 2013. Т. 20. С. 194–220.
21. Достоевский: Специальный номер, посвященный писателю / отв. ред. Камэяма Икуо, Мотидзуки Тэцуо // Современная мысль. Токио : Сэйдо-ся, 2010. Vol. 38-4 (April 2010, Special issue). 374 p.
22. *Crime and Punishment: a graphic novel / Dostoevsky*. Alain Konkos and David Mairowitz. London : Self Made Hero, 2008. 128 p.
23. Преступление и наказание: роман-комикс / Ф.М. Достоевский, адапт. Дэвид Зейн Мейровиц ; пер. с англ. С. Долотовской ; худ. Ален Коркос. М. : АСТ, 2014. 128 с.
24. Onoda Power N. *God of Comics: Osamu Tezuka and the Creation of Post-World War II Manga*. University Press of Mississippi, 2009. 208 p.
25. Леонов В.Ю. Творчество Осаму Тэдзуки как ключевой компонент формообразования манга // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6, ч. 1. С. 104–106.

26. Преступление и наказание / Тэдзука Осаму ; пер. с яп. А. Деминой. Екатеринбург : Фабрика комиксов, 2010. 176 с.
27. Братья Карамазовы / Variety Art Works; пер. с яп. Екатеринбург : Фабрика комиксов, 2014. 384 с.
28. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 14. 511 с.
29. Васильченко Т.В. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» в англоязычных переводах : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 199 с.
30. Dostoevsky F.M. *The Brothers Karamazov* / translated by C. Garnett. New York : Signet Classic, 1958. 735 p.
31. Накамура Кэнносукэ. Чувство жизни и смерти у Достоевского. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 329 с.
32. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 15. 624 с.
33. Киносита Т. Идея воскресения в романе «Братья Карамазовы» и японский поэт Хагивара Сакутаро // Антропология и поэтика творчества Ф.М. Достоевского. СПб., 2005. 204 с.

Fyodor Dostoevsky in Japanese Comics

Text. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 19, pp. 75–94

DOI: 10.17223/23062061/19/6

Elena G. Novikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

Keywords: F.M. Dostoevsky, *Crime and Punishment*, *The Brothers Karamazov*, comics, graphic novel, manga.

Japanese comics (manga), adapted from Fyodor Dostoevsky's *Crime and Punishment* and *The Brothers Karamazov*, are first in focus of a literary study. Methodologically, the research is based on the concept of intersemiotic translation originally created by Roman Jakobson. It is revealed that Japanese culture tends to an equivalent communication of the key ideas and concepts of Dostoevsky's novels.

Being an essential factor of the world culture at the turn of the 21st century, comics are intensively studied; it is possible at present to state that a new interdisciplinary field aimed at a comprehensive analysis of comics has already been developed. Manga (literally, "funny pictures"), Japanese comics, is given special emphasis. Against the background of a thorough study of the most popular superhero comics, the comics adapted from the famous works of world literature are given less attention. The need to conduct a comprehensive study of this kind of comics is conditioned by its peculiar origin and function within the culture: being a combination of literature and art, artistic component of comics is specified and complicated due to the intersemiotic translation of the already existing piece of world literature to a modern "story in pictures".

Dostoevsky's works are intensively used in comics. In American comics, a domestication approach prevails: Dostoevsky's works are adapted to the target culture, forms

and traditions of English comics (for example, Raskolnikov is transformed into Batman). Japanese manga tends to an equivalence approach, i.e. to render basic ideas and concepts of Dostoevsky's novels; this fact is proved by manga "Crime and Punishment" (1953) created by Osamu Tezuka and, particularly, by manga "Brothers Karamazov" created by Kosuke Maruo and a Japanese art-group Variety Art Works (2008). Working at manga, Osamu Tezuka, a classic of Japanese comics' culture, sought to popularize Dostoevsky's works in Japan, among young people. Manga "Brothers Karamazov" preserves the structure of Dostoevsky's novel and all its plot lines; however, the form of manga inevitably leads to some changes – simplification and cutting – in fullness and theme diversity of the original novel. At the same time, the artistic potential of *The Brothers Karamazov* novel is emphasized, with the image of a "starry sky" becoming a key one. It traces back to the chapter "Cana of Galilee". This fact identifies the aspiration of manga's creators to render the religious themes of Dostoevsky's novel as close as possible.

References

1. Rhoades, Sh. (2008) *A Complete History of American Comic Books*. Peter Lang.
2. Goulart, R. (2001) *Great American Comic Books*. Publications International, Ltd.
3. McCloud, S. (1993) *Understanding Comics: The Invisible Art*. Kitchen Sink Press.
4. Barker, M. (1989) *Comics: Ideology, Power, and the Critics*. Manchester University Press.
5. Groensteen, T. (2007) *The System of Comics*. University Press of Mississippi.
6. Sabin, R. (1996) *Comics, Comix and Graphic Novels: A History of Comic Art*. Phaidon.
7. Dmitrieva, D.G. (2014) *Fenomen amerikanskogo supergeroya v kontekste vizual'noi kul'tury XX v.* [The Phenomenon of American Superhero in the Context of Visual Culture of the 20th Century]. Culture Studies Cand. Diss. Moscow.
8. Gravett, P. (2004) *Manga: 60 Years of Japanese Comics*. Laurence King Publishing.
9. Petersen, R. S. (2011) *Comics, Manga, and Graphic Novels: A History of Graphic Narratives*. ABC-CLIO.
10. Brenner, R.E. (2007) *Understanding Manga and Anime*. Greenwood Publishing Group.
11. MacWilliams, M.W. (2008) *Japanese Visual Culture: Explorations in the World of Manga and Anime*. M.E. Sharpe.
12. Magera, Yu.A. (ed.) (2015) *Manga v Yaponii i Rossii: Subkul'tura otaku, istoriya i anatomiya yaponskogo komiksa* [Manga in Japan and Russia: otaku subculture, history and anatomy of Japanese comics]. Moscow, Yekaterinburg: Fabrika komiksov.
13. Shamarina, O. (2010) Tolkoviy slovar' zhanrov mangi [Explanatory Dictionary of Manga Genres]. In: Kunin, A. (ed.) *Izotekst: stat'i i komiksy* [Isotext: articles and comics]. Moscow: RGBM. pp. 160–201.

14. Tulyakova, E.I. & Redkina, I.A. (2016) Features of editing Russian manga-style comics. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 2(11). pp. 131–143. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/11/8
15. Reynolds, R. (1994) *Super Heroes: A Modern Mythology*. University Press of Mississippi.
16. Chute, H.L. (2010) *Graphic Women: Life Narrative and Contemporary Comics*. Columbia University Press.
17. Jakobson, R. (1978) O lingvisticheskikh aspektakh perevoda [On linguistic aspects of translation]. Translated from English by L. Chernyakhovskaya. In: Komissarov, V.N. (ed.) *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike* [Problems of Translation in Foreign Linguistics]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 16–24.
18. Malan, D. (2006) *The Complete Guide to Classics Illustrated*. St. Louis, Malan Classical Enterprises.
19. Jones, W.B.Jr. (2011) *Classics Illustrated: A Cultural History, with Illustrations*. 2nd ed. McFarland & Company.
20. Kinoshita, T. (2013) Vospriyatie i izuchenie tvorchestva Dostoevskogo v Yaponii za poslednie 40 let v svete istorii vospriyatiya tvorchestva pisatelya s kontsa XIX v. [Reception and study of Dostoevsky's creative work in Japan over the past 40 years in the light of the history of writer's reception from the end of the 19th century]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research]. Vol. 20. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 194–220.
21. Kameyama, I. & Mochizuki, T. (eds) (2010) Dostoevskiy. Spetsial'nyy nomer, posvyashchennyy pisatelyu [Dostoevsky: Special issue devoted to the writer]. *Sovremennaya mysl'*. 38-4. Tokyo: Seido-sya.
22. Konkos, A. & Mairowitz, D. (2008) *Crime and Punishment: a graphic novel / Dostoevsky*. London: Self Made Hero.
23. Dostoevsky, F.M. (2014) *Prestuplenie i nakazanie: roman-komiks* [Crime and Punishment: a graphic novel]. Adapted by D.Z. Meirovits. Translated from English by S. Dolotovskaya. Moscow: AST.
24. Onoda Power, N. (2009) *God of Comics: Osamu Tezuka and the Creation of Post-World War II Manga*. University Press of Mississippi.
25. Leonov, V.Yu. (2013) Osamu Tezuka's creativity as key component of manga forming. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice.* 6(1). pp. 104–106. (In Russian).
26. Tezuka Osamu (2010) *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Translated from Japanese by A. Demina. Ekaterinburg: Fabrika komiksov.
27. Variety Art Works. (2014) *Brothers Karamazov*. Translated from Japanese by A. Demina. Ekaterinburg: Fabrika komiksov.
28. Dostoevsky, F.M. (1976) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works. In 30 vols]. Vol. 14. Leningrad: Nauka.

29. Vasilchenko, T.V. (2007) *Roman F.M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy" v angloyazychnykh perevodakh* ["Brothers Karamazov" by F.M. Dostoevsky in English translations]. Philology. Cand. Diss. Tomsk.

30. Dostoevsky, F.M. (1958) *The Brothers Karamazov*. Translated by C. Garnett. New York: Signet Classic.

31. Nakamura, K. (1997) *Chuvstvo zhizni i smerti u Dostoevskogo* [Sense of life and death in Dostoevsky]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.

32. Dostoevsky, F.M. (1976) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works. In 30 vols]. Vol. 15. Leningrad: Nauka.

33. Kinoshita, T. (2005) *Antropologiya i poetika tvorchestva F.M. Dostoevskogo* [Anthropology and Poetics of Dostoevsky's Creative Work]. St. Petersburg: Serebryany vek.

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

УДК 339.138:655.4/.5
DOI: 10.17223/23062061/19/7

Д.П. Зылевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БРЕНДИНГА В ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ

***Аннотация.** Статья посвящена общей характеристике развития брендинга в книгоиздании. Указывается, что в странах постсоветского пространства технология брендинга в последнее десятилетие активно внедряется в книжный бизнес, что позволяет снизить риски при экономических кризисах и увеличить продажи. Однако теория брендинга в издательском деле практически не разработана. Кратко описываются типы брендов, которые могут быть созданы в сфере книгоиздания: бренд автора, бренд издательства, бренд серии или тематического направления книг, бренд персонажа. В статье обозначены отличительные признаки бренда в издательском деле, приводятся статистические данные. Охарактеризованы наиболее важные и экономически эффективные механизмы продвижения бренда, т.е. инструменты брендинга: редакционная политика, фирменный стиль, нейминг, продвижение товара.*

Ключевые слова: бренд, брендинг, автор, книжная серия, фирменный стиль, нейминг, реклама.

Современные реалии книжного рынка вынуждают специалистов издательской сферы задуматься над тем, как увеличить продажи своей продукции. Большие возможности в сфере продаж открывает использование технологии брендинга. В издательском деле опыт применения данной технологии еще небогат, в других же сферах жизнедеятельности человека, в первую очередь в сфере производства товаров, брендинг существенно влияет на продажи товаров. Следовательно, умело применяя технологию брендинга с учетом специфики своей отрасли, издатель может формировать предпочтения читателей, а значит, рассчитывать на повышение продаж и снижение рисков.

Статья посвящена общей характеристике развития брендинга в книгоиздании. Для реализации этой цели предполагается решить следующие задачи:

- охарактеризовать имеющуюся литературу по различным аспектам брендинга в издательском деле;
- описать типы брендов в издательском деле;
- назвать основные инструменты брендинга;
- дать общую оценку брендингу в области книгоиздания Беларуси.

Объектом исследования стала информация о брендах и брендинге, прямо или косвенно представленная на официальных сайтах издательств, в интервью, докладах и других печатных материалах специалистов издательского дела.

О брендинге в издательском деле сегодня больше говорят практики, чем специалисты в области теории. Нет глубоких исследований, посвященных этой теме. Самым обширным в плане информационной насыщенности является тематический выпуск журнала «Книжная индустрия» (2012. № 4), посвященный брендингу. Тема номера сформулирована редакторами так: «Брендинг в книгоиздании. Концепт, инвестиции, востребованность рынком». Экспертами в этом вопросе выступили руководители крупнейших российских издательств «Эксмо», «Росмэн», «Альпина паблишер», «Рипол классик», «Детская литература», т.е. издательств, которые активно занимаются брендированием своей продукции и имеют определенный опыт в этом вопросе.

Есть несколько статей, посвященных отдельным типам брендов и брендингу периодических изданий, их авторы (А. Максикова, А. Тепикова, Н. Кляйн, О. Хлопунова) приводят конкретные примеры и делают некоторые обобщения. Зарубежные исследования по вопросам брендинга зачастую интересны как опыт других стран, но мало соотносятся с реалиями нашего книжного рынка. В целом очевидно, что практика издательского дела стран постсоветского пространства еще не накопила достаточного опыта, чтобы выходить на уровень значительных теоретических обобщений.

Общая теория брендинга в достаточной степени разработана специалистами в сфере политологии, социологии, культурологии и других, однако эти разработки лишь частично можно использовать в издательском деле в силу его специфики. Например, в учебной литературе по маркетингу выделены следующие типы брендов: товарные, линейные, серийные, зонтичные; по другой классификации, кроме того, называют личные, организационные (корпоративные), географические, бренды событий и др. Из перечисленных типов в издательском деле могут существовать личный бренд (бренд автора), организационный (бренд издательства). В определенной степени возможен зонтичный бренд, защищающий интересы нескольких суббрендов. С наибольшей полнотой зонтичный принцип может быть реализован, если относится к бренду-персонажу, имеющему медийную основу; в таком случае издатели, как правило, являются приобретателями авторских прав, так же, как представители пищевой, текстильной, сувенирной продукции.

Редакторским коллективом российского журнала «Книжная индустрия» было проведено исследование среди издателей, вот его результаты: «Так, например, размышляя на тему зонтичного брендинга, 62,5% издателей считают, что именно расширение и позволяет издателю зарабатывать на бренде. Иными словами, они с удовольствием бы настаивали, чтобы автор детективов занимался еще и написанием книг по диетологии или кулинарии, создавал сказки для детей и наоборот. Лишь 25% издателей категоричны в том, что специализация автора неизменна, и если уж у него получается писать любовные романы, то пусть только этим и занимается. Оставшиеся чуть больше 10% издателей – участников опроса не уверены в правильности любой позиции по причине отсутствия собственного опыта в этом направлении» [1. С. 17]. Думается, что полученная статистика вряд ли кардинально изменилась бы, если бы исследование проводилось в настоящее время.

На сегодняшний день в издательском деле принято выделять следующие типы брендов: бренд автора, бренд серии или тематики книг, бренд издательства. Для книгоиздания, ориентированного на детей, считаем целесообразным выделять отдельным типом и

бренд персонажа. Снова приведем данные, полученные в результате исследования, организованного сотрудниками журнала «Книжная индустрия».

«На взгляд участников опроса “КИ”, кажущаяся вариативность возможностей для бренд-технологий, которую предоставляет книжный бизнес, на самом деле достаточно ограничена. Для брендинга в книгоиздании наилучшим образом подходит лишь серия (проект), за это проголосовало две трети (62,5%) издательств. А, казалось бы, логичное использование автора в качестве базы для построения ассоциативных конструкций отметила лишь половина издательств, причем с оговоркой – автор только в том случае, если он “серийный маньяк” (то есть способен писать много и регулярно). Или совсем уж категорично – “Борис Акунин, Дарья Донцова и Александра Маринина не могут рассматриваться как авторы, их имена уже стали скорее названием “серии”, книги которой покупатели берут, не глядя на содержание”. Строить бренд на импринте, продвигая издательскую марку, стоящим делом считают лишь 25% издательств» [1. С. 15].

Охарактеризуем основные типы брендов в издательском деле. Бренд серии или тематического направления, действительно, наиболее привычен для нас. Очень качественные, интересные серии как для детей, так и для взрослых выпускались советскими издательствами. И на сегодняшний день если издательство не имеет четкой целевой аудитории или имеет их несколько, как правило, делаются бренды из серий. Для серии книг разрабатывается единый фирменный стиль, единая рекламная кампания. Издательству легче продвинуть новую книгу в рамках уже раскрученной серии, чем отдельно. Если новый автор печатается в известной серии, то он автоматически становится не отдельным продуктом, а частью уже известного предложения.

Бренд автора можно считать состоявшимся тогда, когда читатель покупает книгу, ориентируясь лишь на фамилию автора. То есть издательство, подготовившее книгу, ее название не имеют особого значения, потому что читатель доверяет автору и готов читать всё, что этот автор предлагает. Как правило, такие авторы

имеют собственную гражданскую позицию и пользуются высоким авторитетом, они обаятельны, умеют заинтересовать публику. Примером такого личного бренда является Пауло Коэльо – автор латиноамериканской литературы. Издательству «АСТ», представляющему его произведения на русскоязычном рынке, нужно лишь выпускать их в достойном виде и своевременно информировать об этом, дополнительных вложений в рекламные акции не требуется, имя автора скажет все само. В Беларуси автором-брендом можно считать нобелевского лауреата Светлану Алексиевич.

Бренд издательства – это, пожалуй, самый «молодой» тип бренда в издательском деле. До недавнего времени традиционно считали, что на название издательства читатель меньше всего обращает внимания. Однако в последнее десятилетие ситуация изменилась. Есть читатели, которые выбирают книги определенного издательства, т.е. название издательства для них является гарантом качества. По словам генерального директора издательства «Росмэн» Бориса Кузнецова, «брендинг издательств у нас сейчас только в самом начале пути. Издатели начинают выходить из тени, создают собственные площадки в социальных сетях, разворачивают SMM-маркетинг, входят в блогосферу, перерабатывают фирменные стили, решаются на активное и постоянное общение с читателями. А благодарный читатель включается в дискуссию и начинает отслеживать то издательство, которое смогло привлечь его внимание» [2. С. 14–15].

Чаще всего брендами становятся те издательства, которые четко определили свою нишу на книжном рынке и проводят грамотную редакционную политику, например, издательства «Росмэн», «Самовар», «Детская литература», которые выпускают литературу для детей в России. Примерами белорусских издательств, претендующих называться брендами, можно считать «Аверсэв» и «Народную асвету», которые на нашем книжном рынке заполняют нишу учебной литературы для школьников.

Бренд персонажа имеет отношение прежде всего к детской литературе. Ребенок запоминает полюбившегося ему персонажа, как бы «вырывает» его из контекста конкретной книги, помещает в

новые обстоятельства и организует с ним игру. То есть читателю-ребенку не интересна фамилия автора и название издательства, выпустившего конкретную книгу, а зачастую ребенок игнорирует и название произведения, из которого «вышел» полюбившийся персонаж. Следовательно, в книгоиздании для детей особое значение имеет раскрутка героев, рекламная кампания. Олег Вишняков, генеральный директор издательства «Детская литература», рассказывает: «Для создания и раскрутки бренда сегодня требуются огромные инвестиции в рекламу, чего ни один книжный издатель просто не может себе позволить. Поэтому мы предпочитаем быть «выбором № 1» для анимационных студий, производителей игрушек и детских товаров, когда у кого-то из них возникает потребность расширить продуктовую линейку за счет книг и журналов. Мы не пробиваем лбом стену, а стараемся влезть в пробитый кем-то проем, и у нас это неплохо получается» [3. С. 13]. Отметим особенность нашего времени: сегодня бренды-персонажи приходят в литературу чаще всего из медийных проектов или из мира игрушек, а в советские годы, как правило, была обратная тенденция.

Завершая разговор о типах брендов в издательском деле, следует охарактеризовать само понятие «бренд». Брендом принято считать такую торговую марку, товарам которой длительное время сопутствуют успех, высокая репутация и которая гарантирует высокое качество товара в настоящем и будущем. Кроме того, понятие «бренд» включает в себя и то представление, те ассоциации, которые возникают у потребителя при каждом контакте с этой торговой маркой. Отличительные признаки бренда в издательском деле еще четко не сформированы. Принято считать, что бренд должен существовать на рынке не менее трех-пяти лет, быть известным 30–70% целевой аудитории. Относительно российских брендов книжные издатели подсчитали и примерный суммарный реализованный тираж (от 100 тысяч экземпляров), и стоимость рекламной поддержки (от 1 миллиона рублей), и стоимость бренда (в диапазоне 1–6 миллионов рублей) [1. С. 13]. В пределах белорусских реалий такие подсчеты пока не проводились и произвести их не представляется возможным. Поэтому мы ориентируемся в

большей мере на степень известности, длительность существования на книжном рынке и высокое качество продукта.

Достаточно очевидными в издательском деле представляются основные инструменты брендинга, т.е. наиболее важные и экономически эффективные механизмы продвижения бренда.

Редакционная политика. Издательство должно четко определить для себя, что и для какого читательского адреса оно будет издавать. С этой целью анализируется существующий книжный рынок, выявляются наименее заполненные ниши, определяются собственные возможности в их заполнении, анализируются финансовые возможности потенциального покупателя, после чего может быть спроектирована концепция издания (или серии, или тематического направления книг).

Фирменный стиль. Брендная книжная продукция всегда узнаваема. Это достигается за счет использования определенных цветов и шрифтов в оформлении обложки, общей стилистики оформления, выбора книжных форматов и видов обложки, помещения логотипа на обложке или титульном листе и др. Издания должны отличаться от книг другого издательства, однако при этом не слиться в единую массу, т.е. не быть слишком похожими между собой. Для решения этой проблемы крупные издательства разрабатывают несколько типов дизайна (обложка, формат, конструктив, качественные параметры оформления издания), объединяющих книги в группы. Такой подход позволяет формировать гармоничное пространство при выкладке книг в книжном магазине или библиотеке. В качестве примера интересного оформления серии книг можно назвать серию «Казкі ХХІ стагоддзя», адресованную детям. Белорусскому издательству «Мастацкая літаратура» удалось разработать действительно оригинальный фирменный стиль, выгодно выделяющий издания среди других.

Нейминг. Это профессиональная разработка названия бренда, важнейшая часть маркетинговой стратегии компании, неотъемлемая часть позиционирования бренда. В развитых странах существуют специальные нейминговые агентства, разрабатывающие

названия для компании или ее товара. Большинство издательств все же самостоятельно решают эту задачу.

Нейминг предусматривает как название издательства, так и его продукции (книжных серий, отдельных изданий). Многие издающие организации выбирают имя, «говорящее» об их специализации («PRO CHRISTO» выпускает литературу религиозной тематики; «BYBOOKS» – литературу белорусских авторов; «Мастацкая літаратура» – художественную литературу). Другие издательства выносят в свое название метафору («Амалфея», «Белый Ветер», «Гольфстрим») или просто благозвучный набор букв («Аверсэв», «Эксмо», «Росмэн»).

О выборе названия для произведения или серии книг написано достаточное количество работ. Классической считается книга С. Кржижановского «Поэтика заглавий». Современные исследования на эту тему чаще всего проводятся с позиции креативного редактирования (термин введен в научный оборот В. Топоровым) и предлагают анализ названий, выполняющих в первую очередь маркетинговую функцию [4].

Продвижение товара (PR в СМИ, социальных сетях и реклама). В условиях рыночной экономики важно не столько уметь создавать продукт, сколько уметь его продавать. PR определяет доходы от книги, впечатление от текста тоже во многом определено правильным его позиционированием. Так, грамотная реклама может вывести в люди самого посредственного автора, а плохая – загубить даже вполне качественную литературу. Издательства-бренды всегда поддерживают связь со своими читателями через социальные медиа, имеют информативные сайты, где можно узнать о различных мероприятиях и акциях этого издательства.

Для рекламы задействуются внутренние и внешние элементы книги. Самым важным и содержательным внутренним рекламным элементом является аннотация книги. Именно она на сознательном уровне формирует у потребителя желание купить книгу. При продвижении книжных проектов в социальных медиа и на других сервисах особая роль отводится основным титульным элементам – заглавию книги и имени автора, являющимся равно базовыми

элементами библиографического описания, а также обложке, которая позволяет визуализировать издание как в социальных медиа, так и на различных книоторговых площадках.

Из четырех названных инструментов брендинга многие белорусские издательства меньше внимания уделяют продвижению товара (по финансовым причинам, а также нередко по причине некой инертности, оставшейся в наследство с советского времени). Сайты издательств не дают информации о мероприятиях рекламного характера, не предполагают возможности обратной связи с читателями.

Большинство белорусских издающих организаций в принципе не ставят перед собой задачу брендинга. Читая информацию, предоставленную на официальных сайтах издательств или в интервью с их руководителями, слушая выступления главных редакторов, обращаешь внимание на то, что слова «бренд» и «брендинг» практически не используются, а иногда используются в неверном значении. В то время как, например, руководители известных зарубежных издательств нередко заявляют, что очень много внимания уделяют брендингу в своей практической деятельности и готовы делиться некоторыми теоретическими обобщениями по этому вопросу.

Таким образом, можно отметить, что брендинг в издательском деле активно развивается. В отличие от западных стран, уже имеющих значительный опыт в этом направлении, страны постсоветского пространства разрабатывают собственную практику с учетом социально-экономических реалий своих стран. Многие белорусские издательства проводят четкую редакционную политику, предлагают продукцию с интересным фирменным стилем и оригинальным, привлекающим внимание названием. А это значит, что конкретные шаги в направлении брендинга уже сделаны.

Литература

1. Брендинг в книгоиздании. Концепт, инвестиции, востребованность рынком // Книжная индустрия. 2012. № 4. С. 10–18.
2. Кузнецов Б. Разложим по полочкам // Книжная индустрия. 2012. № 4. С. 13–15.

3. Вишняков О. Знак качества и 30 «уголков Disney» // Книжная индустрия. 2012. № 4. С. 12–13.

4. Зимина Л. Креативное редактирование: к вопросу об издательских «технологиях» озаглавливания книг // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2013. № 5. С. 81–88.

General Characteristics of Branding in Publishing

Text. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 19, pp. 95–105

DOI:

Dzina P. Zylevich, Belarusian State Technological University (Minsk, Belarus).

E-mail: vsv1304@yandex.ru

Keywords: brand, branding, author, book series, corporate style, naming, advertising.

The article discusses general characteristics of the development of branding in book publishing. The author solves the following tasks: characterizes the available literature on various aspects of branding in publishing; describes the types of brands in publishing; names the main branding tools; gives an overall assessment of the book publishing branding in Belarus. The object of the research was information on brands and branding, directly or indirectly presented on the official websites of publishing houses, in interviews, reports and other printed materials of publishing specialists.

The author points out that adopting the technology of branding by book business in the countries of the former Soviet Union goes actively in the past decade, which allows to reduce risks associated with economic crises and to increase sales. However, the theory of branding in publishing is almost undeveloped. The author briefly describes types of brands which can be created in the sphere of book publishing: author brand, publishing house brand, series brand, thematic books brand, character brand.

In the post-Soviet countries, considerable experience has been accumulated in creating high-quality book series; therefore, it is advisable to develop branding in this direction first of all. In the past decade, a number of publishing houses have been working on creating their own brand – the brand of a publishing house. The author cites statistical data obtained by the employees of the magazine *Knizhnaya Industriya* [Book Industry] as a result of their study in 2012.

In the article, distinctive signs of a brand in publishing are designated. The most important and economically effective mechanisms of brand-building, i.e. instruments of branding, are characterized: editorial policy, corporate style, naming, and product promotion. Of the four branding tools mentioned above, many Belarusian publishing houses, according to the author, pay least attention to product promotion (for financial reasons, and often due to some inertia inherited from the Soviet era). Publishing sites do not provide information about promotional events, do not imply the possibility of feedback from readers.

The author notes that the majority of Belarusian publishing houses do not set the task to develop branding. At the same time, many publishing organizations develop certain instruments of branding: carry out accurate editorial policy, offer products with

an interesting corporate style and an original title that draws attention. It is noted that each country develops its own practice in the sphere of book branding due to the social and economic development of the state.

References

1. *Knizhnaya industriya*. (2012) Brending v knigoizdanii. Kontsept, investitsii, vostrebovanost' rynkom [Branding in publishing. Concept, investment, market demand]. 4. pp. 10–18.
2. Kuznetsov, B. (2012) Razlozhim po polochkam [Let us shelf it]. *Knizhnaya industriya*. 4. pp. 13–15.
3. Vishnyakov, O. (2012) Znak kachestva i 30 “ugolkov Disney” [Quality Mark and 30 “Disney Corners”]. *Knizhnaya industriya*. 4. pp. 12–13.
4. Zimina, L. (2013) Kreativnoe redaktirovanie: k voprosu ob izdatel'skikh “tekhnologiyakh” ozaglavlivaniya knig [Creative Editing: On the Issue of Publishing “Technologies” of the Title of Books]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela*. 5. pp. 81–88.

УДК 028.1: 316.7

DOI: 10.17223/23062061/19/8

И.В. Лизунова

РЫНОК ЭЛЕКТРОННЫХ КНИГ В РОССИИ: СПЕЦИФИКА ПРОИЗВОДСТВА И ДИСТРИБУЦИИ

Аннотация. Рассматривается эволюция рынка электронных книг в России, определяется его инфраструктура. Дается краткая характеристика основных его сегментов. Анализируется современный этап развития электронного книгоиздания и цифровой дистрибуции книжным контентом. Выявляются проблемы, тенденции и перспективы развития российского электронного книжного рынка. Особый акцент делается на региональной специфике формирования электронного книжного рынка.

Ключевые слова: электронная книга, цифровой контент, электронный книжный рынок, электронное книгоиздание, цифровая дистрибуция.

Инфраструктура рынка электронных книг

Изменение социальных практик населения, связанное с развитием информационных технологий, повлекло за собой развитие электронной книги и электронного чтения. За быстро меняющимся образом жизни и новыми читательскими потребностями следовали и производители цифрового книжного контента. На рынок электронных книг пришли традиционные издательства, цифровые агрегаторы, мобильные операторы, предложив потребителю более функциональные форматы книг, появились новые каналы продвижения книжной продукции, расширилась аудитория читателей / пользователей цифрового контента.

На рубеже XX–XXI вв. возникла и продолжает складываться книжная цифровая индустрия. Как мощный сегмент единого все-российского книжного рынка, основным товаром которого является е-книга, формируется общероссийский электронный книжный рынок. Трансформируется и его инфраструктура: появляются новые производители электронных книг, расширяется дистрибуция цифрового контента, увеличивается спрос на электронную книжную продукцию.

На фоне продолжающегося спада (снижение тиражей, сокращение традиционной книжной розницы, падение интереса к чтению), в котором пребывает российская книжная индустрия, отечественный рынок е-книг находится в стадии активного роста. Динамическое поступательное движение демонстрируют все сегменты нарождающегося рынка, связанные с производством, распространением и потреблением цифрового книжного контента:

- электронное книгоиздание (издательства электронных книг, электронные издательства, сервисы по конвертации электронных книг, электронные самопубликации и т.п.);

- цифровая дистрибуция (B2C-сегмент: агрегаторы контента, магазины электронных книг, магазины издательств, книжные интернет-магазины, электронная подписка, социальные медиа, электронные библиотеки, публичные библиотеки, операторы связи; B2B сегмент доступа к цифровым объектам через электронно-библиотечные системы и др.);

- рынок аудиокниг;

- рынок устройств для чтения е-книг.

Спецификой российского рынка электронных книг является высокая интегрированность цифрового книгопроизводства с традиционной бумажной книгоиндустрией при одновременной независимости каналов распространения и продвижения цифрового контента. Исключительно электронным книгоизданием и цифровой дистрибуцией в России могут себе позволить заняться только крупнейшие издательства. Но даже они, осуществляя агрегацию, конвертацию и продвижение е-книги, не способны выйти на полный цикл производства, поскольку пока основную часть прибыли получают не от продажи электронных изданий, а от реализации традиционной книжной продукции.

Сохраняющийся моноцентризм отечественного книжного рынка влияет на формирование инфраструктуры производства и дистрибуции электронных книг. Цифровое книгоиздание и книгораспространение наряду с традиционным осуществляют и контролируют из центра крупнейшие издательские группы. По этой причине региональное электронное книгопроизводство либо не включено

в систему рыночных отношений, либо находится в зачаточном состоянии и требует серьезных инвестиций бизнеса в отрасль, существенных государственных преференций.

Электронное книгоиздание

Мировая тенденция развития книжного рынка свидетельствует, что электронное книгоиздание является инновационной отраслью книжной индустрии. И хотя в последние годы рост электронного книгоиздания в странах – лидерах цифрового книгопроизводства несколько замедлился, что связано, в первую очередь, с повышением цен на электронные книги, доля последних в мировом книгоиздании продолжает оставаться достаточно высокой. Российское электронное книгоиздание пока существенно отстает от лидеров западных стран: США, Франции, Великобритании, Германии. Оборот электронных книг в России не превышает 3% от объема рынка печатной книги (рис. 1)¹.

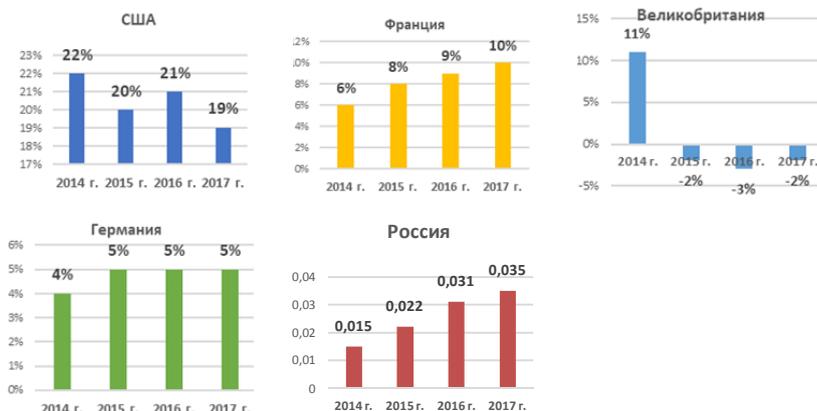

Рис. 1. Доля электронных книг в общем объеме книгопроизводства в США, Франции, Великобритании, Германии, России

¹ Составлено по данным доклада О. Новикова «Российский книжный рынок: найти свой путь к читателю» [1. С. 6] и отраслевого доклада Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям «Книжный рынок России». 2017 г. [2. С. 58].

Однако в отличие от других стран, в которых фиксируется снижение продаж и в целом отрицательная динамика рынка электронных книг, российский рынок е-книг демонстрирует самые высокие темпы роста. Прогнозируется, что в ближайшем будущем Россия войдет в пятерку лидеров электронного книгоиздания (рис. 2)¹.

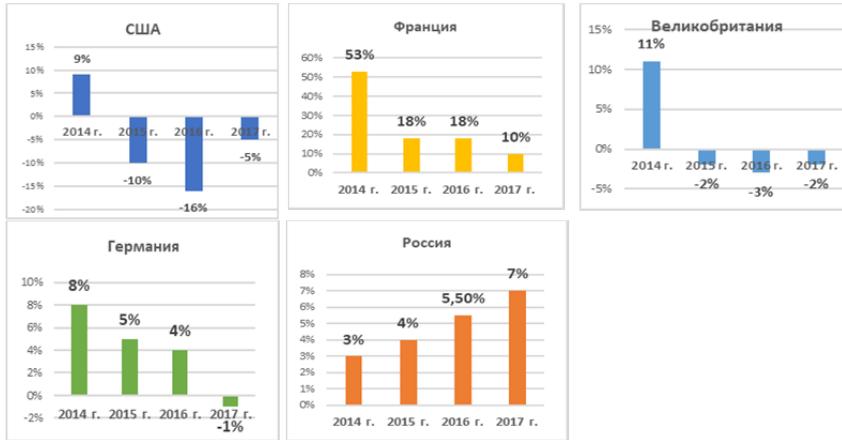

Рис. 2. Динамика рынка электронных книг в США, Франции, Великобритании, Германии, России

За 2015 г. зафиксирован прирост электронного сегмента в 79%, а в 2016 г. – в 67%, в то время как во всем мире рост не превышал цифры в 18% [3. С. 36]. В отличие от западного рынка электронные книги в России являются драйвером роста продаж. В сравнении с предыдущим годом в экземплярах они выросли на 18%, в деньгах – на 30% (рис. 3, 4)². По мнению генерального директора «ЭКМО-АСТ» О. Новикова, динамика роста книжных

¹ Составлено по данным доклада О. Новикова «Российский книжный рынок: найти свой путь к читателю» [1. С. 6] и отраслевого доклада Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям «Книжный рынок России». 2017 г. [2. С. 58].

² Составлено по данным доклада О. Новикова «Российский книжный рынок: найти свой путь к читателю» [1. С. 9].

цифровых продуктов продолжится и в дальнейшем, достигнув в 2019 г. продаж в 5,8 млрд руб. (рис. 5)¹.

Рис. 3. Драйверы роста в экземплярах, 2017 / 2018 гг.

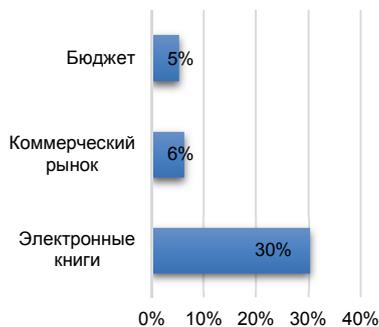

Рис. 4. Драйверы роста в деньгах, 2017 / 2018 гг.

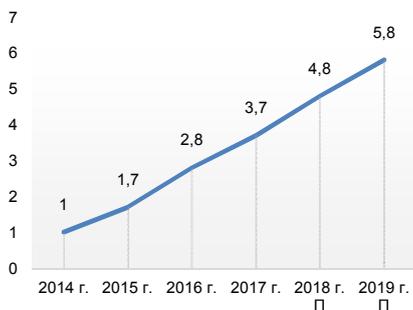

Рис. 5. Динамика продаж электронных книг, млрд руб.

Рис. 6. Прогноз роста розничного рынка электронных книг в России, млрд руб.

¹ Составлено по данным доклада О. Новикова «Российский книжный рынок: найти свой путь к читателю» [1. С. 9].

Ему вторит другой эксперт медиарынка, исполнительный директор Ассоциации интернет-издателей В. Харитонов, утверждая, что даже при самых пессимистичных прогнозах российский электронный книжный рынок до 2020 г. будет продолжать расти (см. рис. 6)¹.

Данный рост объясняется несколькими причинами. Во-первых, принятием поправок в законодательство РФ, развернувшейся вслед за этим борьбой с нелегальным книжным контентом, приносящей свои положительные результаты. Во-вторых, гибкой ценовой политикой, цены на электронные книги существенно ниже, чем на их печатные сородичи. В-третьих, повышением тиражности продаваемых электронных изданий; развитием самиздата; увеличением популярности аудиокниг; удобством сервисов цифровой дистрибуции книг, растущими возможностями быстрого и недорогого приобретения цифровых книг для чтения или прослушивания в приемлемом для них интерфейсе. Постоянное повышение числа интернет-пользователей, увеличение количества мобильных устройств с доступом в интернет, удешевление трафика, в том числе и мобильного, благоприятно сказывается на расширении электронного книжного пространства.

Становление электронного рынка в России пришлось на 1990-е гг., оно продолжается и сегодня. Датой основания электронной книжной отрасли, по всей видимости, можно считать 1994 г. – год создания Депозитария электронных изданий – структурного подразделения ФГУП НТЦ «Информрегистр», в обязанности которого вменялся учет производимых в стране электронных изданий на съемных носителях. Все это свидетельствует о том, что е-книги в стране уже производились, шел процесс формирования электронного сегмента книжной индустрии.

Официальные статистические данные «Информрегистра», в силу невыполнения многими издающими организациями ФЗ «Об обязательном экземпляре документов», не позволяют нам представить достоверную картину электронного книгопроизводства в России, вместе с тем, они дают возможность судить о темпе, тенденциях и

¹ Использованы данные доклада В. Харитонova на конференции «Книжный рынок России – 2017» [4. С. 25].

особенностях развития электронной книгоиндустрии. Так, по данным «Информрегистра», в 1994 г. лишь три организации предоставили информацию об изданных книгах на CD-дисках. В 2008 г. выпуском е-книг в России легально занимались уже 400 предприятий. Однако стабильными из них являлись лишь 48 (издательства, компьютерные фирмы, образовательные и научные учреждения, рекламные компании) издающих организаций. Среди последних, профессионально издавали е-книги 43% предприятий. В 2018 г. количество организаций, участвующих в производстве цифрового книжного контента, увеличилось до 1 420. Из года в год продолжает расти количество выпущенных ими е-книг (рис. 7, 8)¹.

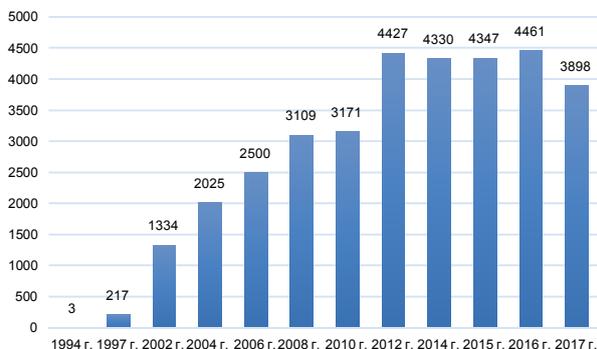

Рис. 7. Выпуск электронных изданий в России в 2002–2017 гг.

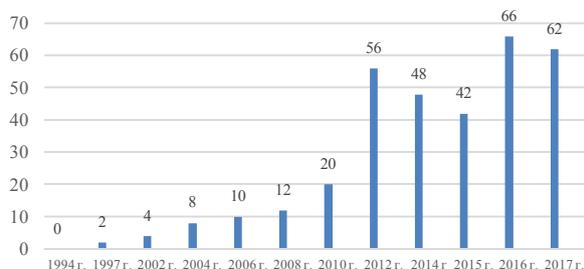

Рис. 8. Выпуск электронных изданий в Сибири и на Дальнем Востоке в 2004–2017 гг.

¹ Составлено по данным «Информрегистра» [6].

В общем объеме изданной электронной продукции подавляющая часть приходится на Москву и Санкт-Петербург, региональная остается минимальной – 1–10% [5]. Отсутствие достоверной статистики не позволяет назвать точные цифры рынка е-книг, изданных за Уралом. Данные по книгоизданию в Иркутской области, представленные в «Информрегистре», позволяют судить о наличии и темпах роста легального рынка издательской продукции в отдельно взятой области страны. Они же позволяют представить развитость отдельного локального рынка в едином цифровом книжном пространстве Сибирско-Дальневосточного региона, определить роль последнего в составе общероссийского электронного книжного рынка (рис. 9)¹.

Однако данные других источников, в частности региональных библиографических указателей, составленных на основе информации о местном обязательном экземпляре документов, поступившем в областные научные библиотеки, вступают в противоречие с данными «Информрегистра». Примером тому являются цифры (оказавшиеся более высокими в сравнении с общим количеством е-книг в целом в Сибири и на Дальнем Востоке), по всей видимости более реальные, электронных книг, изданных в Новосибирской области (рис. 10)².

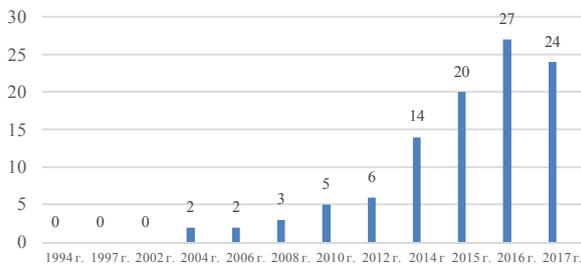

Рис. 9. Выпуск электронных изданий в Иркутской области в 2004–2017 гг.

¹ Составлено по данным «Информрегистра» [6].

² Подсчитано по данным библиографических указателей «Издано в Новосибирской области». 1991–2017 гг. [7].

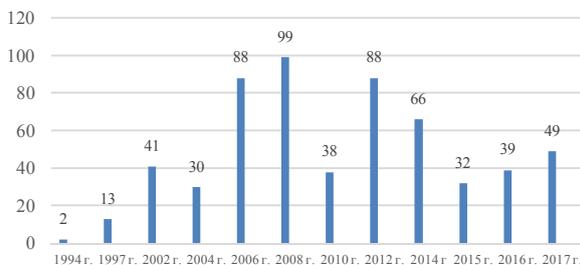

Рис. 10. Выпуск электронных изданий в Новосибирской области в 2001–2017 гг.

Пионерами электронного книжного рынка страны стали лидеры отечественного книгоиздания – «Эксмо» и «АСТ», создав специальные отделы по выпуску и распространению электронных изданий. Вслед за ними к процессу подключились столичные издательства и, с запозданием на несколько лет, региональные, в большинстве своем издающие организации (вузы, образовательные, культурные учреждения, научно-просветительские организации). Первоначально производство е-книг находилось в зачаточном состоянии, издательства не принимали участия в дистрибуции собственного цифрового контента. Впоследствии, вслед за техническим прогрессом изменилось и отношение к е-книгам у многих издательств. На рынок вышли «электронные издательства» – предприятия, издающие наряду с электронной также и традиционную книжную продукцию (фирма «1С» с 1991 г., издательство «Новый диск» с 1991 г., издательство «Кордис@Медиа» с 1995 г., издательство «Ардис», издательство компьютерных игр «Бука» с 1993 г., детское издательство «Два жирафа», издательство «Просвещение Медиа», издательство аудиокниг «Вира-М» с 2001 г., издательский дом «Равновесие» с 2004 г. и др.). Появились первые «издательства электронных книг», позиционирующие себя исключительно предприятиями электронных книжных услуг: вычитки, редактуры, издания, тестирования на электронных читалках, рекламирования и размещения на интернет-платформах агрегаторов, дистрибуторов (Animedia Company, «Литературный совет»,

«Эдвенчер Пресс», мультимедийное издательство Strelbooks и др.). В последнее время на российский рынок вышли специальные сервисы, предоставляющие профессиональную помощь издателям в конвертации электронных книг (Webkniga, «IQ Издательские решения» и др.).

Появление подобных издательств и сервисов, уровень проникновения и доступности интернета в регионах России возродили к жизни в электронном формате существовавшее прежде специфическое российское книжно-культурное явление самиздата. Применительно к электронному книгопроизводству, по нашему мнению, правильнее называть данную авторскую деятельность самопубликациями. Ибо в основе самиздата в России всегда лежали некие протестные настроения. Электронные самопубликации стали явлением совсем иной природы, порожденным, с одной стороны, стремлением авторского самовыражения, литературного поиска и творчества, а с другой, практически безграничными коммуникационными возможностями цифровой среды.

Рынок самопубликаций стремительно растет во всем мире. Причем на фоне стабилизации и некоторого отката других сегментов мирового электронного книжного рынка сегмент Self-Publishing продолжает наращивать обороты. Объемы мирового рынка самиздата множатся, за 2013–2017 гг. они увеличились в пять раз [8]. Мировые сервисы самиздата в скором времени могут составить серьезную конкуренцию традиционным издательствам.

В России сервисы самопубликаций еще не столь сильны, как на западе, но их доходы постоянно усиливаются. Началом эры электронного самиздата в России эксперты считают 2011 г., на который пришлась взрывообразная экспансия самопубликаций в интернете [9. С. 88]. Сказалась возросшая популярность социальных сетей, книжных сообществ, а также сайтов, на которых люди общаются, делятся произведениями, читают и обсуждают их. Возникшие одними из первых, сетевые литературотворческие издания «Стихи.ру», «Проза.ру» в настоящее время объединяют примерно 1 млн авторов, написавших уже более 40 млн произведений [10]. Объемы продаж рынка самопубликаций в России никем не учиты-

ваются и по самым приблизительным подсчетам могут составлять от 10 до 100 млн руб. в год [11]. Крупнейшей площадкой для самопубликаций в России в 2013 г. стал российский стартап «Ridero», интернет-сервис по созданию и распространению книг. По мнению его основателя А. Касьяненко, с использованием интернет-маркетинга самопубликации становятся выгодным делом, в 2017 г. отдельные независимые авторы с его помощью заработали 700 тыс. руб. [12].

В отличие от центральных региональные издательства не торопятся переходить на цифровое книгоиздание ни самостоятельно, ни с помощью сервисов конвертации книг. Небольшие издательские портфели не интересны книготорговым сетям и цифровым агрегаторам книги. В Сибири и на Дальнем Востоке пока не возникло сколько-нибудь весомых издателей и дистрибуторов цифрового контента. Поэтому и региональная доля электронных книг в ассортименте и в рублевых продажах российских издательств по-прежнему не превышает 1% (рис. 11, 12)¹.

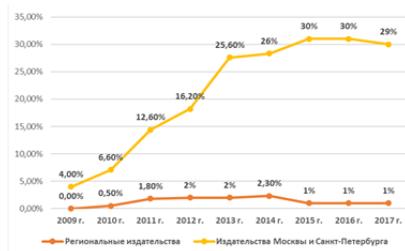

Рис. 11. Доля е-книг в ассортименте российских издательств, %

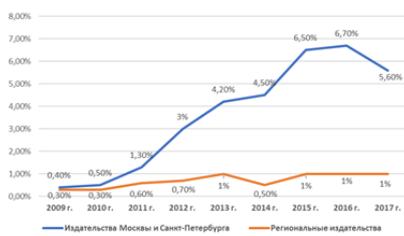

Рис. 12. Доля е-книг в рублевых продажах российских издательств, %

Цифровая дистрибуция, B2B и B2C сегменты рынка

Рост электронного книгоиздания напрямую зависит от успешности распространения электронного книжного контента, доведе-

¹ Составлено по данным отраслевого доклада Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям «Книжный рынок России». 2017 г. [2. С. 58].

ния каждой конкретной книги до читателя. Возникшая на рубеже веков в России инфраструктура производства и распространения электронных книг включает в себя различные каналы и бизнес-модели распространения. Предприятия, издающие е-книги, отдают предпочтение отечественным дистрибуторам электронного книжного контента, рассчитывают на собственные интернет-платформы (76%) [8. С. 73]. По данным соцопросов, проведенных в 2013–2017 гг., за эти годы у издательств сформировались приоритеты в способах распространения контента: отечественные агрегаторы контента («ЛитРес», «Некс Медиа», «Пресса.ру», «Деловая пресса», «Прямая линия сервис», «Интерфакс») предпочитают использовать 29% респондентов, собственный интернет-магазин, сайт издательства – 21%, отечественные интернет-магазины («Озон.ру», «АйМобилко», Wexler) – 17%, отечественные агрегаторы контента в составе коллекций, электронные библиотеки, электронно-библиотечные системы («КнигаФонд», Book.ru, «Лань», «Инфра-М», «Университетская библиотека онлайн», iBooks, «Гэотар», «Контекстум», IPRBooks, «БиблиоТех», база периодики East Veiv) – 9%, магазин приложений, игр, книг, музыки и фильмов, компания Google Play – 9%, магазин приложений AppStore – 7%, зарубежные агрегаторы контента (Loudbook, SmashWords, Lulu) – 5%, зарубежные интернет-магазины (Amazon, Kobo, Amabook, iBookstore, Gardners, Numilog, CS) – 2% и зарубежные агрегаторы контента – 1% (рис. 13)¹.

B2B сегмент российского рынка электронных книг формируют крупные продавцы цифрового контента, конкуренция между участниками не слишком высока. Лидерами книготорговых площадок являются: агрегатор, дистрибутор электронных книг в России и странах СНГ «ЛитРес» (с 2006 г.) (совместно с библиотекой MyBook, основанной в 2012 г.) – 56% от общего объема книг, магазин приложений, игр, книг, музыки и фильмов «GooglePlayКниги» (доступен в России с декабря 2012 г.) – 15–17%, сервис «Бук-

¹ Составлено по данным доклада О. Новикова «Российский книжный рынок: найти свой путь к читателю» [1. С. 3] и данным соцопроса [13].

мейт» (основан в 2020 г.) – 7–8% [11] и 4% приходится на других ведущих ритейлеров электронных книг «Аймобилко» (2008–2016 гг.), Ozon.ru, Obreey Store, Bookmate, а также дистрибуторов, работающих по партнерской программе с «ЛитРес» («Связной», ТДК «Москва», «Ростелеком» и пр.) [14. С. 62].

Рис. 13. Каналы цифровой дистрибуции, используемые издательствами в 2017 г.

Появление новых электронных устройств для чтения с выходом в интернет, увеличение количества электронных библиотек со свободным доступом, запуск специализированных мобильных приложений со встроенной библиотекой («мобильные библиотеки») способствуют росту объемов книжного трафика операторов мобильной связи. Реалиями дня становятся покупка / чтение книг, скачанных с «мобильных» библиотек, доступных как в бесплатном формате, так и за умеренную плату через различные цифровые гаджеты. Самыми популярными у пользователей в 2017 г. стали мобильные приложения со встроенной библиотекой MyBook, Bookmate, Wattpad, Ereader Prestigio, Moon+Reader, «Домашняя библиотека», «PlayКниги», «Кучакниг.ру», «ЛитРес», «МТС Книги», «Патефон» и др. (рис. 14). По данным экспертов, за год объем книжного трафика вырос в 4 раза и пришелся на «мобильные библиотеки» [2. С. 55].

Рис. 14. Мобильные библиотеки, доступные для скачивания с сайта, с виртуальных книжных стэндов в метро. Рейтинг мобильных приложений с количеством зарегистрированных пользователей

В результате приказа Минобрнауки России от 05.09.2011 № 1953, в котором оговаривались обязательные для вузов к исполнению количественные характеристики электронно-библиотечных систем (ЭБС), за пять лет в стране сложился рынок электронных библиотек научно-образовательного контента, обладающего плотной структурой и показателями дальнейшего роста. В 2012 г. общий объем продаж ЭБС оценивался экспертами в 310 млн руб., в 2013 г. – в 600 млн руб. [15. С. 78]. Именно российские вузы, подталкиваемые жесткими условиями аккредитации, стали основными драйверами роста B2C сегмента электронного книжного рынка – рынка ЭБС. Благодаря их участию стали развиваться новые электронные сервисы и появились новые владельцы цифрового контента, желающие заработать на рынке научно-образовательных электронных услуг. Причем основную часть доходов этого бизнеса формировало региональное высшее образование, на долю которого приходилось 50–85% объема продаж агрегатора электронных коллекций, в то время как на вузы Москвы и Санкт-Петербурга – по 10–40 и по 5–10% соответственно [16. С. 63].

К 2017 г. сложилась плотная инфраструктура, обслуживающая ЭБС вузов: «Университетская библиотека онлайн» («Директ Медиа»), Znanium.com (ИНФРА-М), IPRbooks (ООО «Ай Пи Эр Медиа»), ЭБС «Консультант студента» компании «Гэотар Медиа»,

eLibrary, Электронная библиотека «Лань», Национальный цифровой ресурс «Руконт», Ibooks, «КнигаФонд», Polpred.com, Справочники, IQlib, VOOK.ru, Библиотех, онлайн-библиотека деловой литературы «Альпина Паблишер» и др.

Отмена приказа Министерства образования в ноябре 2014 г. привела к застою рынка ЭБС научно-образовательного контента. Ранее созданный упорядоченный сегмент ЭБС стал превращаться в рынок со свободной конкуренцией. Теперь вузы могли не гнаться за количественными показателями, а скрупулезно выбирать литературу, необходимую для образовательного процесса. Это приостановило количественный рост, переведя его в плоскость развития качественных услуг.

За прошедшие 15 лет, с момента, когда в России в 2002 г. аудиокнигой занялись предприятия музыкального и мультимедийного профиля, рынок аудиокниг сформировался, пройдя через этапы дисковой дистрибуции со своими каналами продаж, логистикой, книжного трафика через мобильные приложения встроенных библиотек, и демонстрирует серьезный рост [17]. С учетом появления новых форматов и интернет-платформ звуковой книжный рынок в перспективе может стать лидирующим сегментом электронного книжного рынка.

Заключение. Проблемы и перспективы развития рынка е-книг

Таким образом, устойчивое повышение объема продаж электронных книг как в ассортиментном, так и в рублевом предложении (см. рис. 12, 13), становление развитой инфраструктуры электронного книгоиздания, цифровой дистрибуции, многообразии используемых форматов и устройств для чтения е-книг подтверждают сформированность базовых основ электронной книжной индустрии в России. Ежегодно увеличивающееся количество покупателей е-книг (в 2017 г., например, рост покупателей составил 30%) [2. С. 62] говорит о расширении целевой аудитории, читающей электронные книги. Все это свидетельствует в пользу «оптимистического» сценария развития электронного книжного рынка.

К специфике рынка электронных книг следует отнести и нерешенные проблемы: существование пиратских изданий; пассивность многих издателей, не торопящихся внедрять бизнес-модели, связанные с выпуском и распространением е-книг; несоблюдение издателями стандартов, требований в оформлении е-книг; отсутствие государственных преференций для книжной отрасли, в частности снижение налоговой нагрузки на отрасль, отсутствие сводной информации об издаваемой цифровой продукции; необходимость поддержки регионального электронного книгопроизводства, полного государственного учета электронных публикаций, информационного обеспечения и доступности ассортимента выпускаемых книг.

Особенностями российского цифрового книжного рынка являются сохраняющийся моноцентризм, сосредоточенность подавляющего большинства предприятий, производящих е-книгу, в центре страны. Становление регионального рынка е-книг идет за счет уплотнения конкурентной структуры электронно-библиотечных систем научного и образовательного контента (вузов, библиотек). Росту B2C сегмента дистрибуции способствуют дальнейшая компьютеризация и интернетизация отдаленных краев и областей, удешевление интернет- и мобильного трафика. Сценарий развития рынка электронных книг за Уралом зависит от многих факторов: решения макроэкономических проблем, повышения покупательной способности населения, перехода на цифровые технологии и др. Учитывая территориальные масштабы России, можно с уверенностью утверждать, что только динамичное развитие всех сегментов электронного книжного рынка, книгоиздания, дистрибуции, сбалансированная система ценообразования позволят пользователю / покупателю получить доступ к книге из любой точки страны, приобщить провинциального читателя к мировому книжному богатству, невзирая на границы и расстояния. С удешевлением технологии изготовления мультимедийных е-книг рынок ждет новый этап в развитии, а отечественный книжный рынок – дальнейшая эволюция.

Литература

1. Новиков О. Российский книжный рынок: найти свой путь к читателю. URL: <https://bookunion.ru/upload/iblock/77a/77abb3d5b345d3b2d410fff142011454.pdf> (дата обращения: 20.07.2018).
2. Книжный рынок в 2017 году: проблемы, тенденции развития: отраслевой доклад. М., 2018. 84 с.
3. Цифровое книгоиздание в Германии и России // Книжная индустрия. 2013. № 1. С. 35–37.
4. Книжный рынок – 2017: новые горизонты // Университетская книга. 2017. № 8. С. 21–25.
5. Харитонов В. Смерть электронной книги? Электронное книгоиздание и книжный рынок. Итоги 2016 г. URL: <http://gorky.media/context/smert-elektronnoj-knigi/> (дата обращения: 27.12.2016).
6. Итоги регистрации 2008 г. // Федеральное государственное унитарное предприятие Научно-технический центр «Информрегистр». URL: <http://inforeg.ru/new/news/15-itogi-registratsii-2008> (дата обращения: 10.10.2015).
7. Издано в Новосибирске. 2010–2017 год. Новосибирск, 2011–2018.
8. Метельков А.С. Традиционные и электронные литературно-художественные журналы России: проблемы эволюции и взаимодействия // Библиография. 2017. № 6 (413). С. 63–75.
9. Савенко Е.Н. Электронный самиздат – новое явление онлайн-эпохи // Библиосфера. 2011. № 3. С. 88–89.
10. Проза.ру. URL: <https://www.proza.ru> (дата обращения: 10.10.2015).
11. Харитонов В. Электронное книгоиздание в России (2016). Итоги пятилетки. URL: <https://www.digital-books.ru/archives/4251> (дата обращения: 30.11.2016).
12. Александр Касьяненко, основатель Ridero о том, как появление технологии селф-пубблишинга изменило за три года книжную индустрию в России и чем Ridero может быть полезен молодым авторам. URL: <http://lit-ra.info/intervyu/aleksandr-kasyanenko-osnovatel-ridero-o-tom-kak-poyavlenie-tekhnologii-self-publishinga-izmenilo-za/> (дата обращения: 20.07.2018).
13. Каплин П. Электронное книгоиздание: практические аспекты. URL: <http://www.unikniga.ru/bookrinok/knigniy-rinok/1714-elektronnoe-knigoizdanie-prakticheskie-aspekty.html> (дата обращения: 20.07.2018).
14. Хлопунова О.В., Будников А.Д. Рынок электронных книг России: современное состояние, проблемы и перспективы развития // Вопросы экономики и управления. 2017. № 1 (8). С. 60–63.
15. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М., 2014. 92 с.
16. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М., 2016. 96 с.
17. Баль В.Ю. «Звучащие» книги в современной издательской практике // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 17. С. 91–101.

The Market of Electronic Books in Russia: The Specifics of Production and Distribution

Text. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 19, pp. 106–125

DOI: 10.17223/23062061/19/8

Irina V. Lizunova, State Public Scientific-Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: 2004liv@ngs.ru

Keywords: e-book, digital content, e-book market, e-book publishing, digital distribution.

Over the past two decades of the 21st century, the Russian e-book market demonstrates growth trends. In comparison with the world leaders of book publishing, it occupies a small niche in the total volume of published books. Nevertheless, it is one of the most dynamic in the world. At this rate of growth, in the near future, it may enter the top five countries publishing digital book content. This development was the result of a more active entry of publishers into a new market and its successful development; anti-piracy legislation, partially protecting legal publishing and distribution structures, further internetization of the country; relatively affordable prices for electronic book products, etc. Over the past decade, the foundations of the Russian market of electronic books have been formed: electronic book publishing, digital distribution, the market of electronic library systems, the market of devices for reading e-books, the market of audio books, etc. The specifics of the Russian e-book market is the extremely low regional component of e-book production, the high integration of digital book publishing with the traditional paper book industry, and, simultaneously, the independence of distribution channels and promotion of digital content. In addition to large traditional publishers, e-book publishers, special services for converting e-books, electronic self-publications have become engaged in the production of book digital content. Enterprises which publish e-books give preference to the domestic distributor of e-book content, counting on their own websites, online stores, local aggregators of content, electronic library systems, use of foreign Internet platforms. The B2B segment of the Russian market of e-books is monopolized, it is formed by large sellers of digital content, the market of mobile applications with built-in libraries (“mobile libraries”) continues to develop. Early in the second decade of the 21st century, the B2C market segment was formed represented by electronic library systems of scientific and educational content. The steady increase in sales of e-books, both in assortment and in ruble offer, the formation of a developed infrastructure of e-book publishing, digital distribution, variety of the used formats and devices for reading e-books confirm the formation of the basic foundations of the e-book market in Russia. The further scenario of the e-book market development in the country depends on many factors: the solution of macroeconomic problems, the fight against illegal content, increasing the purchasing power of the population, etc. Given the territorial scale of Russia, it can confidently be said that only developed digital book technologies can solve the problems of monocentrism, technologi-

cal backwardness of the regions and bring the book closer to any reader, no matter where in the country he or she is.

References

1. Novikov, O. (n.d.) *Rossiyskiy knizhnyy rynek: nayti svoj put' k chitatelyu* [Russian book market: Finding the way to the reader]. [Online] Available from: <https://bookunion.ru/upload/iblock/77a/77abb3d5b345d3b2d410ff142011454.pdf>. (Accessed: 20th July 2018).
2. Federal Agency for Press and Mass Communications. (2018) *Knizhnyy rynek v 2017 godu: problemy, tendentsii razvitiya: otraslevoy doklad* [Book market in 2017: problems, development trends: industry report]. Moscow: [s.n.].
3. Strin, R. & Kuznetsov, B. (2013) Tsifrovoe knigoizdanie v Germanii i Rossii [Digital book publishing in Germany and Russia]. *Knizhnaya industriya*. 1. pp. 35–37.
4. *Universitetskaya kniga*. (2017) Knizhnyy rynek – 2017: novye gorizonty [Book Market - 2017: New Horizons]. 8. pp. 21–25.
5. Kharitonov, V. (2016) *Smert' elektronnoy knigi? Elektronnoe knigoizdanie i knizhnyy rynek. Itogi 2016 g.* [Death of the e-book? Electronic book publishing and book market. Results of 2016]. [Online] Available from: <http://gorky.media/context/smert-elektronnoj-knigi/>. (Accessed: 27th December 2016).
6. Informregistr. (n.d.) *Itogi registratsii 2008 g.* [Results of registration in 2008]. [Online] Available from: <http://inforeg.ru/new/news/15-itogi-registratsii-2008>. (Accessed: 10th October 2015).
7. Anon. (2011–2018) *Izdano v Novosibirske. 2010–2017 god* [Published in Novosibirsk. 2010–2017]. Novosibirsk: [s.n.].
8. Metelkov, A.S. (2017) Traditsionnye i elektronnye literaturno-khudozhestvennyye zhurnaly Rossii: problemy evolyutsii i vzaimodeystviya [Traditional and electronic literary and art magazines in Russia: problems of evolution and interaction]. *Bibliografiya – Bibliography*. 6(413). pp. 63–75.
9. Savenko, E.N. (2011) Elektronnyy samizdat – novoe yavlenie onlaynovoy epokhi [Electronic samizdat – a new phenomenon of the online era]. *Bibliosfera – Bibliosphere*. 3. pp. 88–89.
10. *Proza.ru*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.proza.ru>. (Accessed. 10th October 2015).
11. Kharitonov, V. (n.d.) *Elektronnoe knigoizdanie v Rossii (2016). Itogi pyatiletki* [Electronic Publishing in Russia (2016). The results of the five-year plan]. [Online] Available from: <https://www.digital-books.ru/archives/4251>. (Accessed: 30th November 2016).
12. Kasyanenko, A. (2017) *Aleksandr Kas'yanenko, osnovatel' Ridero o tom, kak povaylenie tekhnologii self-pabliushinga izmenilo za tri goda knizhnyuyu industriyu v Rossii i chem Ridero mozhet byt' polezen molodym avtoram* [Alexander Kasyanenko, founder of Ridero, on how the emergence of self-publishing technology changed the book industry in Russia in three years and how Ridero can be useful for young authors]. [Online] Available from: <http://lit-ra.info/intervyu/aleksandr-kasyanenko-osnovatel->

ridero-o-tom-kak-poyavlenie-tehnologii-self-pablisinga-izmenilo-za-/. (Accessed: 20th July 2018).

13. Kaplin, R. (n.d.) *Elektronnoe knigoizdanie: prakticheskie aspekty* [Electronic publishing: practical aspects]. [Online] Available from: <http://www.unikniga.ru/bookrinok/knigniy-rinok/1714-elektronnoe-knigoizdanie-prakticheskie-aspekty.html>. (Accessed: 20th July 2018).

14. Khlopunova, O.V. & Budnikov, A.D. (2017) Rynok elektronnykh knig Rossii: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya [The electronic book market in Russia: current state, problems and development prospects]. *Voprosy ekonomiki i upravleniya*. 1(8). pp. 60–63.

15. Federal Agency for Press and Mass Communications. (2014) *Knizhnyy rynek Rossii. Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya. Otrasleyoy doklad* [Russian book market. Status, trends and development prospects]. Moscow: [n.d.].

16. Federal Agency for Press and Mass Communications. (2016) *Knizhnyy rynek Rossii. Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya. Otrasleyoy doklad* [Russian book market. Status, trends and development prospects]. Moscow: [s.n.].

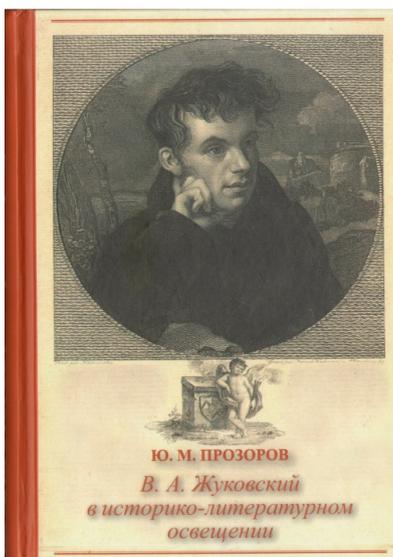
17. Bal, V.Yu. (2018) Sound books in the modern publishing industry. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 17. pp. 91–101. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/17/7

УДК 82.02

DOI: 10.17223/23062061/19/9

М.И. Щербакова

**«ОТКРОВЕНЬЯ, БЛАГОТВОРНЫЕ СЕРДЦАМ...»
О КНИГЕ ЮРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ПРОЗОРОВА
«В.А. ЖУКОВСКИЙ В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ
ОСВЕЩЕНИИ. ЭСТЕТИКА. ПОЭТИКА. ТРАДИЦИИ».
СПБ.: ПОЛИГРАФ, 2017. 406 с.**

Аннотация. Книга выдающегося петербургского литературоведа Ю.М. Прозорова о поэтическом и критическом наследии В.А. Жуковского рассматривается как теоретически значимое исследование, в котором заложен глубокий научный потенциал, прослежены исторические судьбы традиций русской литературы, в творчестве не только его младших современников, но и поэтов второй половины XIX в., а также художников XX в. Автор намечены новые пути осмысления ключевых для поэтического мышления Жуковского категорий «меланхолия» и «ужасное».

Ключевые слова: В.А. Жуковский, Ю.М. Прозоров, русская литература, Н.А. Некрасов, Б.К. Зайцев, традиции, эстетика, поэтика.

18 октября 2018 г. в Санкт-Петербурге ушел из жизни Юрий Михайлович Прозоров, выдающийся литературовед, обладавший тонким чувством прекрасного, глубокий исследователь творчества В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова. Ушел на 68-м году жизни... не дописав, не додумав, не завершив многое, что могло бы составить золотой фонд современной филологии;

ушел ровно за месяц до назначенного дня защиты докторской диссертации.

Последняя книга Ю.М. Прозорова «В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции» ясно свидетельствует не только о высоком уровне предпринятого исследования, но и о громадном научном потенциале, открывающем абсолютно новые перспективы.

Комплексный подход к изучению творческого наследия Жуковского, избранный Ю.М. Прозоровым, на новом этапе развития филологической науки представляется актуальным. Автором справедливо подчеркнуто самое прямое и непосредственное отношение, которое имел Жуковский к видоизменениям, происходившим в русской словесности под влиянием европейской литературы XVIII–XIX вв. Этот тезис подкреплён в монографии примерами преобразований средств поэтической выразительности, а также новым пониманием роли и функций художественного перевода. «Жуковский имел к этому видоизменению самое прямое и непосредственное отношение» [1. С. 11].

Широта охвата материала сочетается в монографии с углубленным его изучением, с учетом и тщательным анализом прежде не введенных в оборот материалов и документов, которые существенно корректируют бытовавшие до сих пор представления об особенностях и эволюции творческого таланта Жуковского.

Теоретическая значимость книги Ю.М. Прозорова характеризуется целостной авторской концепцией об известном противоречии, когда наследие писателя-классика и сам литературный феномен Жуковского, занимающие выдающееся место в первом ряду истории отечественной словесности, оказываются недостаточно изученными. Творческий путь поэта и переводчика рассмотрен Ю.М. Прозоровым как исток развившейся в отечественной литературе эстетики, «в основе которой лежит стремление привести в действие сверхрациональный потенциал слова» [Там же. С. 22]. Монография «В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции» содержит новые научные результаты и оригинальные положения, свидетельствующие о несо-

мом вкладе Ю.М. Прозорова в науку. Концептуальная новизна книги – итог многолетних трудов автора на ниве филологической науки; их результаты всегда оставались востребованными, принесли Ю.М. Прозорову заслуженный авторитет в академическом сообществе и существенно продвинули исследование русской литературы XIX в. как уникального явления мировой культуры.

В книге главенствуют три объекта изучения творческого наследия Жуковского: эстетика, поэтика, традиции (что подчеркнуто в самом названии), и доминирует пристальное внимание к категориям поэтического мышления художника. Масштабность предпринятого анализа позволила Ю.М. Прозорову гармонично и убедительно решить вопрос о развитии традиций Жуковского не только его младшими современниками, но и поэтами второй половины XIX в., а также художниками XX в.

Структура монографии определена ее целями, задачами и материалом, соответствует внутренней логике научного анализа. Объем книги позволил автору выстроить монолитный, логически оправданный текст, вобравший в себя множество вопросов самого разного свойства, уровня и масштаба. Корпус издания, состоящий из Введения, пяти глав и Заключения, дополнен Приложением («Из рукописного наследия В.А. Жуковского. Переводы фрагментов Священного Писания»), заслуживающим особую высокую оценку. Именной указатель насчитывает более 400 имен, основная часть которых принадлежит поэтам, писателям, литераторам.

Во Введении, небольшом по объему и лапидарном, лаконично и ясно очерчена степень научной разработанности проблемы, определены объект и предмет исследования, убедительно продемонстрирована прямая взаимосвязь комплексного характера методологии исследования (сочетание принципов биографики с историко-литературным, сравнительно-типологическим и собственно структурным анализом текстов Жуковского) с его теоретико-концептуальной базой.

Вводный раздел монографии содержит краткий, но при этом весьма емкий обзор авторитетных мнений (А.Н. Веселовский, Г.А. Гуковский, М.М. Бахтин, В.Н. Топоров и др.) о романтической

природе творчества Жуковского и его связи с сентиментализмом. «Это направление художественного развития, – подчеркивает Ю.М. Прозоров, – изменив картину мира и человека в искусстве XVIII в., действительно стало пролагать такие творческие пути, идя по которым, художник с неизбежностью оказывался “в преддверии романтизма”» [1. С. 14]. И еще: «Жуковский был наделен особой чуткостью к литературным явлениям такого рода, зародившимся еще задолго до романтизма, но постепенно обнаружившим свой романтический потенциал, свой скрытый до поры романтический вектор» [Там же]. Для последующих глав монографии этот тезис стал ключевым и подкреплен многими примерами. Добавим, что особая чуткость Жуковского, о которой идет речь, проявилась также и в способности поэта предвидеть будущие пути развития отечественной литературы. Это блестяще показано на примере анализа творчества Н.А. Некрасова и Б.К. Зайцева.

Проблемно-композиционное содержание исследования Ю.М. Прозорова выросло из представления о Жуковском как о «поэте романтической перспективы» [1. С. 17]. «Эволюционные пути, по которым проходил в своем творчестве Жуковский, – формулирует автор концептуально важную позицию, – порой более намечали романтическое направление в литературе, чем осуществляли его, или лишь заканчивались в границах этого направления, беря начало в культурных мирах, нередко от романтизма весьма отдаленных» [Там же].

Несомненна заслуга ученого в создании объективно-целостной картины разнообразных в методологическом отношении историко-литературных подходов к изучению наследия Жуковского на протяжении XIX, XX и XXI вв. На этом фоне вполне конкретно и ясно очерчены Ю.М. Прозоровым собственные исследовательские цели и задачи: «...воссоздать на основе прижизненных журнальных публикаций, дневников, эпистолярного наследия Жуковского, архивных источников и опубликованных материалов его библиотеки эстетический кругозор поэта, историю и эволюцию его литературно-критического творчества; проследить динамику эстетических воззрений Жуковского и его литературной позиции, начиная от новаторских исканий 1800–1810 гг. и заканчивая консерватизмом

1840-х гг.; показать внутреннее единство различных этапов развития литературного и эстетического мышления поэта; исследовать исторические истоки и сложившиеся в творчестве Жуковского формы *меланхолии* как ключевой категории его поэтического мышления в лирических жанрах; изучить поэтическую топику и психологическое содержание *меланхолии* в произведениях Жуковского; рассмотреть “меланхолические” темы поэзии Жуковского как начальный фазис психологизма русской литературы XIX в.; поставить вопрос об “ужасном” как новой категории поэтического мышления Жуковского, рождающейся в контексте его балладного творчества, и в связи со становлением поэтики русского романтизма; изучить поэтические модификации “ужасного” в произведениях Жуковского и их своеобразии; проанализировать трагическое в “сладостной” форме как выражение поэтической индивидуальности Жуковского; рассмотреть влияние “ужасного” как характерной особенности творчества Жуковского на литературу русского романтизма и, в частности, на романтическую повесть; поставить вопрос о развитии традиций Жуковского в поэзии второй половины XIX в.; рассмотреть воздействие Жуковского на поэзию Н.А. Некрасова в разные периоды творческой биографии последнего; проанализировать закономерности отрицания и утверждения традиций Жуковского в поэзии Некрасова; выявить мотивы творческих интересов Б.К. Зайцева к биографии и поэзии Жуковского; показать творческое родство Жуковского и Зайцева в исканиях сверхлогических значений слова» [2. С. 7–8].

Динамика исследовательской мысли прослеживается от главы к главе:

I – «Критико-эстетические воззрения В.А. Жуковского: источники, содержание, эволюция».

II – «Категории поэтического мышления В.А. Жуковского. Меланхолия».

III – «Категории поэтического мышления В.А. Жуковского. “Ужасное”».

IV – «Исторические судьбы традиций В.А. Жуковского в русской литературе. В.А. Жуковский и Н.А. Некрасов».

V – «Исторические судьбы традиций В.А. Жуковского в русской литературе. В.А. Жуковский и биографические повествования о русских писателях в творчестве Б.К. Зайцева».

Редакторский глаз может «зацепиться» за нарочитые повторы в названиях глав. Однако если не столь прямолинейно смотреть на такой авторский прием, поймем конструктивность решения подчеркнуть парность второй / третьей и четвертой / пятой глав. Как категории поэтического мышления Жуковского не исчерпываются *меланхолией* и *ужасным*, так и исторические судьбы традиций поэта в русской литературе не ограничиваются творчеством Некрасова и Зайцева. Этот «открытый финал» исследования особенно ясно делает акцент на практической значимости теоретических обобщений и результатов, представленных в книге.

Широкий диапазон источников исследования и литературы вопроса характеризуется масштабом многолетнего труда и глубиной проникновения в суть предмета. Как следствие обширной эрудиции, Ю.М. Прозорова отличает внимание и серьезное погружение в материал, тщательное изучение достижений предшественников (например, проблематика стихосложения [1. С. 260–265]). На этом авторитетном и прочном фундаменте возводится все «здание» монографии. И всякий раз авторские оговорки о кажущейся парадоксальности выводов, венчающих мозаику историко-литературных фактов, оказываются лишь данью научному этикету, поскольку уже задолго до них читатель сам убеждается в правоте предлагаемого взгляда. Доказательность выводов Ю.М. Прозорова обеспечивается тем частым ситом, сквозь которое пропущены все факты, – известные и малоизвестные, – а также утвердившиеся в науке выводы предшественников, нередко высокоавторитетных.

Взгляд на творчество Жуковского как на «обладающее богатейшим генетическим наследством» определил два ракурса, повлиявших на структуру исследования Ю.М. Прозорова: в первых трех главах монографии наследие поэта рассмотрено в эпоху, «когда оно обнаруживает свои первоначала и первопричины», четвертая и пятая главы посвящены периодам, «когда оно само становится “опричиняющим фактором” для позднейшей русской литературы» [Там же. С. 22].

Глубокая филологическая культура Ю.М. Прозорова лежит в основе тонкого анализа элегии «Сельское кладбище», ознаменовавшего «начало большой литературной биографии Жуковского и под определенным углом зрения исходный рубеж русской классической поэзии» [1. С. 4]. Исходя из того что русская литература неизбежно должна была пережить «стадию относительной буквальности в усвоении и отражении мирового опыта» [1. С. 25], исследователь справедливо приходит к выводу о том, что «лишь однажды был в русской литературе исторический момент, когда перевод значил больше, чем оригинальное творчество, когда в переводе могло выразиться все своеобразие творческих путей поэта и его национальной культуры, когда с деятельностью переводчика едва ли не отождествилась всякая художественная деятельность» [Там же]. Заслугу Жуковского Ю.М. Прозоров видит в решении задач становления новой русской литературы и образованности.

Из тонкого наблюдения, сделанного уже в первой главе монографии, касательно того, что «байронические экстремы романтизма всегда оставались далеки от собственных путей эстетики и поэзии» [1. С. 38] Жуковского, в последующих главах книги вырастает четкий базовый тезис о доминантах творчества поэта.

Вполне обоснованно ключевые для поэтического мышления Жуковского категории (*меланхолия* и «ужасное») представлены как определяющие художественное своеобразие творчества поэта.

Материал второй главы убедительно демонстрирует, как «на основе меланхолической душевности произошло становление психологизма в поэзии Жуковского, а через нее – и в позднейшей русской лирике и русском романе XIX в.» [1. С. 19]. Следует подчеркнуть, что из подобных блоков, разделов, глав должна будет состоять и уже складывается на наших глазах новая история русской литературы, в частности XIX в. В этом отношении, несомненно глубокий научный потенциал заключает в себе вывод о том, что «присущее меланхолической традиции представление о противоречивости внутреннего мира человека не прошло бесследно для формирования такой художественной и одновременно философской особенности отечественной литературы, как “диалектика души”» [Там же].

Ю.М. Прозорову потребовалось столь же обширное освоение литературного пространства, какое было освоено Жуковским: «...ни одно из сколько-нибудь значительных явлений, составлявших эту сферу знаний в эпоху европейского Просвещения, не прошло мимо его внимания и сознания» [1. С. 34]. Добавим и уточним: основная часть этих явлений нашла отражение в книге автора, предоставляя возможность читателю самостоятельно судить о зарождении устойчивых и специфичных для поэтики Жуковского моделей.

В реальном контексте творческих замыслов Жуковского и их осуществлений Ю.М. Прозоров не видит противоречий между поэзией и критикой поэта: они «выглядят таковыми только лишь на фоне легенды о поэте» [1. С. 37]. Представленный в исследовании анализ отзывов ближайшего литературного «потомства» Жуковского, а также выводов позднейших историков подтверждает данный тезис, демонстрируя, что закрепившиеся в литературоведении упреки «непоследовательности и эклектизму поэта-критика» носят «необъяснимо парадоксальный характер» [Там же].

Проницательно отмечены Ю.В. Прозоровым уникальный синтез в наследии Жуковского и его авторская интерпретация. Подчеркивается, что именно Жуковский впервые дал понять русскому читателю, что «литературно-художественное и литературно-критическое дарование – это не одно и то же» [1. С. 27]. Жуковский обладал этими неодинаковыми дарованиями, слившимися воедино в его таланте.

Близкими оказываются, как следует из материала, представленного в монографии, труд переводчика и деятельность критика, когда присутствует общий для них литературный источник «как побудительное начало и отправной пункт творческого процесса» [Там же. С. 29]. На примере Жуковского прекрасно видно, что сближение двух призваний становилось основой предвидения поэтом будущих путей развития литературы.

Логически вытекают из этого заключения и предельно убедительны размышления Ю.М. Прозорова о присутствии Жуковского в поэтическом кругозоре Н.А. Некрасова. В главе «Исторические судьбы традиций В.А. Жуковского в русской литературе. В.А. Жуковский и Н.А. Некрасов» поэтический сборник Некрасова

«Мечты и звуки», как можно утверждать, впервые удостоился столь глубокого, подлинно академического внимания. Перед нами еще один пример, доказывающий, что русская литература XIX в. все еще оставляет за собой много неизученного.

Одна из перспектив, намеченных в этой части книги, – история некрасовской репутации – «не только литературной, но и общественной, не только прижизненной, но и посмертной» [1. С. 247]. Начальный путь в этом направлении пройден Ю.М. Прозоровым в размышлениях, где «гравитационное поле Пушкина» рассмотрено как неизбежный и несомненный поэтический контекст эпохи, формировавший традиции и влиявший на их восприятие: от него могли отгалкиваться, к нему могли и стремиться. Анализируя причины, по которым Пушкин и Жуковский как «представители единой поэтической системы <...> обнаруживали значительные различия между собой» [1. С. 255], Ю.М. Прозоров справедливо полагает, что «Пушкин был вскормлен французской культурой, духом сложившихся на ее почве просветительского рационализма и классицизма, в то время как Жуковский отражал в своем творчестве духовную атмосферу немецкого идеализма» [Там же].

Объектами глубокого анализа в книге Ю.М. Прозорова стали «представление о Жуковском как олицетворении отрешенной в определенном смысле от реальности романтической поэзии» [1. С. 278], а также «устойчивая и привычная оппозиция» имен Жуковского и Гоголя. Очевиден широкий замах ученого: творчество Некрасова рассматривается и самостоятельно, в контексте всей истории русской литературы, и как переход к разговору о русском реализме в целом, как наследовавшем и усвоившем художественные открытия Жуковского. Арсенал доказательств – в параллельном анализе тем, мотивов, образов поэзии Жуковского и Некрасова, в «подчеркнутом родстве» стихотворений Некрасова 1874 г. с образно-тематическими, жанровыми, философско-эстетическими традициями романтической поэзии [Там же. С. 291].

Пятая глава книги переносит читателя в модернизм XX в., который в целом, как и его выдающийся представитель Б.К. Зайцев, развивался с «чувством “снеговых вершин” за спиной» [Там же. С. 300].

Три книги Зайцева – «Жизнь Тургенева» (1932), «Жуковский» (1951), «Чехов» (1954) – рассмотрены как единый литературный ряд, «объединяемый поэтикой лирической суггестивности, свойственной всем входящим в него писателям» [1. С. 21].

Ю.М. Прозоровым выстроена парабола исторического развития литературы, общий контур которой при всей своей схематичности дает точное представление о конкретных отдельных явлениях процесса. Говоря о схематизме, следует понимать, что проистекает он не от скудости материала, а от его избытка. Так, в связи с рассказом Зайцева «В дороге», названы стихотворения Некрасова, Тургенева и Бунина как бьющие прямо в цель; между тем по этой модели выстроены многие шедевры русской литературы, созданные Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым и др. Но автору справедливо важен не этот ряд, а иная поэтика – «сумма схваченных впечатлений, разъятых до молекулярной малости» [1. С. 308], корни которой четко прослеживает Ю.М. Прозоров в наследии Жуковского.

Как было сказано выше, особую оценку заслуживает Приложение, посвященное переводам Жуковского фрагментов Священного Писания. Менее знаменитые, чем античный цикл, философско-публицистические статьи поэта на религиозные темы, написанные также во второй половине 1840-х гг., чрезвычайно редко попадали в поле зрения исследователей. Истории их замысла и создания, размышлениям поэта над вопросами христианского мирозерцания посвящена статья, предваряющая текст переводов Жуковского из Псалтири и Евангелия. Сам текст – ценный и редкий материал, результат источниковедческой и текстологической работы Ю.М. Прозорова. С точки зрения отечественной академической текстологической традиции работа выполнена безупречно.

Закрывая последнюю страницу книги Ю.М. Прозорова «В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции», уместно еще раз вспомнить строки поэта из «Лаллы Рук»:

И во всем, что здесь прекрасно,
Что наш мир животворит,
Убедительно и ясно
Он с душою говорит...

Литература

1. Прозоров Ю.М. В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции. СПб. : Полиграф, 2017. 406 с.

2. Прозоров Ю.М. В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2018. 46 с.

“Revelations Beneficial to Heart...” on the Book by Yuri Prozorov (2017) V.A. Zhukovskiy v Istoriko-Literaturnom Osveshchenii. Estetika. Poetika. Traditsii [V.A. Zhukovsky in a Historical and Literary Interpretation. Aesthetics. Poetics. Traditions]. St. Petersburg: Poligraf.

Text. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 19, pp. 126–137

DOI: 10.17223/23062061/19/9

Marina I. Shcherbakova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky, Yu.M. Prozorov, Russian literature, N.A. Nekrasov, B.K. Zaitsev, traditions, aesthetics, poetics.

The last book of an outstanding Petersburg literary critic Yu.M. Prozorov on the poetic and critical legacy of Vasily Zhukovsky is regarded as a theoretically significant study, which has a deep scientific potential, traces the historical fates of the traditions of the poet in Russian literature, in the works of not only his younger contemporaries, but also the poets of the second half of the 19th century, as well as artists of the 20th century. An integrated approach to the study of the creative legacy of Zhukovsky proposed by the author is relevant. The direct and immediate relationship that the poet had to the modifications that occurred in Russian literature under the influence of European literature of the 18th and 19th centuries was rightly emphasized. The breadth of the material is combined in the monograph with its in-depth study, account and careful analysis of materials and documents not previously introduced into scientific discourse, which substantially corrects the existing ideas about the features and evolution of Zhukovsky's creative talent. Prozorov built the parabola of the historical development of literature, the general outline of which, for all its schematics, gives an accurate picture of the specific individual phenomena of the process. The book has three dominant objects of study of Zhukovsky's creative legacy: aesthetics, poetics, traditions (which is emphasized in the title itself), the categories of Zhukovsky's poetic thinking are thoroughly observed. The scale of the analysis allowed Prozorov to harmoniously and convincingly solve the issue of the development of Zhukovsky's traditions not only by his younger contemporaries, but also by the poets of the second half of the 19th century, as well as by artists of the 20th century. The thoughts about the presence of Zhukovsky in the poetic horizon of N.A. Nekrasov are convincing. Nekrasov's works are considered both independently in the context of the entire history of Russian literature, and as a transition to a conversation about Russian realism in general, as a continuation of the literary discoveries of Zhukovsky. The arsenal of evidence is in a parallel analysis of

the themes, motives, images of the poetry of Zhukovsky and of Nekrasov. The author outlines new ways of thinking about the categories of “melancholia” and “the terrible” that are key to the poetic thinking of Zhukovsky. It is convincingly shown that the historical fates of Zhukovsky’s traditions can be traced in the works of B.K. Zaitsev. Of particular appreciation is the Appendix to the thesis on Zhukovsky’s translation of fragments of Holy Scripture. The poet’s philosophical and journalistic articles on religious themes, written in the second half of the 1840s, very rarely came to the attention of researchers. The published texts are the result of Prozorov’s source study and textual work. From the point of view of Russian academic textual tradition, the work was done flawlessly.

References

1. Prozorov, Yu.M. (2017) *V.A. Zhukovskiy v istoriko-literaturnom osveshchenii. Estetika. Poetika. Traditsii* [V.A. Zhukovsky in the historical and literary interpretation. Aesthetics. Poetics. Tradition]. St. Petersburg: Poligraf.
2. Prozorov, Yu.M. (2018) *V.A. Zhukovskiy v istoriko-literaturnom osveshchenii. Estetika. Poetika. Traditsii* [V.A. Zhukovsky in the historical and literary interpretation. Aesthetics. Poetics. Tradition]. Abstract of Philology Dr. Diss. St. Petersburg.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисова Татьяна Станиславовна – кандидат филологических наук, PhD, доцент факультета русской филологии и славяноведения Афинского национального университета им. И. Каподистрии.

E-mail: borisova@slavstud.uoa.gr, tatianaborissova@gmail.com

Волошина Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: vsv1304@yandex.ru

Зылевич Дина Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательских технологий Белорусского государственного технологического университета.

E-mail: din-a@tut.by

Ларкович Дмитрий Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета.

E-mail: dvl110@yandex.ru

Лизунова Ирина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ГПНТБ СО РАН, профессор кафедры цифровой экономики и управления СГУГиТ.

E-mail: 2004liv@ngs.ru

Новикова Елена Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: elennov@mail.ru

Проданик Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет».

E-mail: omsk.nadezhda@mail.ru

Сапченко Любовь Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова.

E-mail: ssj-sla@mail.ru

Щербакова Марина Ивановна – доктор филологических наук, зав. Отделом русской классической литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН).

E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. При повторном обращении к одному и тому же источнику в пределах страницы ссылка оформляется следующим образом: [Там же. С. 100] – если источник на русском языке, или [Ibid. P./S. 100] – если на английском/немецком. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесён с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:

- английский вариант инициалов и фамилии автора;
- перевод названия своей организации;
- перевод названия статьи (например: Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812");

– автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

– перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

– фамилия, имя, отчество (полностью);

– учёная степень, учёное звание;

– должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

– специальность (название и номер по классификации ВАК);

– телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего оформляется и подаётся три электронных и бумажных документа:

1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне*.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение её состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

* По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

2019. № 19

Редакторы Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид

Редактор-переводчик В.Н. Горенинцева

Оригинал-макет А.И. Лелююр

Подписано в печать 22.03.2019 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Печ. л. 8,8; усл. печ. л. 8,2.

Тираж 50 экз. Заказ № 3713. Цена свободная

Дата выхода в свет 29.03.2019 г.

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома

Томского государственного университета,

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49

<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru